

МУСТАФА ТЛАС

МАЦА СИОНА

Мустафа Тлас

МАЦА СИОНА

© Moustafa Tlass, 1990

Перевод и редакция: DJSI, 2026 г.

ДЛЯ ПРОЕКТОВ:

<https://t.me/+5a23Ui6yza45NWFi>

<https://t.me/poiskpravdy>

Вводная информация

Дело: Убийство отца Фомы Аль-Капуци и его слуги Ибрагима Амары Аль-Руми с целью использования их крови для приготовления «Мацы Сиона».

Дата: Среда, 2 зу-ль-хиджа 1255 года по хиджре (5 февраля 1840 года н.э.).

Место: Еврейский квартал в Дамаске.

Участники убийства отца Фомы Аль-Капуци — следующие евреи:

Давид Харари, Аарон Харари, Исаак Харари, Иосиф Харари, Иосиф Лифьядо, Рабби Муса Абу аль-Афие, Рабби Муса Бохур Йехуда (известный как Саланики), Салиман аль-Халлак (цирюльник)

Участники убийства Ибрагима Амары — следующие евреи:

Муса Фархи, Мурад Фархи, Аарон Саланболи, Ицхак Пиччотто, Аслан Фархи, Якоб Абу аль-Афие (или Джейкоб Абу аль-Афие), Йосеф Менахим Фархи, Мурад аль-Фаттал.

*Францисканская церковь – Дамаск, Баб Тома,
Место гробницы отца Фомы Аль-Капуци.*

*Мраморная плита на гробнице отца Фомы Аль-Капуци внутри
Францисканской церкви в Дамаске, Баб Тома.*

Надпись на плите:

*D.O.M. (Богу Всеблагому Величайшему). Здесь покоятся кости отца ФОМЫ
ДА САРДЕНЬЯ, Апостольского миссионера, капуцина, УБИТОГО ЕВРЕЯМИ 5
февраля 1840 года*

История этой плиты

Возобновление обвинения в ритуальном убийстве в Дамаске привело сэра Мозеса Монтефиоре к осознанию того, что металлическая плита, установленная в Капуцинской церкви в этом городе, в дополнение к обвинению евреев в убийстве отца Фомы, будет продолжать оставаться источником религиозной ненависти к евреям. И после того, как в 1840 году он получил от кардинала Риворола (главы Капуцинского ордена в Риме) заверение, что текст враждебной надписи будет удалён, а также заручившись твёрдой и достаточной поддержкой французского правительства, сэр Мозес нашёл подходящую возможность отправиться в Дамаск и лично вмешаться на месте событий.

Он прибыл в Дамаск 3 июля 1849 года. Сэр Мозес имел мужество лично отправиться в церковь и в присутствии двух священников переписал текст на арабском и итальянском языках. По-видимому, существовали некоторые сомнения относительно точности текста...

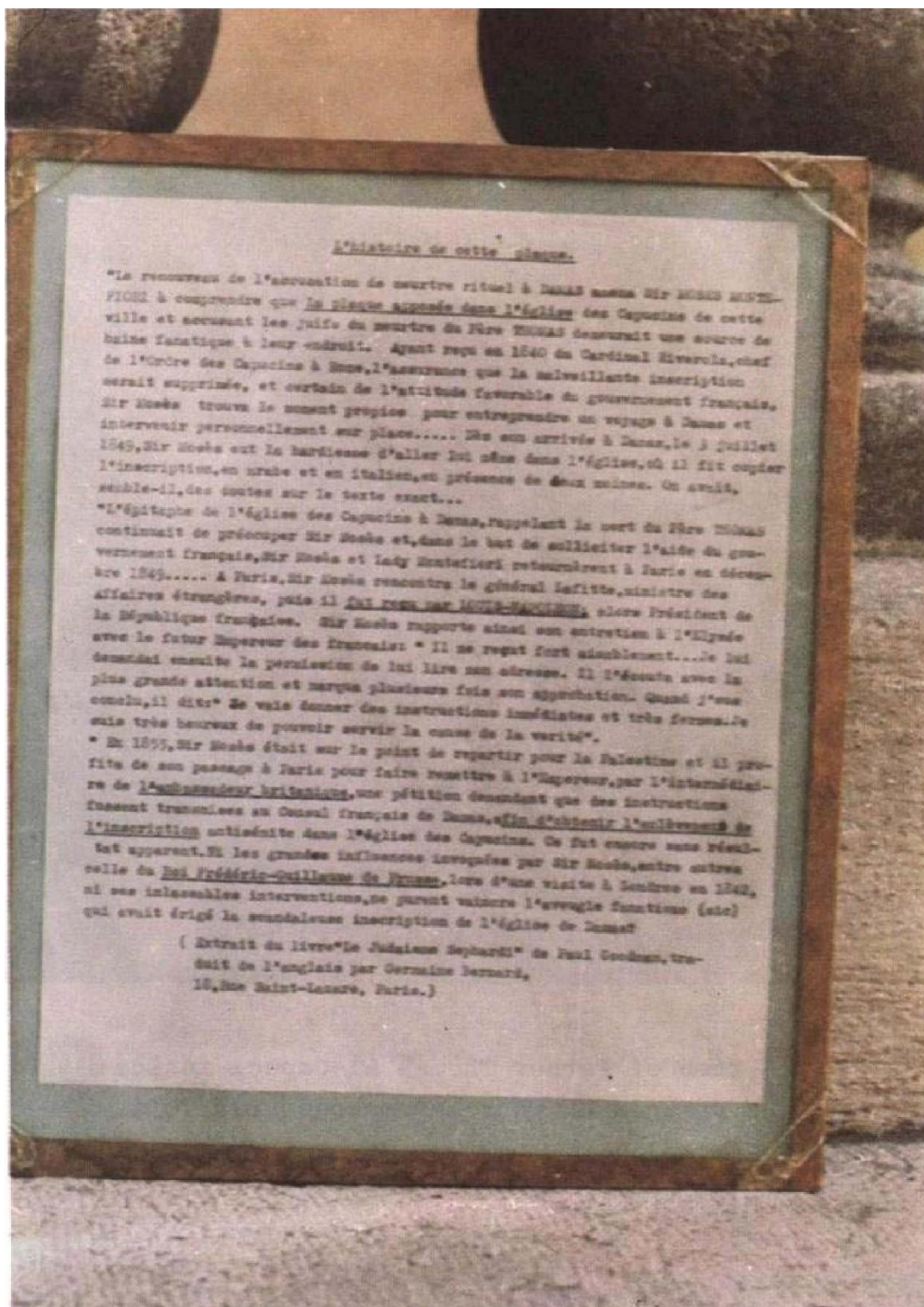
Надгробие в Капуцинской церкви в Дамаске, как напоминание о смерти отца Фомы, стало источником постоянного беспокойства для сэра Мозеса. Чтобы запросить помощь французского правительства, сэр Мозес и леди Монтефиоре вернулись в Париж в декабре 1849 года. В Париже сэр Мозес встретился с генералом Лафиттом, министром иностранных дел; а вскоре после этого его принял Луи-Наполеон, президент Республики.

По словам сэра Мозеса, в Елисейском дворце с будущим императором Франции состоялся следующий разговор:

«Он принял меня с большим радушием... Затем я попросил у него разрешения зачитать моё прошение. Он слушал с большим вниманием и много раз выражал своё согласие. И когда я закончил читать, он сказал: "Я отдам прямые и строгие приказы; я очень счастлив, что могу послужить правому делу!"».

В 1855 году сэр Мозес планировал снова отправиться в Палестину. Во время остановки в Париже он передал императору через французского посла просьбу направить указание французскому послу в Дамаске с целью обеспечить удаление враждебного антисемитского документа из Капуцинской церкви. Ответа не последовало. Начиная с этого времени сэр Мозес оказывал большое давление, как и король Пруссии Фридрих-Вильгельм во время своего визита в Лондон в 1842 году. Их постоянные ходатайства не смогли положить конец этим слепым предрассудкам или фанатизму, лежавшему в основе этого позорного документа в церкви Дамаска¹.

¹ Цитата из книги «Сефардское еврейство» Пола Гудмана.

Документ, прикреплённый на мраморной плите рядом с гробницей отца
Фомы внутри Францисканской церкви – Дамаск, Баб Тома.

*Гробница отца Фомы Аль-Капуци внутри Францисканской церкви в Дамаске,
Баб Тома.*

ВВЕДЕНИЕ

В 30-х годах XIX века Мухаммеду Али удалось освободить Сирию и объединить её с Египтом, что породило серьёзный международный кризис, исходивший из опасности, которую это могло представлять для европейских интересов. Возникла новая международная коалиция под руководством Англии с целью разрушить это единство. Франция монополизировала особое положение в пользу Мухаммеда Али в надежде использовать эту дружбу и получить привилегии в этом важном регионе. Позже, под давлением Европы, она была вынуждена оставить его. Возникло несколько замыслов, пытавшихся разрушить это единство, принимая различные формы. Одни пытались придать Сирии особый статус, чтобы оторвать её от окружения, другие требовали восстановления Иудейского царства.

В эту бурную эпоху, в последней фазе правления Мухаммеда Али-паши над Сирией, Дамаск был потрясён ужасным преступлением, жертвой которого стал отец Фома Аль-Капуци. Это преступление было совершено группой евреев, которые хотели извлечь его кровь для приготовления мацы (на Йом-Кипур). Это было не первое преступление такого рода, так как Запад уже пережил множество подобных преступлений, не говоря уже о тех, что произошли в царской России.

Священник провёл в Дамаске 33 года (1807–1840). Он был знаком с фармакологией и медициной. Он лечил больных в Дамаске бесплатно — мусульман, христиан и евреев. Он был искусен в вакцинации против оспы, которую применил в Дамаске впервые. Он оказывал огромные гуманитарные услуги во время распространения эпидемий. Он был объектом доверия, уважения и любви всех людей.

В день преступления он оказался в еврейском квартале, леча еврейского мальчика, больного оспой (см. «Аль-Максуд фи Каваид ат-Талмуд», пер. Юсеф Ханна Наср Аллах, стр. 29–30).

Некоторые преступления были раскрыты и зафиксированы, несмотря на все попытки их скрыть или уничтожить улики.

Перья исследователей стекались с Востока и Запада, чтобы представить содержание и раскрыть скрытые мотивы этих преступлений. Таким образом, это преступление — убийство отца Фомы Аль-Капуци и его слуги — не было первым в своём роде.

Подобное преступление было совершено в Алжире в середине XVIII века, когда евреи похитили христианского мальчика и выпустили его кровь, но евреям удалось добиться прекращения этого дела, подкупив турецкого губернатора Алжира.

Генеральный консул Египта писал французскому министру иностранных дел 2 апреля 1840 года: «Я считаю себя обязанным представить вам копию доклада, который был отправлен Мухаммеду Али и

подготовлен раввином, принявшим ислам, который раскрывает нам правду о том, что человеческая кровь необходима для еврейского празднования Йом-Кипур. Это странное открытие помогает нам понять исчезновение большого числа людей без каких-либо сведений об их судьбе, и некоторые греческие рабы, купленные евреями во время войны, возможно, исчезли по этой причине».

Также французский консул в Дамаске упоминал о подобных инцидентах. Он наблюдал и отслеживал развитие этого конкретного дела, поскольку жертва, отец Фома, был французским подданным, жившим в Дамаске.

Это преступление, безусловно, не является последним в своём роде². Но это конкретное дело приобрело особое значение из-за окружающей политической обстановки.

Египетские власти в Каире и Дамаске были очень обеспокоены этим ужасным преступлением. Французский консул лично участвовал в расследовании, поскольку жертва была французским подданным. Расследование выявило серьёзные обстоятельства, выходящие за рамки самого преступления, касающиеся природы и мотивов, связанных с еврейским учением, предписанным Талмудом, который содержит разрушительные отклонения, руководствующиеся чёрной ненавистью к человечеству и ко всем остальным религиям одинаково и вместе³.

² См. Ролинг: «Еврейские верования согласно Талмуду». Глава содержит цитаты из Талмуда: «Жизнь в страданиях и подчинении народа Израиля продолжится до тех пор, пока не будет устранено иностранное господство над ними. Прежде чем евреи окончательно воцарятся над остальными народами, должна разразиться война, которая уничтожит две трети мира. Затем евреи проведут семь непрерывных лет, уничтожая оружие, захваченное ими после победы» (стр. 65).

³ Французский консул в Дамаске прислал перевод из Талмуда:

1. Нет ничего сказанного или сделанного в христианских церквях, что не отличалось бы от истины и не отличалось бы от того, что практикуют неверующие. Долг еврея — уничтожать эти церкви. Христианская Библия — это не что иное, как вера в Великие Грехи; поэтому долг еврея — сжечь её, независимо от присутствия в ней имени Бога.
2. Долг еврея — проклинать христиан трижды в день и молиться, чтобы Бог уничтожил их всех, особенно их королей и правителей. Это Закон, и его неукоснительное соблюдение лежит на лидерах этой веры, особенно на тех, чей долг — побуждать к проклятию христиан. Бог приказал еврейскому народу наложить руку на христианское богатство всеми возможными способами, неважно, используют ли они обман, кражу или взимание процентов.
3. Долг евреев — считать христиан зверями и обращаться с ними соответственно. Если еврей видит христианина на краю обрыва, он должен столкнуть его или сбросить на дно.

Французский консул объяснил, что в Талмуде есть некоторые ссылки на мусульман, которые даже более суровы, чем на христиан; и он воздержался от их перевода из-за опасения гнева мусульман.

Еврейская реакция вызвала большое смятение повсюду; их лидеры и сторонники стучались в двери правителей Европы и Соединённых Штатов, чтобы те вмешались в их пользу и уничтожили следы этого преступления, и заявили, что евреи не виновны в этом преступлении.

Даже сегодня, всякий раз, когда евреи совершают преступление, которое потрясает мировое общественное мнение, они не удовлетворяются тем, что их объявляют невиновными в таком преступлении, но используют возможность по максимуму, чтобы получить больше влияния на общественное мнение.

Они начали эту стратегию с использования австрийского консульства в Дамаске, чтобы вмешаться в расследование в пользу некоторых из обвиняемых евреев на том основании, что они были австрийскими подданными; и они запросили вмешательство своего правительства в их защиту.

Евреи использовали терпимость египетских властей и французского консула в Дамаске, когда связались с обвиняемыми, призывая их отрицать какую-либо причастность; они склонили тех, кто уже признался в совершении преступления, и угрожали им, чтобы они изменили свои показания. Затем они начали оказывать давление на французского консула через его начальников в Париже и Константинополе. Они обвинили французского консула в Дамаске в несправедливости и угнетении, а также в зависти к их еврейским богатствам. Это обвинение исходило от австрийского консула, который также обвинил национальные власти, проводившие расследование, в применении пыток, чтобы принудить обвиняемых признать своё преступление. Они повторяли определённые заявления относительно исламского права в этом вопросе.

Французский консул ответил, что господин Лорин, австрийский консул, не осознаёт тот факт, что евреи Дамаска заплатили значительную часть своего золота по делу об отце Фоме Аль-Капуци, потому что они знали и давно знали, что несут ответственность за исчезновение большого числа членов других религиозных общин. Он также указал на огромные суммы денег, предложенные евреями в качестве взятки некоторым сотрудникам французского консульства, чтобы они помогли уничтожить все следы этого преступления.

Что касается обвинения в пытках, то даже если они действительно имели место, это было действием отдельных лиц, поэтому исламское право не играло и не имело никакой роли или связи в этом вопросе.

Хотя применение пыток к обвиняемому преступнику для получения признания было тогда обычной практикой в Европе и Соединённых Штатах, мы не преувеличим, если скажем, что пытки всё ещё практикуются в этих странах и сегодня.

Еврейские лидеры предприняли действия в Европе и Соединённых Штатах, используя своё финансовое влияние и влияние на общественное мнение, а также побуждая эти великие державы вмешаться в их пользу. Они взбудоражили своих сторонников в парламентах и прессе; они организовали демонстрации в поддержку своего дела и направили видных представителей европейских евреев к Мохаммеду Али.

Евреям удалось использовать дилемму, с которой столкнулся Мохаммед Али из-за враждебности и окружения великих держав в Сирии; а также они использовали его финансовый кризис, предложив ему огромные суммы денег.

Из-за всего этого они добились получения декларационного указа от Мохаммеда Али. Фактически они надеялись с помощью его содержания завершить дело в свою пользу и полностью избавиться от него.

И когда султан Турции отвоевал Сирию у Мохаммеда Али, Монтефиоре получил от него другой указ, провозглашающий защиту евреев от расследования преступлений, подобных дамасскому.

Но евреи не удовлетворились тем, чего достигли к тому времени, и направили свои сосредоточенные усилия на то, чтобы стереть надпись на гробнице отца Фомы во Францисканской церкви, которая гласит: «Здесь покоятся кости миссионера отца Фомы Аль-Капуци, убитого евреями пятого февраля 1840 года»⁴.

Таким образом, евреи продолжают совершать индивидуальные преступления и массовые убийства и добиваются уничтожения улик своих преступлений благодаря использованию своего финансового, политического и пропагандистского влияния в правящих кругах Европы и Соединённых Штатов. И они не удовлетворяются этим, но почти всегда в итоге получают политические и экономические выгоды. Ибо демонстрации, которые были организованы евреями и их сторонниками в Европе, особенно в англо-саксонских странах; и петиции, которые они подали после этого преступления, были сосредоточены на их требовании возвращения евреев в Палестину.

Им удалось убедить людей с высокой ответственностью и политическим статусом в некоторых европейских государствах, что возвращение евреев в Палестину станет лучшим решением Восточного вопроса⁵. Поэтому благодаря влиянию евреев и их сторонников в Англии

⁴ Монтефиоре писал Пальмерстону и Луи-Наполеону по этому вопросу. Французский консул в Дамаске был обеспокоен тревогой и беспокойством христиан Дамаска по поводу визита Джозефа Ротшильда, известного французского финансиста, и его попытки удалить надпись на гробнице отца Фомы. См. Archives Affaires Etrangères Consulat de Damas-Correspondance politique, Vol. 2 (1848-1853), No. 1, pp. 132-135.

⁵ Английская газета The Globe писала, что возвращение евреев в Палестину равносильно созданию самого прекрасного бриллианта в английской короне. The Morning Chronicle,

британское правительство приняло тему защиты евреев на всей территории Османской империи и принятие идеи возвращения евреев в Палестину.

Соответственно, Пальмерстон отправил письмо своему послу в Константинополе, в котором говорилось, что среди рассеянных по Европе евреев существует идея возвращения в Палестину; и что эта идея нуждается в подобающем ответе, и что всё указывает на то, что их желание теперь ближе к исполнению, чем когда-либо прежде. Ясно, что евреи обладают огромными богатствами. Также очевидно, что каждая страна, которая примет большое количество евреев, получит великую выгоду. Но их поселение в Палестине зависит от решения Восточного вопроса. Соответственно, полезно, чтобы султан поощрял возвращение евреев в Палестину и их поселение там. Не только потому, что он извлечёт из этого материальную выгоду, но и потому, что это предотвратит возможность будущих экспансионистских планов Мохаммеда Али или его преемников.

Пальмерстон попросил своего посла разъяснить это османскому правительству и настоятельно рекомендовать ему поощрять возвращение евреев в Палестину. То, что произошло в 1840 году, повторялось много раз в двадцатом веке, когда сионисты совершали коллективные преступления в Палестине и Ливане, которые потрясли совесть благородных людей во всём мире и были осуждены мировым общественным мнением. Но снова и снова сионистское финансовое, политическое и пропагандистское влияние добивалось того, чтобы подавить возникающее чувство глубокого гнева, отвлекая внимание и мысли людей от этих преступлений. И сионисты, вместо того чтобы быть наказанными, выходили из ситуации с огромными наградами в виде крупных сумм финансовой помощи и огромного количества самого современного и сложного оружия. И вместо одного Мохаммеда Али в девятнадцатом веке они нашли более чем одного Мохаммеда Али в двадцатом веке.

Это преступление — убийство отца Фомы евреями — произошло в городе Дамаске, Сирия, городе религиозной терпимости и мира. Множество подобных преступлений произошло в разных частях света. Как могло такое преступление произойти, когда евреи живут в обществах, где составляют лишь очень маленькое меньшинство? И как эти общества игнорировали влияние и воздействие этого маленького, злобного меньшинства?

Здесь также нужно сказать, что как западные, так и восточные общества намного опередили арабо-исламские страны в раскрытии еврейской идеологии и её скрытого содержания, полного разрушительного

которая выражала официальные взгляды Пальмерстона, министра иностранных дел, подтвердила, что создание, или, проще говоря, воссоздание этого сирийско-палестинского (еврейского) королевства является насущной потребностью восточной политики и послужит Англии. См. Dr. Hajjar: *L'Europe et les destinees du Proche-Orient* (1815-1848) p. 333., Dr. Ibrahim Hajjar pp. 334-335.

зла. Соответственно, эти общества приступили к исследованиям и серьёзным изысканиям относительно самоизоляции евреев в их собственных кварталах (гетто) и их настойчивого стремления к этой изоляции, чтобы привлекать и вызывать ненависть, чтобы их выделяли из-за их отличительных черт и характеристик. И вполне возможно, что навязанная среда терпимости со стороны мусульман-арабов была главным фактором, который предоставил евреям возможность наслаждаться жизнью в условиях полной свободы на всём протяжении арабо-исламского региона. Они узнали всё о регионах этого мира, и в то же время они извлекли выгоду из своей частной изоляции и окутали свой собственный мир мраком, чтобы мир знал о них лишь немного.

Поэтому не было странным, что город Дамаск был сильно потрясён раскрытием этого ужасного преступления и внезапно пробуждён к тому, что случилось, к печальной реальности незнания тех, кто жил с ними и среди них.

Тревожный крик города выразили матери, предупреждая своих детей: «Берегитесь уходить далеко от своего дома; потому что евреи могут пройти мимо вас, они могут положить вас в свои мешки или увести, чтобы убить вас и выпустить вашу кровь, чтобы испечь свой хлеб Сиона».

Поколение за поколением передавало это предупреждение о «еврейском предательстве». Затем евреи основали для себя страну на земле Великой Сирии. Но исчезла ли еврейская ненависть к другим? Или талмудические учения со своими преступлениями и искажениями продолжали практиковать свою ненависть к человечеству и окружающим обществам?

Наблюдение за повседневными событиями на оккупированной земле даёт ежедневное подтверждение вне всяких сомнений, что то, что описывается как сионистский расизм, является не чем иным, как продолжением и переосмыслением талмудических учений. И если еврей отказывается жить в нееврейском доме, это привело к отказу общества расширенного гетто (сегодняшнего Израиля) жить в доме каких-либо других обществ.

Моё намерение при публикации этой книги было не чем иным, как раскрытием некоторых секретов еврейской религиозной секты и практик её последователей. Их ненавистная, слепая солидарность со своими верованиями и исполнение талмудических учений, которые были сформулированы их религиозными верованиями и учениями (Законом их пророка Моисея). Священный Коран достаточно ясно открыл слова Всевышнего: Суры II: 75, 79:

«Неужели вы надеетесь, что они поверят вам? Ведь некоторые из них слышали Слово Бога, а затем, поняв его, сознательно исказили».

«Горе тем, кто пишет Писание своими руками, а затем говорит: "Это от Бога", чтобы продать его за ничтожную цену! Горе им за то, что пишут их руки, и горе им за то, что они приобретают».

Также моим намерением через написание этой книги является показать косвенно важность государственного национального суверенитета в сирийском регионе, потому что она ясно раскрывает высокомерие и вызывающее поведение Исаака Пиччотто (еврея, работавшего в австрийском консульстве в Дамаске) перед главным судьёй суда. Этот конкретный инцидент не мог бы произойти, если бы иностранное влияние в Сирии в то время отсутствовало. Поэтому мы хотим направить наше внимание и открыть глаза нашим арабским братьям на эти факты и рассмотреть вопрос о национальном суверенитете как неделимом. Мы также хотим показать, что ни один иностранец не имеет никакого права игнорировать эти факты. Серьёзной ошибкой президента Садата (президента Египта после Насера), которая стала причиной его убийства, было то, что он с пренебрежением относился к национальным правам египетского народа и впоследствии продал их национальные права дьяволу.

По этим причинам мы стали свидетелями покорной позы лидера Египта, крупнейшей арабской страны, который безучастно стоял в стороне, наблюдая за трагедией Ливана летом 1982 года.

Суверенитет Египта стал относительным и неполным после Кэмп-Дэвидского соглашения.

Наконец, я очень хочу выразить свою огромную признательность и благодарность моему товарищу по оружию, аль-Мукадаму Бассану Ассали, который был моей правой рукой в подготовке этой книги. Я надеюсь, что смог выполнить некоторые из моих обязанностей в процессе и задаче разоблачения практик исторического врага нашей нации, ища лишь дела Божьего.

Дамаск, Сентябрь 1986 г.

УБИЙСТВО ОТЦА ФОМЫ АЛЬ-КАПУЦИ И ЕГО СЛУГИ ИБРАГИМА АМАРЫ В ДАМАСКЕ, 1840 г. н.э.

1. КОНЧИК НИТИ

Дамаск был спокоен, как обычно, по пятницам. В этот день люди занимаются своей личной жизнью и своими бытовыми условиями, восстанавливая силы в свой день отдыха, что потеряли в течение недели, и готовятся к работе на следующий день. Государственные учреждения и здания пустуют по пятницам, за исключением тех, кто отвечает за поддержание безопасности и обеспечение общественных услуг. В этот день, в пятницу 7 февраля 1840 года н.э. (4 зу-ль-хиджа 1255 г. хиджры), помощник французского консула в Дамаске господин Боден пришёл в офис губернатора Дамаска и сообщил ему, что отец Фома Аль-Капуци вышел из дома в среду (два дня назад), как это было его ежедневной привычкой, чтобы отправиться в еврейский квартал для своей работы по лечению больных и вакцинации против оспы, и не вернулся домой⁶.

Из-за того, что мусульманские кварталы находились далеко от его резиденции, отец Фома планировал свои визиты в мусульманские кварталы рано утром. После работы он возвращался, чтобы пообедать и немного отдохнуть, прежде чем отправиться в христианский квартал, а затем в конце дня заходил в еврейский квартал и возвращался домой поздно вечером.

В тот конкретный день он нёс с собой объявление о публичных торгах по имению Тарноба, так как Тарноба умер ранее. Время возвращения отца Фомы в его дом прошло, но его нигде не было видно. Его слуга Ибрагим Амара забеспокоился и поспешил в еврейский квартал на поиски отца Фомы, но он тоже не вернулся.

Господин Боден заявил, что фармацевт госпиталя Шам, господин Санти, который ранее взял книгу у отца Фомы, пришёл в тот день вернуть книгу. Он несколько раз постучал в маленькую церковную дверь, и когда никто не открыл, он пошёл в большую Францисканскую церковь. Однако священники не проявили особого беспокойства, предположив, что он, возможно, навещал больных. На следующий день, в четверг, 6 февраля, некоторые христиане пришли рано на молитву и, обнаружив церковную дверь закрытой, подумали, что отец Фома уже провёл службу и ушёл по своим ежедневным делам; поэтому они тоже ушли. Также господин Массари, врач дамасского губернатора Шариф-паши, пригласил всех священников на обеденный ужин в свой дом в тот день. Пришли все, кроме отца Фомы. Это вызвало беспокойство у других священников за отца Фому. После окончания

⁶ Журнал Патриархата (ранее Сирийский журнал), VI, том 19 (15 ноября 1931 г.), стр. 598-608.

обеда они пошли к французскому консулу, чтобы сообщить ему о своей обеспокоенности отсутствием отца Фомы, поскольку отец Фома был французским подданным.

Французский консул, граф Де Ратти-Ментон, также воспринял эту информацию с беспокойством. Он немедленно отправился в церковь отца Фомы Аль-Капуци, где обнаружил толпу обеспокоенных людей. Они в один голос закричали, что священник ушёл вчера днём в еврейский квартал и что он и его слуга пропали в этом районе.

Консул приказал одному из соседей спуститься по лестнице внутри церкви и открыть дверь. Когда сосед спустился, он подошёл к двери и обнаружил её закрытой, но не запертой. Этот факт, казалось, указывал на то, что слуга покинул церковь с намерением вскоре вернуться. Консул вошёл в церковь, и когда он зашёл на кухню, он обнаружил, что обед для обоих, отца Фомы и его слуги, был приготовлен и готов к употреблению, что указывало на то, что оба вышли с намерением вернуться к обеду.

Их беспокойство переросло в опасения, что оба встретили смерть за пределами церкви. Не было никаких доказательств смерти в результате кражи денег или ценностей, так как всё внутри было на своих местах и в порядке. Кроме того, многие видели, как отец Фома входил в еврейский квартал вчера днём. Однако никто не видел, чтобы он выходил из еврейского квартала. Консул вернулся в свой офис и отправил своего помощника к египетскому губернатору Дамаска Шариф-паше с информацией, которую он получил.

Губернатор Дамаска немедленно отдал приказ провести необходимые обыски и расследования и послал человека, ответственного за безопасность (Али Нуну), для осмотра подозрительных мест в еврейском квартале и некоторых домов внутри него. Но поиски не привели ни к чему. Затем два местных христианина, католики (Нима Кассаба и Михаил Каллам), дали показания, что они проходили через еврейский квартал в день исчезновения отца Фомы за 15 минут до захода солнца. И когда они дошли до переулочка Талей аль-Фиддаха в первой части еврейского квартала, они увидели слугу отца Фомы, который быстро шёл, входя в еврейский квартал. Они остановили его и спросили, куда он идёт и почему так быстро. Он ответил, что его хозяин раньше говорил ему, что идёт в еврейский квартал, но он ещё не вернулся, поэтому он пришёл искать его. В то время подозрения указывали на то, что отец Фома и его слуга вместе пропали в еврейском квартале.

Шариф-паша, губернатор Дамаска, послал за четырьмя раввинами и попросил их объявить в их храмах, что прощение будет даровано любому, кто предоставит информацию, которая поможет раскрыть уголовное дело, с обещанием сохранить их имена в тайне в случае покушения на их жизнь.

Более того, Шариф-паша отдал приказ обыскать некоторые дома, принадлежащие евреям, но все усилия оказались тщетными.

Мохаммед Али преуспел в XIX веке в освобождении Сирии и объединении её с Египтом. Это действие вызвало серьёзный международный кризис, поскольку это единство представляло серьёзную опасность для европейских интересов. Поэтому был сформирован международный альянс под руководством Англии. Франция не присоединилась к этому альянсу, потому что надеялась культивировать дружбу Мохаммеда Али, чтобы получить определённые привилегии в этом чувствительном регионе. Но позже Франция оставила Мохаммеда Али из-за растущего европейского давления на неё. И чтобы разрушить это единство, было разработано множество планов — либо изолировать Сирию в регионе, либо вернуть к реальности создание еврейского королевства.

В этот нестабильный период, ближе к концу правления Мохаммеда Али над Сирией, ужасное преступление потрясло Дамаск — преступление, результатом которого стало убийство отца Фомы Аль-Капуци группой евреев, которые хотели использовать его кровь для приготовления мацы на Йом-Кипур⁷.

Это было не первое преступление такого рода. Запад знал о многих подобных, как и царская Россия. Отец Фома разместил объявления о публичной продаже с торгов имения Траноба во всех христианских церквях. Когда было замечено, что таких объявлений не оказалось в римских православных церквях или в еврейских храмах, был сделан вывод, что исчезновение отца Фомы произошло до его прибытия в эти места. И когда на следующий день объявление увидели прикреплённым на обычном месте, где обычно размещали объявления, рядом с еврейской цирюльней Солимана Салума, подозрение теперь пало на этого еврейского цирюльника.

Власти сняли объявление и осмотрели его. Выяснилось, что две облатки были использованы на двух углах в качестве клейких лент, тогда как все объявления крепились с помощью четырёх облаток. При осмотре этих облаток стало ясно, что все они были белого цвета, того же вида, который использовал отец Фома. Но две облатки, использованные для крепления объявления рядом с цирюльней, были другого цвета — одна красная, а другая фиолетовая.

Еврейский цирюльник Солиман Салум был вызван на допрос. Он сказал, что объявление на стене прикрепил сам отец Фома. Когда его

⁷ Отец Фома провёл в Дамаске тридцать три года (1807–1840). Он был знающим врачом и обученным фармацевтом. Он лечил больных независимо от их религиозных убеждений — мусульман, христиан и евреев. Он активно искоренял и боролся с заразными болезнями. Он заслужил любовь и уважение всех. Отец Фома был убит в тот же день, когда он посещал и лечил своих пациентов в еврейском квартале, во время лечения еврейского мальчика от оспы.

спросили о способе крепления, он ответил, что отец Фома использовал две облатки. Затем его снова спросили о цвете двух облаток, несмотря на то, что они находились на обратной стороне бумаги, и о том, как отец Фома поместил объявление в такое место, до которого ему было слишком высоко достать. Цирюльник признался, что, поскольку много людей трогали объявление, он опасался, что оно упадёт и потеряется, если он не снимет его с первоначального места и не поместит повыше.

Цирюльник Солиман Салум был снова вызван для дальнейших допросов и подвергся энергичному перекрёстному допросу со множеством вопросов. Его также предупредили и пригрозили. В пятницу, 14 февраля 1840 года, цирюльник признался, что рабби Муса Абу аль-Афие, Муса Бохур Йехуда, Давид Харари и его братья Исаак и Иосиф Харари, а также Иосиф Лифьядо были вместе, и что все они прошли по Зикак (аллее) ат-Талладж в квартале ат-Талладж, мимо дома Давида Харари, между полуднем и послеполуденным временем в среду, в день исчезновения отца Фомы, когда отец Фома встретился с ними.

Цирюльник Солиман Салум также признался, что Исаак Пиччотто, один из еврейских элит, зашёл в его цирюльню после первого допроса, чтобы спросить его, признался ли он в чём-либо. Когда цирюльник ответил отрицательно, господин Пиччотто сказал ему: «Я ожидал этого от тебя и надеялся, что так и будет». Он также заявил, что был у французского консула по поводу расследования, чтобы помочь цирюльнику во время его заключения в тюрьму. Это было сделано для того, чтобы заставить господина Салума, цирюльника, молчать. После этих разоблачений господином Салумом власти вызвали тех, чьи имена были названы господином Салумом. Их попросили изложить, какие факты им известны об исчезновении отца Фомы Аль-Капуци и его слуги. Их ответы были следующими:

Иосиф Лифьядо заявил, что его дочь умерла в пятницу, пятнадцатью днями ранее, и, согласно их обычаю для семьи умершего, они не покидали свои дома, поэтому он ничего не знает об этом деле.

Исаак Харари заявил, что ничего не знает об этом деле, и что они с цирюльником Солиманом Салумом были такими занятыми людьми, которые не интересовались ничем, кроме своей работы — купли-продажи. Он отрицал какую-либо осведомлённость о том, что было сообщено.

Давид Харари заявил, что не видел отца Фому два месяца. Он отрицал, что у него была встреча с теми, кого упомянул господин Салум. Он также заявил: «Правда, что мой дом находится в переулке Талладж, но я ничего не знаю о встрече тех, кого назвал господин Салум во время его допроса властями».

Иосиф Харари заявил, что он старик, который редко выходит из дома; что он не встречался с отцом Фомой более трёх месяцев. Он сказал, что всю

жизнь прожил с христианами, ночевал в их домах, а они, в свою очередь, - у него дома.

Наконец, настала очередь говорить рабби Мусе Абу аль-Афие, и он заявил: «Я вернулся домой с работы около заката. По пути я прошёл по дороге Кассатлие, а не через квартал Талладж. Поэтому я не видел отца Фому ни разу. Что касается встречи, то это не наша встреча. Я не встречался с ними ни разу за последние шесть месяцев. Однако мы могли случайно увидеть друг друга и разойтись. У меня нет никаких сведений о встрече тех, кто упоминается в деле».

Аарон Харари заявил: «Я живу в доме недалеко от резиденции британского консула. Редко я хожу в тот район, чтобы встретиться с моими братьями. Я не видел цирюльника восемь дней, я ухожу на работу и не покидаю рынок, чтобы вернуться домой, до заката. Так как же мы, семеро, могли встретиться?»

Эти люди дали свои показания в отсутствие цирюльника, все они были записаны вместе в одной комнате. Таким образом, они смогли договориться между собой, что говорить, и отрицать свою встречу. Затем цирюльник Солиман Салум был возвращён, чтобы противостоять им со своим заявлением. Они настаивали на своих собственных показаниях, и все повернулись к нему, говоря: «О возлюбленный, разве ты сам видел нас? Я молю Бога о твоём спасении».

Затем Иосиф Лифьядо решил подтвердить свои слова, сказав: «У меня есть доказательство; смерть моей дочери была в ночь на четверг. И Иса аль-Муховель, и Матта Гибриль были в моём доме, и они могут это подтвердить». Остальные настаивали, заявляя, что сообщение цирюльника было ложным и не имело никаких оснований в правде, поскольку они не возвращались домой с рынка до заката.

Когда рабби Муса Бохур Йехуда пришёл на допрос, он заявил, что ничего не знает о деле; что он не встречался с упомянутой группой; что ему ничего не известно об этой так называемой «встрече» и что он не выходил из дома до заката. Поэтому он не видел отца Фому и не встречался с ним.

Столкнувшись с отрицаниями этих обвиняемых, власти решили заключить их под стражу для дальнейшего расследования.

Расследование возобновилось в воскресенье, 13 зу-ль-хиджа (16 февраля 1840 года). На этот момент цирюльник Солиман Салум не признался ни в чём, кроме того, что видел отца Фому встречающимся с семьёю мужчинами. Следователи решили направить свои усилия на цирюльника, потому что чувствовали, что он знает об этом деле больше, чем рассказал до сих пор. Они продолжили его допрос и вели перекрёстный допрос, то с добротой, то с угрозами. Цирюльник начал сдаваться и попросил предоставить ему иммунитет и помилование, прежде чем давать дальнейшие показания. Это было предоставлено. Затем он признался, что

вышеупомянутая группа из семи человек отвела отца Фому в дом Давида Харари. «Через полчаса они позвали меня из моей лавки, это было после заката. Они сказали мне: "Убей этого священника". Отец Фома был в комнате со связанными руками. Я сказал им: "Это не моё дело", и отказался это сделать. Тогда они дали мне деньги, а также дали мне публичное объявление о продаже имущества с торгов. Аарон Харари дал его мне. Они приказали мне прикрепить его рядом с моей лавкой.

Когда вы впервые привели меня на допрос, Давид Харари сказал мне: "Берегись признаваться в чём-либо. Мы дадим тебе деньги". Ко мне был отправлен слуга (Мурад аль-Фаттал) Давида Харари, который пришёл в мою лавку, чтобы попросить меня пойти на место встречи с Харари».

Вышеуказанное признание было записано, и слуга Мурад аль-Фаттал был вызван на допрос.

Следователь возобновил допрос Солимана Салума, цирюльника, сказав ему: «Твои вчерашние признания отличаются от твоих сегодняшних показаний. И ты сказал, что допрос и признание были получены из-за побоев. Иными словами, признание было получено от тебя силой. Теперь ты обвиняешь этих людей; мы хотим знать правду. Не бойся. Мы не хотим никого обвинять. И если есть другая сторона дела, скажи её и не бойся».

Цирюльник настаивал на том, что сказал правду, и что он ничего не отрицает из сказанного. Тогда следователь спросил: «Были ли в доме какие-либо женщины или дети?» Цирюльник ответил: «Никого, кроме семи мужчин, и слуги, который оставался снаружи дома».

Вопросы следователя и ответы цирюльника Солимана Салума были следующими:

В: Кто открыл дверь?

О: Давид Харари.

В: После того как они попросили тебя убить священника, ты оставался там? Куда ты пошёл?

О: Я не оставался. Я ушёл в свою лавку, закрыл её, а затем пошёл домой.

В: Пытался ли отец Фома закричать?

О: Он был окружён этими людьми. Я думаю, это помешало ему кричать. Даже если бы он кричал, его голос не был бы слышен снаружи. Кроме того, окружающие дома были заселены евреями.

В: Был ли его слуга с ним или нет?

О: Его слуги с ним не было. Другая группа убила слугу. Я знаю, что это правда.

Мурад аль-Фаттал, слуга Давида Харари, пришёл и был допрошен следователем. Слуга сказал: «Мой хозяин послал меня после заката позвать цирюльника Солимана Салума. Я позвал его, затем пошёл в свой дом».

В: Присутствовал ли кто-нибудь ещё? Кто был с твоим хозяином?

О: Я никого не видел, кроме моего хозяина, который не выходил из дома в тот день, потому что жаловался на зубную боль.

В: Как ты провёл свой день в среду 2 зу-ль-хиджа, в день исчезновения отца Фомы?

О: Я был на рынке. Я пошёл на таможню, чтобы получить тук шерстяной ткани. Затем я пошёл к Георги Анджури. Я оставался на рынке до заката.

Господин Анджури был допрошен о правдивости того, что сказал Давид Харари о своей встрече с ним в прошлую среду. Он сказал, что Давид Харари не приходил к нему в среду, но пришёл в четверг днём. Часть того, что он сказал мне, было: «Христиане обвиняют нас в деле отца Фомы. Разве возможно, чтобы мы сделали нечто подобное? Разве мы такие люди?» Я ответил ему: «Вот что они говорят».

Затем следователь отправил письменное сообщение на таможню. Ответ на письмо прибыл, запечатанный печатью таможенного чиновника. В нём говорилось, что Давид Харари не приходил в среду, но его слуга пришёл в четверг и получил тук шерсти; что Давид Харари вообще не приходил на таможню.

Помощник французского консула Боден проводил расследование во вторник, 16 зу-ль-хиджа. Он начал с допроса цирюльника Солимана Салума.

В: Кто дал тебе публичное объявление о торгах, которое было найдено прикреплённым рядом с твоей лавкой?

О: Аарон Харари — тот, кто дал мне бумагу с объявлением.

В: Где он дал тебе эту бумагу? И в какое время?

О: Он дал её мне через полчаса после заката в среду. Это было, когда я пошёл в дом Давида Харари. Именно там он дал её мне.

В: Где ты взял облатки для её крепления?

О: Аарон Харари дал их мне.

В: Где Аарон Харари взял облатки?

О: Я не знаю. Всё, что я знаю — он дал их мне вместе с объявлением.

В: Видел ли кто-нибудь тебя, когда ты прикреплял бумагу? В какое время это было?

О: Я прикрепил её рано утром в четверг. Никто не видел меня.

В: Обсуждал ли ты это с кем-нибудь из твоей семьи, например, с отцом или женой?

О: Я вообще ни с кем это не обсуждал.

В: Платили ли они тебе деньги, чтобы купить твоё молчание?

О: Они не дали мне ничего, кроме обещания дать сумму денег.

В: Кто отвечал за расходы на твою семью и дом со дня твоего заключения?

О: Они обещали мне, что позаботятся о расходах на мою семью. Однако они не сдержали своих обещаний.

В: Как они дали тебе это обещание?

О: Когда полицейский Абу Шихаб Тофнаджи пришёл и арестовал меня в воскресенье днём, Давид Харари прошёл мимо меня и прошептал мне, сказав: «Не бойся, мы дадим тебе деньги».

В: Готов ли ты поклясться, согласно твоей вере, в правдивости твоих показаний?

О: Я совершенно готов поклясться.

До этого момента расследования цирюльник Солиман Салум продолжал отрицать какое-либо знание об убийстве или о своём присутствии там. Поэтому Боден спросил его:

В: Пытался ли ты выяснить, что случилось с отцом Фомой после того, как ты покинул дом Давида Харари в среду?

О: Я не мог вернуться, чтобы войти в дом.

В: Знал ли ты, что отец Фома повесил объявление в среду?

О: Да, знал. Но я не видел его, потому что меня в то время не было в лавке. Я был в доме рабби Мусы. Он послал за мной. Когда я вернулся в свою лавку, я нашёл толпу рабочих, читающих объявление. Я спросил их, что в нём написано? Они сказали, что отец Фома повесил его там по поводу торгов.

В: Знал ли ты, как выглядела бумага?

О: Я не видел её. Нет сомнений, что семья Харари сняла её, потому что если бы не они сняли её, они не дали бы её мне, чтобы я повесил её обратно.

В среду, 14 зу-ль-хиджа, Мурад аль-Фаттал был снова приведён, и следователь спросил его:

В: Где был ты и где был твой хозяин Давид Харари, когда он попросил тебя привести к нему цирюльника Солимана Салума?

О: Я был на рынке. Когда я проходил мимо домов семьи Харари, он стоял перед своим домом. Он сказал мне: «Пошли ко мне цирюльника». Поэтому я пошёл к цирюльнику и послал его. Затем я вернулся в свой дом.

В: Твой хозяин отрицал, что просил тебя послать к нему цирюльника.

О: Какова моя работа? Разве я не слуга? Это то, что он приказал мне сделать, и это то, что я сделал.

В: Если он потребовал, чтобы ты послал к нему цирюльника, почему он это отрицает?

О: Возможно, цирюльник обвиняет его в этом, потому что если он отрицает, его могут обвинить.

В: Давид упомянул, что страдал от зубной боли. Это не согласуется с утверждением, что он стоял перед своим домом. Если ему было необходимо оставаться внутри дома из-за зубной боли... Тебе нужно дать нам любую информацию, которая у тебя есть. Поскольку ты слуга, тебе не причинят вреда. Так что говори правду и не бойся.

О: Правда в том, что я боялся, и поэтому сказал то, что сказал. Правда в том, что мой хозяин не посылал меня за цирюльником, и я не отправлялся за ним.

На этом этапе расследования давление на слугу Мурада усилилось с дополнительными угрозами. Тогда он заявил: «Вы привели меня перед лицом моего хозяина Рафаэля Фархи и допросили меня. Он посмотрел на меня и подмигнул, поэтому я всё отрицал».

Следователь сказал ему: «Ты боишься Рафаэля больше, чем меня?» Слуга ответил: «Ты высечешь меня, а потомпустишь. Но он будет избивать меня до смерти. Поэтому я боюсь его больше, чем тебя».

2. ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Пятница 25 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры (28 февраля 1840 года)

Заседание членов следственного комитета:

Лива Садык Бей, командующий конной артиллерией
Французский консул в Дамаске граф Де Ратти-Ментон
Помощник французского консула господин Боден
Господин Массари Хаким, губернатор Дамаска

Из-за отрицания обвиняемыми мужчинами, которые были заключены в тюрьму и изолированы друг от друга на данный момент, и того факта, что они все твёрдо придерживаются своих заявлений о том, что «ничего не знают об исчезновении отца Фомы», а также из-за растущих сомнений относительно роли цирюльника Солимана Салума, необходимо снова привести его на заседание следственного комитета. Когда его снова привели перед следователями, его забросали быстрыми и повторяющимися вопросами. В то же время ему пообещали защиту, если он признается во всей правде. И он признался следующим образом:

Давид Харари и его слуга Мурад аль-Фаттал ушли из моей лавки в его дом примерно через полчаса после заката. Когда я вошёл в дом, я обнаружил там Аарона Харари, Исаака Харари, Иосифа Лифьядо, рабби Мусу Абу аль-Афие и рабби Мусу Бохур Йехуду (Саланики), а также отца Фому, который был связан. Затем Давид Харари и его брат Аарон сказали мне: «Иди и убей отца Фому». Я сказал им: «Я не могу этого сделать». Они сказали: «Подожди». Затем они встали и принесли нож. Я повалил его (отца Фому) на землю и удерживал его с помощью других, и положил его шею на край большого таза для мытья посуды. Давид взял нож и перерезал ему горло. Аарон завершил убийство после него. Они спустили его кровь и старались не пролить ни капли мимо таза. Затем мы вытащили его из комнаты, где его убили, в другую комнату, где были дрова. Мы сняли с него одежду и сожгли её. Мурад

аль-Фаттал, слуга Давида Харари, пришёл и обнаружил отца Фому в комнате с дровами убитым и обнажённым. Затем семеро мужчин попросили меня вместе со слугой Мурадом разрезать тело на мелкие куски. Мы спросили их: «Что нам с ним делать?» Они ответили: «Бросьте его в Чёрную реку, которая выносит городские отходы». Она протекает мимо еврейских кварталов рядом с домом рабби Мусы Абу аль-Афие. Мы начали резать тело на мелкие куски и складывать их в мешок, и опорожняли его в реку, повторяя это снова и снова. Когда мы завершили нашу работу и вернулись в дом Давида, они сказали слуге, что собираются женить его за свой счёт. А мне сказали, что дадут денег. Затем я вернулся в свой дом.

В: Что вы сделали с костями?

О: Мы положили кости на плитки и раздробили их рукояткой пестика (ступки).

В: Что вы сделали с головой?

О: Мы раздробили её таким же образом.

В: Заплатили ли они вам какие-либо деньги?

О: Я упоминал вам, что они обещали своему слуге оплату свадебных расходов, а мне обещали деньги. Они также угрожали, что обвинят нас в убийстве, если мы расскажем об их тайне.

В: Какой мешок вы использовали, чтобы переносить разрезанные части тела? Использовали ли вы один или несколько мешков? Несли ли вы мешок сами, или вы и слуга переносили его по очереди? Какого цвета были мешки?

О: Мешки были из джута. Они были голубоватого цвета. Использовался только один мешок. Слуга и я несли его вместе.

В: Как вы сотрудничали со слугой в переноске?

О: Мы несли его вместе. Иногда я нёс его один. В другое время слуга нёс его.

В: Куда вы дели мешок после того, как закончили работу?

О: Мы оставили его в доме Давида Харари.

В: Из ваших показаний следует, что когда вы перерезали горло отцу Фоме, вы собирали его кровь в таз для мытья посуды, и ни одной капли крови не упало мимо таза. Но после того как вы перетащили тело в другую комнату и разрезали его на куски, крови всё равно не было пролито?

О: По правде говоря, я не обращал внимания, текла ли кровь из тела или нет.

В: Каким был пол в комнате, где вы разрезали тело? Он был земляным или выложен плиткой?

О: Комната была незавершённой, полной земли и дров. Разрезание тела производилось на земле.

В: Что вы сделали с его внутренними органами? Как вы их переносили? Вы их разрезали? Что вы с ними сделали?

О: Мы разрезали их и складывали в мешок, содержимое которого мы выбросили в Чёрную реку.

В: Выпадали ли какие-либо части или вытекали ли они из мешка?

О: Когда такой мешок намокает от воды, он становится толстым; это предотвращает вытекание чего-либо из него.

В: Сколько вас участвовало в разрезании, сколько ножей вы использовали и какого типа?

О: Семеро мужчин указали нам, как резать. Но слуга и я делали работу по очереди. Когда один уставал, другой продолжал. Нож, который мы использовали, был такого типа, каким пользуются мясники. Тот же нож использовался для убийства.

В: Что вы сделали с ним после завершения работы?

О: Мы оставили его в доме Давида Харари.

В: Где находятся плитки, которые использовались для раздробления костей?

О: Они находятся между двумя комнатами, это крытый проход.

В: Сколько времени заняло убийство? Присутствовал ли слуга или нет? Если он не присутствовал, в какое время он пришёл? Кто открыл ему дверь?

О: Слуга не присутствовал во время убийства. Он пришёл после того, как тело перенесли во вторую комнату и после того, как с тела сняли одежду. Кто-то открыл ему дверь.

В: Были ли в доме какие-либо женщины или дети? Был ли в доме кто-нибудь, кроме семерых мужчин?

О: Никого, кроме семерых мужчин, слуги и меня, не было.

В: В какое именно время произошло убийство? Как долго вы ждали, пока кровотечение прекратится? В какое время вы перенесли тело в другую комнату? В какое время пришёл слуга? Сколько времени заняла вся задача? Куда вы дели кровь после того, как закончили задачу?

О: Операция началась примерно через два часа после заката или немного позже. Поскольку уровень пола в комнате был примерно на одну ступень выше, чем в остальной части дома, шея священника была помещена на верхней части ступени, таз для мытья посуды был поставлен на пол, под голову. Кровотечение прекратилось примерно через полчаса, возможно, через две трети часа. Затем мы перенесли тело во вторую комнату примерно через полтора часа. Когда слуга прибыл, тело было обнажённым. Когда мы закончили операцию, было около 8 часов вечера. Что касается крови, она была оставлена в тазу в первой комнате. Я ушёл после этого и не знаю, что они сделали с кровью. Слуга остался после моего ухода.

В: Где происходило снятие одежды с тела? Кто выполнял эту задачу?

О: Снятие одежды с тела происходило в той же комнате, где само тело было разрезано на куски. Давид и Аарон сняли одежду в присутствии всех остальных.

В: Какое верхнее одеяние было на отце Фоме? И из какого материала был пояс?

О: На отце Фоме была чёрная ряса. Я не прикасался к ней своими руками. Его пояс был обычным, просто белая верёвка.

В: Чёрная река, в которую вы бросили тело, открытая или крытая?

О: Река крытая. У входа на куриный рынок, рядом с домом рабби Мусы Абу аль-Афие, есть плоский камень, который используется как крышка. Река становится открытой, когда камень убирают. Именно туда мы бросили останки тела.

На этом этапе цирюльник был возвращён в свою одиночную камеру, где содержался под стражей. Затем слуга Мурад аль-Фаттал был снова вызван на допрос. Они (следственный комитет) сказали ему, что цирюльник признался во всём и что его отрицания бесполезны.

Слуга Мурад аль-Фаттал сказал: «Я не присутствовал, когда совершалось убийство отца Фомы Аль-Капуци. Когда я пришёл, я обнаружил его убитым и обнажённым в комнате рабби, где были только земля и дрова. Затем Солиман и я начали резать тело. Это происходило в присутствии Давида Харари, Аарона Харари, Исаака Харари, Иосифа Харари, Иосифа Лифьядо, рабби Мусы Абу аль-Афие и рабби Мусы Бохур Йехуды. После того как мы разрезали тело на мелкие куски, мы перенесли его и бросили в Чёрную реку. Мы использовали мешок из-под кофе из джута, чтобы переносить останки тела».

Затем допрос был возобновлён следователем, и ответы Мурада были следующими:

В: Что вы сделали с костями?

О: Мы раздробили их рукояткой пестика на напольных плитках.

В: Что вы сделали с головой?

О: Мы тоже раздробили её рукояткой на напольных плитках.

В: Заплатили ли они тебе деньги?

О: Они обещали оплатить мои свадебные расходы за девушку, с которой я был помолвлен. Они также обещали цирюльнику деньги.

В: Какой мешок вы использовали? У вас был один мешок или несколько? Вы несли мешок один или вы несли один, а цирюльник другой? Какого цвета был мешок?

О: Был только один мешок. Мы сотрудничали в переноске: иногда вместе, а иногда один из нас. То я нёс мешок, то цирюльник. Цвет мешка был белым с голубоватым оттенком.

В: Куда вы положили мешок после того, как закончили работу?

О: Я ничего о нём не знаю, ни где он находится.

В: Из твоих показаний следует, что когда вы перерезали горло отцу Фоме, вы собрали его кровь в таз для мытья посуды, не пролив ни капли

мимо таза. Но после того как вы перетащили его тело в другую комнату и разрезали на куски, разве из тела всё ещё не вытекала кровь?

О: Немного крови вытекло из артерий, но земля впитала её. На поверхности земляного пола ничего не осталось видимым.

В: А как насчёт внутренних органов? Что вы с ними сделали? Как вы их переносили? Что вы с ними сделали?

О: Внутренние органы были разрезаны вместе с их содержимым, положены в мешок, а затем мы бросили их вместе с другими частями тела в реку.

В: Вытекала ли какая-либо кровь или содержимое кишечника из мешка во время переноски?

О: Материал мешка был прочным. Он не допускал никаких утечек из мешка.

В: Кто участвовал в операции по разрезанию? Сколько ножей вы использовали? Какого они были типа?

О: Мы использовали только один нож. Он был того типа, которым пользуются мясники. Никто, кроме Солимана и меня, не резал, и это происходило в присутствии семи других мужчин.

В: Не спрашивал ли ты об одежде отца Фомы, что с ней сделали, когда обнаружил его обнажённым?

О: Я спросил. Они сказали, что сожгли её.

В: Где находятся напольные плитки, на которых вы разбивали кости?

О: Напольные плитки находятся между двумя комнатами, это скрытая зона.

В: Когда вы начали операцию и в какое время закончили?

О: Мы начали около трёх часов. Работа продолжалась примерно до семи.

В: Где находится Чёрная река, место, куда вы бросили останки тела? Это открытое или крытое место? Если оно было крытым, как вы открыли крышку?

О: Чёрная река находится рядом с домом рабби Мусы Абу аль-Афие. Она накрыта плоским камнем. Мы убрали камень и бросили останки в реку.

В: Куда пошёл цирюльник после завершения операции?

О: Он пошёл в свой дом.

В: А ты? Как долго ты оставался после этого в доме твоего хозяина? Провёл ли ты вечер с другими? Что ты делал?

О: Я ждал полтора часа. Я приготовил для них табак для курения кальяна, а затем пошёл в свой дом и лёг спать. Я не знаю, остались ли они на ночь или пошли по домам.

Следователь намеренно задал Мураду те же вопросы, которые ранее были заданы цирюльнику. Ответы обоих мужчин полностью совпали, практически с идентичной информацией. После этого председатель

следственного комитета Лива Садык Бей решил немедленно отправиться на место преступления. Члены комитета согласились и сопровождали его. Они начали свои поиски с дома Давида Харари — места, где было совершено и осуществлено преступление. Следователь спросил цирюльника Солимана Салума (которого привели вместе с другими, чтобы опознать предметы и места):

В: Где вы совершили убийство?

О: Здесь! В этой обставленной комнате. Священник был положен посередине комнаты; они поставили таз под его шею и перерезали горло.

В: Где вы разрезали тело?

О: В этой комнате. (Дрова были сложены под аркой с западной стороны, рядом с дверью. На стенах комнаты были видны следы крови).

В: Где вы раздробили его кости и голову?

О: На этом ровном месте между двумя комнатами через портик. (Там виднелись разрушенные плитки, вызванные сильным ударом.)

Затем принесли рукоятку пестика. Цирюльник опознал её и подтвердил, что это был инструмент, использованный для раздробления костей.

Далее были представлены ножи — их было три. Цирюльник сказал, что использованный им нож не был ни одним из них. Он намного длиннее и острее, чем эти, сказал он. Они искали нож, но не смогли его найти. Затем следователи отпустили цирюльника и вызвали на место слугу Мурада аль-Фаттала. Они задали ему те же вопросы; и ответы точно совпали с ответами цирюльника.

Он указал место, где производилось разрезание; место, где разбивали кости, и опознал рукоятку пестика как ту, которую он использовал. Он также не согласился с представленными ему ножами. Его спросили о месте, куда были выброшены куски тела. Он привёл следователей на Пятничный рынок и остановился перед домом рабби Мусы Абу аль-Афие, указав на место, где убрали плоский камень и бросили тело отца Фомы Аль-Капуци в реку.

Следователи отпустили слугу и снова вызвали цирюльника Солимана Салума. Он подтвердил точное место, где останки отца Фомы были утилизированы путём сбрасывания в реку. Он поднял камень, и следы плоти и крови были ясно видны там.

Следственный комитет вызвал специализированных рабочих. Рабочие спустились на дно Солёной реки и извлекли некоторые части тела — куски плоти, печень, сердце; а также голову с кусками головного убора отца Фомы.

Затем председатель комитета Лива Садык Бей приказал перенести то, что они нашли, в офис губернатора. Затем он приказал им отправить все найденное французскому консулу, упаковав останки отца Фомы в специальный контейнер, чтобы медицинский комитет врачей мог исследовать кости и определить, человеческие они или животного

происхождения. После осмотра французский консул отправил два отчёта по этому делу.

Свидетельство Его Превосходительства консула Австрии⁸

Я, нижеподписавшийся, консул Австрии в Дамаске, подтверждаю и признаю, что я присутствовал в консульстве Франции в Дамаске, когда команда мусульманских врачей собралась для исследования костей убитого отца Фомы. Я слышал их медицинское заключение, подтверждающее, что кости были человеческими. Я признаю, что видел несколько кусков чёрного головного убора, подобного тому, который носил отец Фома.

13 марта 1840 года, Мерлато
Австрийский консул в Дамаске

Свидетельство французских врачей⁹

Мы, нижеподписавшиеся врачи, ответственные агенты Его Превосходительства губернатора, отправились в резиденцию французского консула с целью исследования костей. Осмотр показал, что они принадлежат человеческому существу. Поэтому мы дали это свидетельство в Дамаске 29 февраля 1840 года.

Свидетельство комитета врачей

Основание для этого свидетельства: в эту дату мы, нижеподписавшиеся, были вызваны в резиденцию Его Превосходительства французского консула в Дамаске с целью исследования костей, извлечённых из Чёрной реки, в результате содействия некоторых евреев в обнаружении места в присутствии Его Превосходительства консула. Его Превосходительство попросил нас провести тщательное исследование и изучение костей и плоти; представить отчёт в соответствии с нашими медицинскими знаниями о том, являются ли кости человеческими или животными, и доложить правдиво и этически, как повелел нам Бог. После исследования нам всем стало очевидно без каких-либо сомнений или неопределённости, что кости принадлежат человеческому существу. Мы представляем это свидетельство, подписанное и скреплённое печатями, как доказательство наших выводов.

Дамаск, 28 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры.

Подписи:

⁸ Журнал Патриархата, VI, 1931, стр. 657-672.

⁹ Ринальди; Дж. Пикколо; Ф. Массари; Амиантия-Лорассо, а также губернаторский врач и главный врач больницы.

Хадж Мисто аль-Сати, главный хирург
Господин Халиф, хирург
Доктор Мохамад Амин Сакр
Доктор Мохамад аль-Сати
Доктор Мохамад бен аль-Саид Муса
Заверено: Михаил Машага

Свидетельство Иосифа-цирюльника

Я, нижеподписавшийся, цирюльник, который стриг отца Фому Аль-Капуци как его парикмахер, свидетельствую, что куски чёрного головного убора, которые я видел в офисе Его Превосходительства в резиденции французского консула в Дамаске, действительно были кусками от головного убора, который отец Фома имел обыкновение носить. Я опознал маркировку головного убора у отца Франсиса Аль-Капуци в моей лавке до того, как увидел и опознал куски головного убора в доме Его Превосходительства. Я с уверенностью заметил красную отметку, которой я обвёл нижний край внутренней части головного убора и которая была темнее по цвету, чем верхняя часть. Это то, что я знаю, и я свидетельствую об этом перед Богом.

Дамаск, 8 мухаррама 1256 года хиджры.

Юсуф аль-Халлак (Иосиф-цирюльник)

Свидетель правды

Ранее французский консул задал слуге Мураду аль-Фатталу следующий вопрос:

«Вы заявили, что они были очень осторожны в сборе крови в таз. Что они с ней сделали?» Слуга ответил: «Это было для приготовления хлеба, вида хлеба, используемого в религиозных целях». Консул спросил: «Откуда ты это узнал?» Слуга ответил: «Я слышал, как они говорили, что кровь была нужна для приготовления пресного хлеба».

Затем председатель следственного комитета спросил: «Поскольку ты не видел кровь, откуда ты узнал, что они взяли её для приготовления пресного хлеба?» Он ответил: «Я спросил их: зачем вы сохранили кровь? И они ответили мне: чтобы приготовить пресный хлеб».

Председатель комитета возобновил свой допрос: «Было ли убийство отца Фомы совершено по причине обязательного характера, предписанного еврейской религией? Или была вражда между отцом Фомой и евреями? Или они желали завладеть его деньгами?» Он ответил: «У меня нет об этом сведений».

С этим разоблачением дело об убийстве отца Фомы Аль-Капуци было подтверждено, и опознания и детали стали очевидны. Но дело об убийстве его слуги Ибрагима Амары аль-Руми не было подтверждено. О нём ещё

ничего не было известно. Поэтому было решено снова вызвать группу из семи человек, чтобы допросить их с добротой и без оказания какого-либо давления, удовлетвориться фактами и поставить их лицом к лицу перед совершёнными ими деяниями.

3. КРОВЬ ДЛЯ МАЦЫ СИОНА

Запись: Суббота, 26 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры
(1 марта 1840 года)

Исаак Харари был приведён первым, и его спросили, что он знает об убийстве отца Фомы Аль-Капуци. Он ответил: «Мы привели отца Фому в дом Давида Харари. Это было сделано по договорённости между нами. Мы убили его ради его крови, и мы поместили его кровь в стеклянную бутылку в доме рабби Мусы Абу аль-Афие, согласно учениям нашей религии. Суть дела заключалась в том, чтобы получить кровь, потому что этого требует от нас наша религия».

Допрос продолжился следователем:

В: «Какого цвета была бутылка, в которую вы поместили кровь? Она была чёрной или белой?»

О: «Бутылка была белой, бутылка из-под молока».

В: «Кто нёс бутылку и отдал её рабби Мусе Абу аль-Афие?»

О: «Рабби Муса Саланики нёс бутылку и отдал её рабби Мусе Абу аль-Афие».

В: «Зачем вам нужна кровь согласно вашим религиозным учениям?»

О: «Она нужна (для смешивания) при приготовлении хлеба».

В: «Вы распределили кровь между собой?»

О: «Нет! Кровь не раздавалась всем, она раздаётся только религиозным лидерам, таким как раввины».

В: «Как вы договорились между собой и как вы организовали вашу группу, чтобы привести священника?»

О: «Группа была организована Мусой Саланики и Мусой Абу аль-Афие. Именно они привели священника (отца Фому)».

В: «Где вы его убили?»

О: «В новой обставленной комнате, над квадратным залом».

В: «Кто совершил убийство?»

О: «Муса Абу аль-Афие и Давид Харари — вот кто совершил убийство».

В: «Как вы собирали кровь в момент его убийства?»

О: «Для этой цели был принесён латунный таз».

В: «Как долго он оставался в комнате после убийства?»

О: «Примерно полчаса».

В: «Где происходило разрезание тела?»

О: «Во второй комнате, пустой».

В: «Кто разрезал тело?»

О: «Мы все участвовали в разрезании вместе с Мурадом аль-Фатталом».

В: «Куда вы поместили тело после того, как закончили? И кто избавился от него?»

О: «Цирюльник и слуга положили куски в джутовый мешок белого цвета с голубоватым оттенком. Затем они унесли его и избавились от него».

В: «В какое время было совершено убийство? Когда вы закончили?»

О: «Между половиной второго и четырьмя часами (арабское время)».

В: «Все ли вы спали в доме после этого? Или вы разошлись, и каждый пошёл в свой дом?»

О: «Мы разошлись, и каждый пошёл в свой дом».

В: «Присутствовали ли дамы? Если да, то в какой комнате дома они находились?»

О: «Я думаю, они были в северной комнате; но я ни одной из них не видел».

В: «По всей вероятности, группа должна была планировать эту операцию за несколько дней до фактического исполнения. Расскажите нам, что вы об этом знаете».

О: «Первоначальные члены группы, Муса Абу аль-Афие и Муса Саланики, работали вместе, чтобы привести священника Фому под предлогом проведения вакцинации детей против оспы. Это было согласовано двумя или тремя днями ранее в доме Мусы Абу аль-Афие. Мы привели его в дом моего брата Аарона. Там он был убит».

В: «Вы заявили, что кровь была отнесена в дом Мусы Абу аль-Афие. Если мы приведём его, и он опровергнет этот факт, есть ли у вас какие-либо доказательства против него? Или доказательства места, где хранилась бутылка с кровью?»

О: «Правда, что Муса Абу аль-Афие был тем, кто взял бутылку с кровью. Я готов противостоять ему в этом, но я не знаю, где он её хранил».

В: «Когда Муса Абу аль-Афие взял бутылку, он положил её в коробку? Как он её нёс?»

О: «Он положил её под свою одежду и унёс с собой; он не положил её ни в коробку, ни во что-либо другое».

Рабби Муса Абу аль-Афие был доставлен и его спросили о крови отца Фомы, которую они поместили в бутылку, — где эта бутылка или у кого она? Рабби Муса ответил: «Она осталась в доме Давида Харари».

В: «Видел ли ты бутылку своими собственными глазами?»

О: «Да, я видел её своими собственными глазами».

В: «Знает ли об этом Аарон Харари?»

О: «Да! Он знает, что кровь осталась там, в доме Давида Харари».

Аарон Харари был доставлен, и его спросили о крови, и он ответил, что Муса Абу аль-Афие был тем, кто унёс бутылку в свой дом.

Следователь спросил Аарона Харари:

В: «Каким образом Муса переносил кровь?»

О: «В белой бутылке из-под молока».

В: «Был ли Муса Саланики с вами или нет?»

О: «Он был с нами. Он один из нас — семерых». (Он назвал остальных точно так, как было указано ранее.)

В: «Как была передана кровь?»

О: «Мы (семеро) согласились отдать кровь Мусе Саланики, который, в свою очередь, должен был доставить её Мусе Абу аль-Афие».

Давид Харари был вызван, и следователь спросил его:

В: «Где бутылка с кровью?»

О: «Муса Саланики получил кровь, он, в свою очередь, доставил её Мусе Абу аль-Афие в нашем присутствии. Кровь была в белой бутылке, бутылке из-под молока, ёмкостью в три или четыре пинты».

В: «Где сейчас кровь? И где она была первоначально помещена?»

О: «Она была помещена в таз». (Давид Харари подтвердил это.)

В: «Где ты перелил кровь?»

О: «В пустой комнате в моём доме».

В: «Почему ты не оставил кровь у себя?»

О: «Существует обычай, что кровь хранится у раввинов».

В: «Муса Саланики присутствовал во время убийства?»

О: «Рабби Муса был с нами во время убийства священника Фомы».

Следователь перенёс свои вопросы на Мусу Абу аль-Афие следующим образом:

В: «Был ли рабби Муса Саланики с вами во время убийства отца Фомы?»

О: «Да! Он был с нами».

Следователь повернулся к рабби Саланики:

В: «Что ты знаешь о вопросе с кровью?»

О: «Я ничего не знаю об этом предмете. У меня нет об этом знаний».

Повернувшись к Исааку Харари, следователь спросил:

В: «Где хранилась бутылка с кровью?»

О: «Она хранилась у Мусы Абу аль-Афие».

В: «Почему твои братья отрицают знание об этом деле?»

О: «Возможно, они боятся, что их побьют».

В: «Разве вы все — семеро — не участвовали в убийстве священника?»

О: «Да! Мы все участвовали в его убийстве».

В: «Теперь, когда нет сомнений относительно дела об убийстве, скажи нам, где кровь».

О: «Муса Саланики доставил её Мусе Абу аль-Афие, и она остаётся у него».

Следователь, обращаясь к Аарону Харари:

В: «Почему вы убили священника, отца Фому?»

О: «Чтобы получить его кровь, в соответствии с религиозными требованиями». (Исаак Харари подтвердил, что его брат говорит правду.)

В: «Почему кровь не осталась у вас, если убийство произошло в доме вашего брата Давида?»

О: «Рабби Муса Саланики доставил кровь рабби Мусе Абу аль-Афие, потому что существует традиционная религиозная обязанность, что раввины хранят кровь».

На этом этапе расследование остановилось. Была суббота, 26 зу-ль-хиджа. Расследование возобновилось снова в понедельник 28-го числа.

Следователь, обращаясь к рабби Мусе Абу аль-Афие:

В: «Исаак Харари и его брат Аарон Харари признали, что рабби Муса Саланики получил кровь и доставил её вам. Куда вы её положили?»

О: «Рабби Якуб (Иаков) аль-Интаби договорился с Харари и другими, чтобы они принесли ему бутылку человеческой крови. Впоследствии рабби сообщил мне, что Харари пообещали ему достать кровь, даже если это будет стоить им сотни связок (пятьсот золотых лир). После этого я отправился с визитом в дом Харари. Они сказали мне, что привели человека, чтобы убить его и выпустить кровь. Я вошёл в их дом после того, как они уже убили его и выпустили кровь. Они сказали мне: "Поскольку ты мудрый человек, возьми эту кровь и отдай её рабби Якубу". Я сказал: "Пусть Муса Саланики отнесёт её и доставит ему". Они сказали: "Ты возьми это — так лучше. Ты мудрый". Убийство было совершено в доме Давида Харари».

В: «Почему так необходимо иметь кровь? Правда ли, что её кладут в хлеб? Все ли евреи едят это?»

О: «Существует установленная традиционная религиозная практика — класть кровь в хлеб для религиозного руководства, а не для простых людей. Что касается способа приготовления хлеба, рабби Якуб аль-Интаби остаётся в пекарне в ночь Йом-Киппура. Затем верующие приходят к нему с мукой для хлеба. Он замешивает кровь в тесто, чтобы сделать хлеб, без их ведома. После этого он возвращает им хлеб, который он сделал из их муки».

В: «Спрашивали ли вы рабби Якуба, отправлял ли он хлеб евреям, живущим в Дамаске, или отправлял ли он его в другие страны?»

О: «Рабби Якуб сказал мне, что отправил часть его в Багдад».

В: «Имеет ли он установленную связь и контакт с Багдадом по этому вопросу?»

О: «Это то, что сказал мне рабби Якуб».

В: «Правда ли, что вы разрезали тело священника на множество кусков?»

О: «Я взял бутылку с кровью и ушёл в то время, когда остальные оставались в доме. Я не знал об их плане разрезать тело на куски. Всё, что я знал, это то, что они хотели похоронить его. Давид Харари сказал мне, что они собираются похоронить тело под лестницей в своём доме, чтобы никто

не узнал об этом. Похоже, что после того, как новости распространились, они решили разрезать тело, раздробить кости и бросить их в Чёрную реку».

В: «Правда ли то, что говорят о Солимане-цирюльнике, что он удерживал священника во время убийства?»

О: «Я видел, как все они собрались вокруг священника. Солиман-цирюльник и Мурад аль-Фаттал, слуга, были с ними. Они убили его с выраженным чувством удовольствия на своих лицах, потому что чувствовали, что исполняют учения своей религии».

В: «Знал ли кто-нибудь, что вы отдали кровь рабби Якубу?»

О: «Никто не знал, кроме меня и моих товарищей. Я взял бутылку той ночью и отдал её ему в библиотечной комнате его дома. Затем я вернулся в свой дом».

В: «Было ли изначальное соглашение убить священника или просто христианина? Как был выбран именно священник Фома Аль-Капуци?»

О: «Соглашение было таково, что подойдёт любой христианин. Когда выбор пал на священника, я сказал им: оставьте его в покое, потому что его отсутствие привлечёт внимание и вызовет расспросы. Они отказались. Затем они привели его и убили».

В: «А что насчёт слуги священника Ибрагима Амары? Знаете ли вы, кто убил его?»

О: «Я ничего не знаю, кроме того, что связано с делом священника Фомы».

В: «Слуга священника, Ибрагим Амара, искал своего хозяина в еврейских кварталах до захода солнца. Неразумно, чтобы вы ничего не знали об этом».

О: «Возможно, священник и его слуга оба были убиты в доме Давида Харари. Они убили священника первым. Я видел человека, связанного во второй комнате. Я думаю, это был слуга».

В: «Можете ли вы найти тело слуги, чтобы мы могли поверить вашим заявлениям?»

О: «Я ничего не знаю о теле слуги, потому что избавление от тела было работой слуги».

В: «Вчера вы сказали, что кровь была в вашем доме и что она была в шкафу. Когда провели обыск, ничего не нашли. Сегодня вы утверждаете, что отдали её рабби Якубу аль-Интаби. Почему такое противоречие в ваших показаниях?»

О: «Я не признал правду на более раннем допросе, потому что боялся, что мой образ и репутация среди евреев пострадают. Я заслуживаю извинения за то, что не сказал правду, потому что признания запрещены с религиозной точки зрения».

Давид Харари проявил некоторое колебание в своём признании, когда его спросили о причинах этого. Он сказал, что то, в чём он признался ранее,

было правдой, и что он прибегнул к своему отрицанию из страха. Он подтвердил, что кровь была передана Мусе Абу аль-Афие Мусой Саланики.

Аарона Харари также спросили об этом, и он ответил: «Рабби Якуб Интаби говорил с семерыми из нас и сказал, что ему нужна человеческая кровь для приготовления хлеба. Поскольку священник Фома всегда посещает этот квартал, приведите его под любым предлогом, убейте его и возьмите его кровь».

«Он говорил с нами об этом в синагоге. Таким образом, через несколько дней мы приступили к подготовке, чтобы привести священника Фому в наш дом под предлогом вакцинации против оспы. Он был убит, и его кровь была взята Мусой Саланики, чтобы доставить её Мусе Абу аль-Афие, чтобы позже тот передал её рабби Якубу».

Следователь сравнил признания. Они оказались идентичными. Затем комитет заключил, что: «Они — обвиняемые — убили священника Фому Аль-Капуци, чтобы получить его кровь с целью изготовления Хлеба Сиона»¹⁰.

4. УБИЙСТВО СЛУГИ ИБРАГИМА АМАРЫ

Продолжение — Протокол расследования субботы, 26 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры (1 марта 1840 года).

Следователь, обращаясь к слуге Мураду аль-Фатталу:

В: «Ты говоришь, что ушёл после заката, чтобы послать цирюльника, и что не вернулся в дом до намаза иша. И что ты увидел убитого священника в пустой комнате после того, как с него сняли одежду. Где ты проводил время между этими событиями?»

О: «Я работал над записью денег, которые я потратил на ведение хозяйства моего хозяина».

В: «Какие расходы требуют так много времени? Неужели ты не видишь, что это нелогичное заявление, которое нельзя принять? Ты слуга, и поэтому ты должен делать всё, что тебе прикажут. Тебе не следует беспокоиться или бояться сказать правду, особенно учитывая, что губернатор пообещал тебе помилование за правду. Что произойдёт, если Его Превосходительство

¹⁰ Журнал Патриархата, VII, Том 1, 15 января 1933 г., стр. 25-32. В сносках на первой странице появляется следующее: «Причина таких действий, совершаемых евреями, сосредоточена вокруг трёх пунктов: 1. Их ненависть к христианам; 2. их потребность в человеческой крови для занятия магией; и 3. сомнение раввинов и религиозных лидеров в том, что Иисус, сын Марии, был истинным Христом. Таким образом, через пролитие крови его последователей они будут уверены в своём собственном спасении от вечной смерти». См. отчёт рабби Мусы Абу аль-Афие.

губернатор прикажет проверить расходы, которые ты сказал, что записывал, и обнаружится, что ты лгал? Тогда все твои заявления окажутся ложными».

О: «Но почему губернатора заботит, кто записывал расходы?»

Следователь ответил: «Чтобы он мог быть уверен, что ты говоришь правду о том, чем ты занимался в отсутствие от дома твоего хозяина в течение этого периода времени».

Слуга сказал: «Правда в том, что мой хозяин послал меня к Мейеру Фархи, Мураду Фархи и Аарону Исламболи, чтобы предупредить их быть настороже; что слуга священника может прийти искать своего хозяина. Если так, они должны сделать всё необходимое, чтобы не раскрыть и не выдать свой секрет. Я остался с ними после того, как послал цирюльника в дом моего хозяина, потому что они попросили меня об этом».

В: «Как ты связался с каждым из них? И что они сделали после того, как ты передал им предупреждение?»

О: «Сначала я пошёл к Мураду Фархи. Я нашёл его в его доме в компании Исаака Пиччотто¹¹. Я передал ему сообщение в присутствии Исаака Пиччотто. Он ответил: "Хорошо! Иди к своему хозяину". Затем я пошёл в дом Аарона Исламболи. Я нашёл его одного в его комнате, ужинающим. Я передал ему сообщение о слуге священника. Он сказал: "Иди занимайся своим делом". Но затем он спросил меня, кого ещё нужно уведомить по этому вопросу. Я сказал ему. Затем я покинул его дом». Затем я пошёл в дом Мейера Фархи в середине переулка. Я нашёл его перед его домом с Асланом бен Рофаэлем. Я передал ему предупредительное сообщение, и он сказал мне: "Я остаюсь здесь". После этого я пошёл в лавку Иосифа аль-Райека, где работал над записью расходов. Я оставался на улице, убивая время как можно дольше, чтобы вернуться попозже. Когда я вернулся, около времени иша, в дом моего хозяина, я нашёл священника убитым и обнажённым, как я уже говорил ранее».

Затем следователь спросил:

В: «Расскажи нам, что ты знаешь об информации, полученной тобой от лидеров общины, относительно слуги священника, Ибрагима Амары, с момента убийства до момента твоего ареста».

Слуга ответил:

О: «В четверг утром, на следующий день после того, как произошёл инцидент, я пришёл в дом Давида Харари. Присутствовали следующие: Аарон Исламболи, Исаак Пиччотто, Мурад Фархи, Аслан бен Рофаэль и Мейер

¹¹ Исаак Пиччотто был сотрудником австрийского посольства и пользовался защитным содержанием под стражей австрийского правительства — через офис австрийского консула в Дамаске. Австрийский консул не знал о причастности Исаака Пиччотто к преступлению и был очень справедлив и сотрудничал в его фактическом участии в работе следственного комитета. Но позже он стал пристрастен в своей защите от имени обвиняемых убийц и пытался ввести в заблуждение работу следователя.

Фархи. Также присутствовали Давид и его братья Аарон и Исаак; а также рабби Муса Абу аль-Афие и Иосиф Лифьядо. Они оставались в доме около двух часов — с трёх до пяти часов (арабское время)».

В: «Ты слышал, о чём они говорили?»

О: «Я не помню, что было сказано, потому что я был занят приготовлением табака и кальянов».

Следователь ответил:

«Мурад! Это нелогично, поскольку ты сам разнёс предупреждение твоего хозяина Мураду Фархи, Аарону Исламболи и Мейеру Фархи: "быть осторожными со слугой священника". Ты говоришь, что не знаешь, где они его держали и как избавились от него. Ибрагим Амара, слуга, и священник пропали. Ты тот, кто предупредил других троих, как тебе приказал твой хозяин. Ты сказал им сделать всё необходимое, чтобы новости не распространились. Дай нам свои правдивые показания о том, что именно произошло, чтобы ты мог получить полное помилование!»

Мурад аль-Фаттал ответил: «Я слышал, как Мейер Фархи говорил с другими, которые собрались в доме моего хозяина в четверг. Я узнал, что они обнаружили слугу Ибрагима Амару, который ходил вокруг в поисках своего хозяина, священника Фомы. И что пятеро мужчин: Аарон Исламболи, Мурад Фархи, Мейер Фархи, Аслан бен Рофаэль и Исаак Пиччотто — привели его в дом. Они сказали ему: "Войди в дом. Твой хозяин внутри делает прививку от оспы мальчику". Таким образом они заманили его внутрь. Вот что я слышал».

В: «Несомненно, ты должен был слышать, что они сделали со слугой. Кто помогал в его убийстве?»

О: «Я не смог услышать весь разговор. Я слуга и был занят обслуживанием группы. Всё, что я знаю, это то, что они сделали с ним то же самое, что сделали со священником до него. Они также бросили его в Чёрную реку через проточный ручей, который впадает в реку».

В: «Как могли Мейер Фархи и его товарищи сказать, что убили слугу так же, как священника, когда они не знали, как их друзья избавились от священника?»

О: «Они спросили других об убийстве священника, и им рассказали, как он был убит и как избавились от его останков. Когда они узнали об этом, хозяин Мейер сказал, что они, в свою очередь, повторяют то, что случилось со священником, с его слугой; они избавятся от слуги, бросив его останки в канаву, которая впадает прямо в реку».

В: «Были ли эти пятеро, которых ты назвал по именам, одни, или с ними были другие? Кто работает слугой в доме Мейера Фархи? Как его зовут?»

О: «Я не знаю никого, кроме этих пятерых, кто участвовал в этой операции. Я не знаю, знал ли слуга, который работает в доме Мейера, об этом инциденте. Слуга — мальчик младше двенадцати лет. Его зовут Бейд аль-Фагс».

В: «Как ты думаешь, знал ли цирюльник Солиман Салум что-нибудь о слуге священника?»

О: «Цирюльник ничего о нём не знал. Потому что, когда хозяин послал меня, он поручил мне ничего не говорить об истории со священником — о предупреждении, которое я должен был доставить той стороне, относительно его слуги. Я не думаю, что цирюльник знал что-либо о событиях, связанных с убийством слуги священника».

Помощник французского консула господин Боден спросил: «Как ты встретил Мурада Фархи, когда пошёл в его дом? Как ты его нашёл?» Мурад аль-Фаттал ответил: «Я вошёл в дом Мурада после заката, до темноты. Я нашёл его ужинающим, Исаак Пиччотто был с ним. Я передал им предупреждение относительно слуги священника».

Губернатор Шариф-паша спросил: «Откуда твой хозяин узнал, что слуга священника придёт в квартал искать своего хозяина?» Аль-Фаттал ответил: «Общеизвестно, что священник всегда говорит своему слуге, какие места он будет посещать. Поэтому они сделали вывод, что, скорее всего, слуга придёт искать своего хозяина. Именно поэтому они послали меня с предупреждением об этом».

На этом расследование на сегодня закончилось, а затем возобновилось в пятницу, 1 мухаррама 1256 года хиджры. Когда расследование возобновилось, господин Исаак Пиччотто был приведён в сопровождении господина Иосифа Айрута, представителя австрийского консула в Сирии. Следователь спросил Исаака Пиччотто: «Расскажите нам, что вы знаете об убийстве священника Фомы согласно признанию слуги Давида Харари. А также что вы знаете о сообщении Давида Харари относительно убийства священника и его миссии предупреждения относительно слуги священника, как указано в субботнем отчёте от 26 зу-ль-хиджа 1256 года хиджры». Исаак Пиччотто ответил: «В среду, в день исчезновения священника Фомы, я сопровождал Его Превосходительство консула Австрии в поездке. Мы вернулись из поездки примерно за четверть часа или около того до заката. С консулом мы пошли в мой дом. Однако моей жены не было дома, поэтому я вернулся с консулом на улицу. Затем он пошёл в направлении своего дома, а я пошёл в дом Муллима Руфаэля. Я сидел с его детьми около получаса, затем вернулся в свой дом и поужинал. Затем я пошёл с женой в дом господина Максуда, потому что мы были приглашены туда на вечер. Мы оставались за девять вечера и вернулись в свой дом. Я ничего не знал о том, в чём признался слуга Мурад аль-Фаттал. Я вообще его не видел».

Допрос продолжился.

В: «Аль-Фаттал сказал, что вы пошли в дом Мурада Фархи, а не в дом Рофаэля Фархи. Куда именно вы пошли?»

О: «У моего дома две двери. Дом находится в пустынном квартале. Одна дверь ведёт в этот квартал, напротив — бар. Другая дверь ведёт в переулок

Чёрного фонтана. Вместе мы пошли ко входу в еврейский квартал. Затем консул направился в сторону района аль-Шагур. Я продолжил путь к дому Муллалима Рофаэля. Если бы я хотел пойти в дом Мурада, я бы не пошёл длинной дорогой. Это подтверждает, что я вообще не ходил в дом Мурада в тот вечер».

Мурад аль-Фаттал был возвращён, и он предстал перед Исааком Пиччотто. Следователь спросил его о факте его признания. Он вновь подтвердил, что видел, как они вошли в дверь дома перед садом. Тогда Исаак Пиччотто воскликнул: «Он лжец! Он лжец!»

Следователь спросил Исаака: «Но почему этот человек стал бы лгать и обвинять вас?» Исаак не сказал ничего, кроме: «Он лжец!»

Слуга Мурад вернулся и признал, что Исаак Пиччотто также приходил на следующий день в дом Давида Харари. Там он встретился с Мурадом Фархи, Мейером Фархи, Асланом бен Рофаэлем и Аароном Исламболи. Время было утреннее, и они говорили на эту тему.

Следователь спросил его:

В: «И как они завершили свой разговор на эту тему?»

О: «Они спросили их: "Что вы сделали со священником Фомой?" Они подробно ответили, что они сделали — как уже было сказано ранее». Другие спросили первую группу: «А вы! Что вы сделали со слугой?» Они ответили: «Мы сначала встретились в доме Мейера Фархи. Слуга священника пришёл, осведомляясь о своём хозяине. Мы сказали ему: "Он внутри... заходи". Когда он вошёл, мы заперли дверь и убили его, как вы сами сделали со священником. Вот что они сказали, в дополнение к: "И мы бросили его в наружную канализационную трубу у дома Мейера". Они оставались с ними до полудня (в четверг)».

Следователь обратил свои вопросы к Исааку Пиччотто:

В: «Признаёте ли вы правдивость заявления слуги Мурада?»

О: «Что касается вечера среды, это уже было сказано. Но что касается утра четверга, я был послан помощником австрийского консула по приказу консула связаться с одним раввином в Бейруте с целью привести Шедаде Исламбауи, чтобы поговорить с ним и достать деньги. Мы пошли в его дом около четырёх часов (арабское время), но не нашли его, потому что он был приглашён в тот день в дом Аслана Фархи бен Иосифа. Мы оставались с консулом на улице. Затем я зашёл навестить больную девушку (одну из дочерей Салмона) по имени Астер в её собственном доме. Помощник консула отсутствовал полчаса. Затем мы вернулись в дом и послали за Шедаде Исламбули, и поговорили с ним. Затем мы пообедали в присутствии помощника консула и вместе ушли на рынок около шести часов дня (арабское время)».

На этом этапе следователь направил свои вопросы слуге Мураду аль-Фатталу:

В: «Как вы дали свои показания, и обвинили ли вы Исаака? Всё, что от вас требуется, — это сказать правду, а не обвинять. Свидетельствуйте о том, что вы знаете и что видели, без лжи и искажения фактов».

О: «Что я знал, так это то, что эти пятеро мужчин, включая Исаака Пиччотто, были вместе. Что касается того, что Исаак сказал о четырёх, пяти или шести часах, у меня нет часов. Поэтому я не могу указать точное время, но я знаю, что они пришли поздно утром и оставались некоторое время. Затем они ушли в тот день, в четверг, и спросили Мурада, впадает ли ручей прямо в Чёрную реку. Он ответил, что да. Как же тогда он может отрицать, что я видел его с Мурадом после заката? Неужели это для того, чтобы он мог оправдаться? Теперь я вспомнил, как могу опровергнуть его утверждение. Как он может отрицать и защищать себя с доказательствами, когда это он пришёл в четверг вечером в дом Давида Харари до ареста группы. Он послал за своим дядей, рабби Якубом Абу аль-Афие, и они оставались вместе до полуночи. И он сказал группе той ночью: "Цирюльник Солиман Салум сегодня признался в инциденте и назвал ваши имена. Я думаю, что завтра вас арестуют". Затем кто-то сказал ему пойти и увидеться с Мурадом Фархи. Он немедленно встал, но группа попросила его послать своего слугу с новостями и держать их в курсе того, что происходит и почему Мурад хочет его видеть. Он со слугой пошёл. И после того, как он встретился с Мурадом Фархи, он послал своего слугу обратно к группе, чтобы сообщить им, что ничего не случилось. Так что они успокоились».

На второй день, в пятницу, Аарон пошёл в дом Исаака Пиччотто и прятался три дня, так что его братья думали, что его арестовали. Через три дня Аарон вернулся в свой дом, и братья встретились с ним. Они сказали ему, что волновались из-за его отсутствия и что думали, что его арестовали. Он сказал им, что был в доме Исаака Пиччотто. Пока они разговаривали, трое братьев Харари были арестованы в доме их брата Давида».

Затем следователь сказал Мураду аль-Фатталу:

В: «Как зовут слугу Исаака Пиччотто, который был послан из дома Харари в дом Мурада Фархи в конце вечернего собрания, чтобы сообщить группе не волноваться?»

О: «Имя слуги Мурада Фархи, того, кто пришёл и позвал Исаака Пиччотто с собрания, — Шехаде. Однако слугу Исаака Пиччотто, которого он послал к группе, чтобы они не волновались, зовут Яхья Бзайни. Это молодой человек, достигающий совершеннолетия».

Следственный комитет запросил у Аслана бен Рофаэля Фархи и его дочери, а также у мисс Леоши, дочери Шехаде Сламбули, письменные заявления относительно визита Исаака Пиччотто к ним. Их заявления полностью отрицали какой-либо контакт с Исааком и указывали на разногласия между семьёй Пиччотто и семьёй Фархи.

Следственный комитет собрался и возобновил свою работу в среду, 8 мухаррама 1256 года хиджры. Следователь начал с того, что задал слуге Мураду аль-Фатталу следующие вопросы:

В: «Ранее вы признались, что встречались с теми, кто убил слугу священника, когда вы пошли к ним. Кто были те лица, которых вы видели и с которыми встретились?»

О: «Я пошёл в дом Мурада Фархи и обнаружил Исаака Пиччотто с Мурадом Фархи. Затем я пошёл в дом Аарона Исламбули и обнаружил его ужинающим. Затем я пошёл в дом Мейера Фархи и обнаружил его с Асланом бен Рофаэлем. Это то, что я уже говорил вам в моём предыдущем признании».

В: «Аслан отрицал это и представил доказательства того, что он пришёл в свой дом в среду днём и не покидал свой дом до следующего дня. Расскажите нам точно и правдиво всё, что вы знаете».

О: «Я видел Аслана своими собственными глазами, его и Мейера Фархи. У меня нет причин обвинять их. Я не сказал ничего, кроме того, что видел».

Следователь спросил Муаллима Рофаэля:

В: «Не могли бы вы сказать нам точное время, когда ваш сын Аслан вернулся в дом в среду, в день исчезновения священника Фомы?»

О: «Он и я были в здании суда около десяти часов (арабское время), незадолго до заката. Он вернулся в дом, а я пошёл в Совет».

В: «Знаете ли вы, что он делал в доме?»

О: «Я вернулся в дом в одиннадцать часов, и он всё ещё был там».

В: «Где вы провели вечер в ту ночь?»

О: «Я не проводил время вне дома. У меня не в привычке проводить вечера вне дома».

В: «Приходил ли Исаак Пиччотто навестить вас в тот вечер?»

О: «Нет! Он не приходил навестить нас в тот вечер».

Расследование было закрыто. Оно возобновилось в четверг, 9 мухаррама 1256 года хиджры. Следователь начал с того, что спросил слугу Мурада Фархи, Шехаде Адл Балласа, как его зовут. (Он был приведён на допрос.) Затем сказал:

В: «Кто послал тебя позвать Исаака Пиччотто и в какое время?»

О: «Мой хозяин, Мурад Фархи, послал меня попросить Исаака Пиччотто прийти в дом Давида Харари. Это было около четырёх часов вечера (арабское время). Но я не входил в дом Харари. По этой причине я не знаю, кто присутствовал на вечернем собрании. Их слуга Мурад открыл дверь, и я попросил его передать Исааку Пиччотто, что мой хозяин хочет, чтобы он зашёл в его дом после вечернего собрания».

В: «Когда ты пошёл звать Исаака Пиччотто, это было до или после ареста братьев Харари?»

О: «Это было до их ареста».

В: «Кто проводил вечер с твоим хозяином, когда он послал тебя позвать Исаака Пиччотто из дома Харари?»

О: «Никого не было с ним, кроме Хаджи Бохора, смотрителя казначейства. Слуги были на кухне».

В: «Когда Исаак Пиччотто пришёл в дом твоего хозяина, он оставался там долго?»

О: «Он оставался около часа. После этого он и Хаджа Бохор ушли вместе».

В: «В какое время Хаджа Бохор пришёл провести вечер с твоим хозяином?»

О: «Он пришёл после иша».

В: «Как ты пошёл в дом Давида Харари, чтобы позвать Исаака Пиччотто? Как ты узнал, что он был там? Твой хозяин послал тебя в дом Исаака Пиччотто, и когда ты не нашёл его там, ты пошёл в дом Давида Харари?»

О: «Мой хозяин сказал мне: "Пойди в дом Давида Харари, где ты найдёшь Хаджу Исаака Пиччотто, и попроси его прийти в мой дом после вечернего собрания". Я пошёл в дом Давида Харари и нашёл его (Исаака Пиччотто) там, как я уже показал ранее».

Затем слуга Исаака Пиччотто, Яхья Бзайти, был приведён на допрос. Следователь спросил его:

В: «Кто проводил вечер в доме Давида Харари в тот день, когда его хозяин, Исаак Пиччотто, проводил там вечер?»

О: «Якуб Абу аль-Афие, Шехаде Лазбуна, Давид Харари и мой хозяин Исаак Пиччотто — все присутствовали. Это было до ареста братьев Харари».

В: «Каковы были темы их разговора на вечерней встрече?»

О: «Они послали меня в дом Хаджи Мурада спросить, чего удалось добиться через связь с Его Превосходительством Бахри Беем. Он сказал мне передать им, что Его Превосходительство Бахри Бей не предпринял никаких действий, кроме обыска некоторых домов, чтобы найти преступников. Я передал им его сообщение. Они спросили меня: "Это всё?" Я ответил: "Да!" Затем я вернулся и пошёл на кухню».

В: «Когда твой хозяин пошёл в дом Мурада? Что случилось после того, как он ушёл?»

О: «Мой хозяин, Исаак Пиччотто, ушёл около четырёх часов. Хаджа Бохор, смотритель казначейства, был там. После этого мой хозяин послал меня в дом Давида Харари сказать группе: "Не волнуйтесь, ничего, кроме хороших новостей, если на то будет воля Божья". Я вернулся и передал им сообщение».

В: «Кому ты передал сообщение?»

О: «Там были только Давид Харари и Якуб Абу аль-Афие».

В: «Кто-нибудь приходил к твоему хозяину с просьбой пойти в дом Давида Харари? Или он решил пойти сам? В какое время он пошёл?»

О: «Он пришёл сам в дом Харари. Это было в начале вечернего собрания, во время иша».

В: «Был ли ты с твоим хозяином в ночь вечернего собрания в доме Хаджи Максуда?»

О: «Да! Я был с ним. Также с ним были его жена и соседка».

В: «В какое время было вечернее собрание?»

О: «Это было после того, как все закончили ужин, включая слуг. Была некоторая задержка, пока жена хозяина закончила одеваться. Также соседке нужно было одеться и уложить дочь спать. Поскольку дом Максуда был далеко, мы прибыли туда примерно через час-полтора после ужина».

В: «По пути в дом Максуда вы проходите через переулок квартала. Ворота были закрыты или открыты?»

О: «Мы пошли по главной дороге. На этом маршруте нет ворот, пока мы не прибыли к Воротам бедняков, которые были закрыты. Мы стучали в ворота минуту или две, затем ночной сторож открыл нам ворота. После этого мы прибыли к Воротам переулка Булад, где живёт Хаджа Максуд. Они тоже были закрыты. Мы постучали в них, и ночной сторож сразу же открыл их. Мы оставались на вечернем собрании той ночью».

Отчёт расследования за понедельник, 13 мухаррама 1256 года хиджры

Следователь начал с того, что спросил цирюльника Солимана Салума:

В: «Что ты знаешь об убийстве слуги священника?»

О: «Я ничего не знал и не имею никакой связи с его убийством».

В: «Если ты не знал о его убийстве и не имеешь к нему отношения, почему тогда в прошлый раз ты дал показания, что "слуга не был со своим хозяином, и те, кто его убили, были не той же группой, которая убила священника Фому, и что убийство произошло в другом месте с ведома этой группы"? Это указывает на то, что ты знал убийц и место, где было совершено убийство».

О: «Да! Я признал это, но я не имею к этому отношения. Потому что, когда слуга Мурад аль-Фаттал пришёл, священник уже был убит и перенесён во вторую комнату. Я спросил Мурада, почему он так опоздал? Он ответил мне, что его послали по важному делу. Я спросил его: "Что это было за дело?" Он сказал: "Сейчас не время говорить об этом". Некоторое время спустя я остался с ним наедине, пока мы работали над избавлением от останков священника. Я спросил его снова, и он сказал мне, что его послали в дом Мейера Фархи, а также к Мураду Фархи, Исааку Пиччотто, Иосифу Фархи и Якубу Абу аль-Афие. Я точно не помню, упоминал ли он имя Аарона Исламболи или кого-либо ещё. Затем я снова спросил его: "Зачем они

послали тебя к этим людям?" Он ответил: "Из-за слуги священника, Ибрагима Амары". Поскольку мы были заняты и нервничали, я не задавал больше вопросов».

В: «Это признание подтверждает, что ты знал, что произошло, в деталях. Потому что ты сказал, что не задавал больше вопросов слуге. Это указывает на то, что ты знал, что есть больше информации, чем ты уже получил. Если бы ты задал больше вопросов, ты бы узнал от слуги то, что хотел знать. Несомненно, ты пришёл к ответам на свои вопросы, потому что сделал вывод из его ответа на первый вопрос. Почему ты снова и снова задавал ему вопросы во время вашей совместной работы по избавлению от останков тела священника — из любопытства или просто чтобы убить время? Это была возможность узнать о методе, который использовался для избавления от тела слуги священника».

О: «Слуга Мурад аль-Фаттал сказал мне во время вопросов и ответов, что они убили слугу священника, разрезали его тело и избавились от него через наружную канализационную трубу, которая впадает в Чёрную реку. И что операция была завершена в доме Яхьи Мейера Фархи».

В: «Говорил ли слуга Мурад аль-Фаттал, где они его убили? Помогал ли им мясник? Если им кто-то помогал, то кто?»

О: «Слуга аль-Фаттал сказал мне, что они убили слугу священника в комнате рядом с залом, раздробили его кости и выбросили куски в наружную канализационную трубу; и что слуга аль-Фаттал присутствовал при убийстве до окончания работы. Затем он пришёл в дом своего хозяина, где мы вместе работали над расчленением священника и избавлением от его останков, как я уже показывал ранее. Я не спрашивал о том, кто был свидетелем убийства слуги Ибрагима Амары или кто совершил убийство. Я не знаю, помогал ли им кто-нибудь. Всё, что я знаю, это то, что Яхья Мейер, его сын Салман и Муса, а также другие, чьи имена я упоминал ранее, присутствовали при убийстве. Он не сказал мне, кто присутствовал, а кто нет. Я помню, что он упомянул имена: Мурад Фархи, Иосиф Фархи, Яхья Мейер Фархи и его сын, рабби Якуб Абу аль-Афие (брат рабби Мусы Абу аль-Афие) и слуга Мурад».

В: «Почему ты удовлетворился его ответами до сих пор? Почему ты не спросил его об именах тех, кто присутствовал на праздновании?»

О: «Я не спрашивал его об именах подробно, а в общем. Имена, которые он мне назвал и которые я помню, это те, которые я уже упомянул. Слуга аль-Фаттал знает детали операции, потому что он сказал мне: "Мы убили его, разрезали на куски, раздробили его кости и выбросили его останки в канализационную трубу дома Йехуды Мейера Фархи". Спросите слугу Мурада аль-Фаттала, потому что возможно, что он упомянул мне другие детали, которые я забыл».

Следователь вызвал слугу Мурада аль-Фаттала и возобновил допрос, задав ему вопрос:

В: «Расскажи нам правдиво, что ты знаешь об убийстве слуги священника Ибрагима Амары».

О: «Я боюсь попасть в неприятности. Признался ли кто-нибудь ещё в чём-либо?»

Следователь ответил: «Да! У нас есть полное признание. Всё, что тебе нужно сделать, это сказать правду».

Слуга признался следующим образом:

«Я вернулся в дом моего хозяина. Он спросил меня: «Ты сказал группе о слуге священника? Ты предупредил их о нём, как было велено?» Я сказал: да. Затем он сказал мне вернуться и посмотреть, поймали они его или нет; и если да, то что они с ним сделали. Я вернулся в дом Мейера. Я обнаружил, что они заперли дверь изнутри, поэтому я постучал, и Муаллим Мейер Фархи открыл дверь. Я спросил от имени моего хозяина, поймали ли они Ибрагима Амару? Он ответил, что они задержали его. Он спросил меня, хочу ли я войти или уйти. Я сказал ему, что хотел бы войти, и вошёл. Я обнаружил Исаака Пиччотто и Аарона Исламбули в процессе связывания и затыкания рта слуге. После того как Исаак Пиччотто и Аарон Исламбули закончили связывать слугу, они положили ему в рот белую тряпку и бросили его на пол. Это происходило в маленьком зале внешнего дома, который включает канализационную трубу, куда позже они выбросили его останки. Они закрепили дверь большим куском дерева. Мейер Фархи, Мурад Фархи, Аарон Исламбули, Исаак Пиччотто, Аслан бен Рофаэль, Якуб Абу аль-Афие и Иосиф бен Менахим Фархи собрались вокруг него. Эти семеро присутствовали при убийстве. Некоторые стояли и смотрели, в то время как другие принимали участие в действии. Они принесли полированный латунный таз, поместили его под шею слуги, и Фархи совершил убийство своими собственными руками. Что касается меня и Яхьи Мейера, мы оба держали его голову, в то время как Исаак Пиччотто и Аслан бен Рофаэль сидели на его ногах, каждый держал по одной ноге и сидел на ней, пока Аарон Исламбули и другие прижимали его спину, чтобы он не двигался, пока его кровь полностью не вытекла. Примерно через час после убийства все движения тела полностью прекратились. Затем я оставил их и вернулся в дом моего хозяина и рассказал ему о том, что произошло. На следующий день, в четверг, поздно утром, вышеупомянутые лица пришли в дом моего хозяина Давида, за исключением Якуба Абу аль-Афие и Иосифа Фархи. Эти двое не пришли.

В: «В какое время произошло убийство слуги Ибрагима Амары?»

О: «Перед призывом на молитву иша».

В: «Во время твоего присутствия, кто-нибудь из семерых уходил, пока совершалось убийство?»

О: «Никто не уходил во время убийства. Я оставил их, когда они процеживали кровь, все они присутствовали, когда я ушёл. Я не знаю, кто остался или кто ушёл после этого. Я оставил их до призыва к молитве иша и прибыл в дом моего хозяина после призыва к молитве иша».

В: «Ты упомянул в своём первом признании, что твой хозяин послал тебя к Мураду Фархи, Аарону Исламбули и Яхье Фархи; а только что ты назвал имена семи человек. Ты ходил предупредить их всех? Как они все собрались вместе?»

О: «Как я уже говорил в моём предыдущем признании, мой хозяин послал меня передать его сообщение только троим, но Исаак Пиччотто был с Мурадом, а Аслан бен Рофаэль был с Яхьей Мейером. Мой хозяин приказал мне сообщить Яхье Мейеру. Я должен был сказать, что это его задача — сообщить остальным. Яхья Мейер сказал мне: "Мы получили твоё сообщение, можешь идти"».

В: «Как слуга Ибрагим Амара был заманён в дом?»

О: «Как я уже говорил ранее, я понял из слов Яхьи Мейера, что "пятеро собрались у двери. Когда слуга Ибрагим Амара прибыл, осведомляясь о своём хозяине, Яхья Мейер сказал ему, что его хозяин задержался и что он внутри делает прививки от оспы мальчикам. Если хочешь, заходи. Слуга вошёл. Таким образом они схватили его и убили, как я уже говорил ранее"».

В: «Что случилось с кровью? Кто её взял?»

О: «Я не остался до конца, чтобы узнать, кто взял кровь. На краю ступеней стояла большая белая стеклянная бутылка, предназначенная для переноски крови».

В: «Нелогично, чтобы, пока группа была занята планом убийства, слуга заранее приготовил бутылку, потому что кровь сохраняется в тазу до завершения операции убийства. Если ты видел бутылку, то, несомненно, ты видел и наполнение. Расскажи правдиво, что ты видел».

О: «На самом деле, Аарон Исламбули наполнял бутылку кровью. Он держал бутылку, и они поместили жестяную воронку в отверстие (такую, какую используют продавцы масла), и Менахим Фархи вылил кровь из таза. После того как бутылка была наполнена, Аарон Исламбули передал её в руки рабби Якуба Абу аль-Афие. В этот момент я оставил их. Было примерно время призыва к молитве иша».

Затем следователь допросил Мохаммада Афанди Абу аль-Афие, попросив его признаться в том, что он знает. Абу аль-Афие ответил следующее:

«Мне нечего добавить к моему предыдущему признанию. Всё, что я помню, это то, что говорили братья. Поскольку я не знаю их хорошо, я удовлетворился тем, что услышал от них во время их разговоров. Я не пытался быть частью их заговора. Я уже заявил, что рабби Якуб послал меня принести кровь. Я взял её и доставил рабби Якубу. После того как нас

задержали, Давид Харари пришёл навестить нас в тюрьме. Он сел с каждым из нас, поцеловал наши руки и сказал нам: "Невозможно, чтобы наш губернатор (Афандина) убил кого-либо, не получив от вас признаний. Я умоляю вас воздержаться от признаний в чём-либо, чтобы нас не убили. Если вас убьют, все мы будем убиты. Что касается признания слуги, скажите, что у вас нет других знаний, кроме тех, что он упомянул".

Муаллим Аслан Фархи был вызван в офис генерал-губернатора в среду, 14 мухаррама 1256 года хиджры. Его попросили рассказать всё, что он знает об убийстве слуги священника Фомы Аль-Капуци, включая то, какой метод был использован. Муаллим Аслан Фархи много раз пытался отрицать какую-либо осведомлённость об этом деле, но затем признался в следующем:

«Я оставался в доме Его Превосходительства консула и был полон решимости не ввязываться в это дело. Но поскольку Его Превосходительство генерал-губернатор даровал мне охранную грамоту, я готов признаться в том, что произошло. Я прошу Его Превосходительство генерал-губернатора предоставить мне его приказ о помиловании, чтобы я мог сказать правду».

Генерал-губернатор ответил: «Всё в порядке, не волнуйся, мы гарантируем твою безопасность». И Его Превосходительство отдал приказ написать прокламацию. Она была следующей:

Муаллиму Аслану бен Рофаэлю Фархи

В соответствии с вашей просьбой о предоставлении вам Декларации о безопасности, мы рассмотрели этот вопрос. Наша цель состоит в том, чтобы вы представили свои признания относительно исчезновения слуги священника Фомы Аль-Капуци, о том, как и что случилось со слугой. Для получения этой Прокламации о вашей безопасности требуется, чтобы вы откровенно и ясно признались во всём, что знаете о рассматриваемом деле. Соответственно, полагаясь на наше доверие, мы издали для вас нашу Прокламацию. Она требует, чтобы вы получили и ознакомились с её содержанием; признались во всём, что знаете, без малейших оговорок или страха. Если вы признаетесь таким образом, вы можете быть уверены в нас — «Божья безопасность и Его свидетельство», а также свидетельство нашего господина Мохаммеда, мир ему. Вам не нужно иметь никакого страха или беспокойства. С вами не случится ничего плохого, и вам не будет назначено наказание при условии, что вы расскажете всю правду без противоречий и лжи. Но если вы попытаетесь солгать после получения этого Указа, вы лишите себя этой защиты и понесёте последствия. Знайте это как факт и полагайтесь на него.

14 мухаррама 1256 года хиджры.

Как только Муаллим Аслам бен Рофаэль получил свою копию указа о безопасности, он приступил к изложению своего признания в письменной форме. Оно включало следующее:

«После призыва к молитве на закате в среду, когда исчез священник Фома Аль-Капуци, я стоял около десяти минут с Мейером Фархи перед его домом. Слуга Давида Харари пришёл и прошептал что-то на ухо Мейеру Фархи, затем слуга ушёл. Я немедленно заметил, что растерянное выражение охватило Мейера Фархи. Я спросил его: в чём дело? Он не мог ответить вне дома. Он постучал в дверь, и мы вошли в его дом. В это время Якуб Абу аль-Афие и Мурад Фархи прогуливались и болтали в переулке. Возможно, они ждали прибытия слуги священника. Я не знаю, как им удалось узнать о его прибытии. Мейер Фархи и я вошли во внутренний сад дома. Мы ходили по саду, и Мейер сказал мне: «Они планируют убить христианина». Очень скоро раздался стук в дверь, и вошли Якуб аль-Афие и Мурад Фархи. Вскоре после них вошли Иосиф Фархи, Аарон Исламбули и Исаак Пиччотто, который пользуется защитой австрийского консульства. Мы все пошли во внешний сад, где они прижимали к полу слугу Ибрагима Амару над маленьким залом в саду. Из-за моего возраста мне не позволили смотреть на убийство из страха. Я держал одну из его ног (но отвернул голову, чтобы не быть свидетелем убийства), а Исаак Пиччотто держал другую ногу. Мурад Фархи совершил убийство, в то время как остальные удерживали его на полу. Каждый держал его за какую-то часть тела. Они слили его кровь в контейнер, я не помню, что это был за контейнер. Затем перелили её в белую бутылку, которую я видел в руке Якуба Абу аль-Афие. Я не знаю, кто дал её ему, потому что я не был внимателен. После этого они попросили нас всех хранить тайну. Я ушёл и пошёл в свой дом. Я пишу это признание относительно дела вышеупомянутого слуги, как я его знаю, и представляю его нашему Афанди (генерал-губернатору), Великому губернатору. Я ничего не скрыл в этом отношении после того, как получил в свои руки Декларацию о безопасности Его Превосходительства, которая гарантирует, что я не буду объектом какого-либо вмешательства. Я умоляю Его Превосходительство отнестись ко мне с милосердием и не судить меня за то, что я сделал. Окончательное решение полностью за Ним».

Подписано, Аслан Рофаэль Фархи

5. ОТРИЦАНИЕ СОТРУДНИКА АВСТРИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА ИСААКА ПИЧЧОТТО

Четверг, 15 мухаррама 1256 года хиджры (19 марта 1840 года)

Следственный комитет направил меморандум австрийскому консулу в Дамаске в среду 14 мухаррама 1256 года хиджры с просьбой о высылке

Исаака Пиччотто. На следующий день консул отправил его в сопровождении Иосифа Зананири, представителя консульства. Исаак Пиччотто был вызван, чтобы выяснить, что он знает об убийстве священника Фомы Аль-Капуци.

Следователь сообщил господину Пиччотто следующее:

«Сообщение Мурада аль-Фаттала, слуги Давида Харари, и признания других указали, что вы находились в компании тех, кто присутствовал при убийстве Ибрагима Амары, слуги священника Фомы. От вас требуется изложить факты и сказать нам правду».

Исаак Пиччотто ответил: «Я не присутствовал и ничего не слышал об этом деле. Я ничего не знаю о том, что произошло. Для меня было честью сопровождать представителя австрийского консула господина Иосифа Айрута с визитом к Его Превосходительству губернатору в его офис. Не может быть никаких сомнений относительно моего участия в убийстве или моего присутствия во время убийства. Это было упомянуто Его Превосходительством губернатором австрийскому консулу. Возможно, у меня есть некоторая информация об этом деле из-за того, что сообщил слуга Давида Харари. Особенно после того, как было подтверждено, что в ночь исчезновения священника я проводил вечер с Хаджи Максудом. Теперь я в замешательстве, потому что вы полагаетесь на ложные заявления и обвинения в вопросах, выходящих за пределы моего знания. У меня есть доказательства и свидетельства, которые удостоверят моё местонахождение с полудня среды до полудня четверга и подтвердят, что я не имел никакого отношения к этим ложным обвинениям против меня. Я не могу давать ответы на то, что может ежедневно возникать из ложных заявлений. Я не могу добавить ничего, кроме моего первого ответа, в котором я объяснил, как я провёл время в течение всего периода, связанного с исчезновением священника Фомы и его слуги».

Расследование продолжилось следующим образом:

Следователь заявил: «На самом деле, у нас не было никаких подозрений относительно Исаака Пиччотто в начале. Но наши подозрения возникли позже из-за признаний слуги Мурада и других, кто присутствовал с ним. Что касается того, что Исаак сказал о проведении вечера с господином Максудом, и относительно признаний других, в дополнение к слуге, мы готовы привести их для очной ставки. Что касается дискредитации свидетелей, слуга и все остальные являются последователями религиозного учения Моисея, все они евреи. Нет причин подозревать кого-либо из них. Особенно когда они признались в участии лиц, которые являются их собственными родственниками или друзьями».

Исаак Пиччотто ответил: «Мы пошли провести вечер с господином Максудом около часа после заката (арабское время). Мы прибыли первыми. Это заявление касается времени. Что касается того, что вы только что сказали о тех, кто даёт ложные показания, о том, что они принадлежат к

еврейской религии, Ваше Превосходительство знает, что тот, кто даёт ложные показания как еврей-верующий, не оставляет сомнений в том, что он отрёкся от своей религии. Поэтому, что касается меня, то для меня не имеет значения то, что было ложно сказано моим еврейским братом. У меня есть только одно заявление: "Я ничего не знаю об этом деле".

Затем следователь спросил: «Назовите тех, кто присутствовал на вечернем собрании в доме Максуда, чтобы их можно было привести для допроса».

Пиччотто ответил: «Как я уже сказал, мы прибыли раньше всех. Остальные начали прибывать один за другим до трёх часов (арабское время). Присутствовали: Ботрус (Пётр) аль-Джахиль и его брат Гобран, Бишара Наср-Аллах, Франсис Салина и его жена, Михаил Сола, Абдулла аль-Хомси и Антван Свабини».

Комитет выпустил меморандум о вызове тех, кого назвал Исаак Пиччотто. Они приказали посыльному привести их для допроса. Комитет также принял решение, требующее, чтобы Исаак присутствовал во время этого допроса, чтобы предстать перед его заявлениями перед Комитетом.

Следственный комитет продолжил, вызвав Муаллима Аслана Фархи и спросив его:

В: «Вчера вы написали свой отчёт об убийстве слуги священника Фомы. Исаак Пиччотто отрицает факты, как вы их изложили».

О: «Исаак Пиччотто присутствовал».

Исаак Пиччотто спросил Аслана: «В какое время я там был?» Аслан ответил: «Время было между закатом и иша». Исаак Пиччотто сказал: «Я хочу посмотреть, что написал в своём отчёте Аслан Фархи».

Отчёт был принесён. Исаак попросил, чтобы его зачитали. Отчёт был зачитан устно, слово за словом. После прочтения Исаак Пиччотто сказал: «Всё, что сказано в этом отчёте, является ложью. У него нет никаких оснований для правды. Похоже, что Аслан Фархи стал высокомерным после получения охранной грамоты от нашего Афанди. Он ищет лёгкий путь, чтобы избежать побоев или пыток. Если бы мы были египетскими подданными и нас обвиняли, сталкиваясь с пытками, о которых мы знаем, и мы получили бы подобную охранную грамоту, как у него, мы могли бы также лжесвидетельствовать, чтобы спасти себя, как он. Но упаси нас Бог (евреев) делать такое, потому что это разрушит чувство доверия и чести в таких ситуациях. По возвращении в консульство сегодня утром я собираюсь пригласить Его Превосходительство австрийского консула и двух свидетелей, чтобы подать возражение против этого ложного обвинения, направленного против меня. Я заявлю об этом Дивану (Офису) и Верховному Дивану, в который входят те, кто несёт за меня ответственность: Его Превосходительство генерал-губернатор и его секретарь Мансур Тайян;

господин Массари, глава медицинского корпуса генерал-губернатора; Хаджа Чубли Аюб; и Хаджа Боден, помощник французского консула в Дамаске».

Генерал-губернатор, глава следственного комитета, сказал: «Вопрос возражения не очень нас волнует. Вы должны знать, что Мурад аль-Фаттал, слуга Давида Харари, признался. Также признался цирюльник Солиман Салум. Их признания полностью совпадали, почти идентично. Затем последовало признание Муаллима Аслана, которое подтвердило полное совпадение всех трёх признаний, несмотря на то, что они были изолированы друг от друга, в отдельных комнатах. Это означает, что они находились в одиночном заключении без возможности общения между собой. Если бы имели место фальсификация или подделка, эти идентичные признания не произошли бы. Если Муаллим Аслан имеет привычку фальсифицировать, а здесь, в Сирии, много евреев, почему тогда он не обвинил бы их вместо того, чтобы обвинять своих собственных родственников и слуг, даже себя? Что касается ваших слов о том, что Муаллим Аслан стал высокомерным после получения охранной грамоты и выбрал лёгкий путь, чтобы избежать побоев или пыток, вы должны знать, что признания были получены без применения побоев или пыток».

Исаак Пиччотто ответил: «Вы сказали, что мои возражения на ваши вопросы вас не очень волнуют, а я говорю, что цель возражений — раскрыть ложь. Что касается идентичных признаний, мы не знаем такого рода подделок и не имеем с ними опыта. У нас нет ничего, кроме нашего первого ответа о часах, которые мы провели с полудня среды до полудня четверга».

Затем глава следственного комитета сказал: «Мы не знаем о подделке, о которой вы говорите, и/или её целях. Вы должны объяснить нам цель этой подделки».

Затем Исаак Пиччотто сказал: «Эта подделка — работа некоторых врагов».

Следователь добавил: «Вы должны назвать нам этих врагов».

Пиччотто заявил: «Врагов много».

Те, кто был на вечернем собрании у Хаджи Максуда, были приведены для допроса. Среди них были: Джордж Максуд, Антван Свабини, Бишара Наср-Аллах, Гобран Джахиль и его брат Ботрус Джахиль.

Допрос этих людей начался со следующего заявления и вопросов к каждому из них:

В: Хаджа Исаак Пиччотто был одним из тех, кто присутствовал на вашем вечернем собрании вечером в среду-четверг, когда исчез священник Фома. Я хотел бы, чтобы каждый из вас сказал нам, когда (господин Пиччотто) прибыл на вечернее собрание.

Затем каждый человек ответил:

1. Джордж Максуд: «Я полагаю, что он пришёл до призыва к молитве иша. Хотя я не совсем уверен в точном времени».

2. Антван Свабини: «Он пришёл между двумя и половиной третьего».

3. Бишара Наср-Аллах: «Пиччотто пришёл между 3:00 и 3:15. Когда он прибыл, все уже были там (Сола и другие). Со мной были Гобран Джахиль и Абдулла Хомси».

4. Гобран Джахиль ответил точно так же, как Бишара.

5. Ботрус Джахиль: «Я пошёл в дом Максуда между половиной третьего и тремя. Когда я прибыл, Пиччотто уже был там».

Следователь снова обратил свои вопросы к Свабини: «Были ли вы там до прибытия Пиччотто?» Свабини ответил: «Да, я был там». Затем следователь спросил Джорджа Максуда, который подтвердил, сказав: «Да, он был там. Я уже посылал слугу пригласить Хаджу Солу. Слуга вернулся с ним. Затем я снова послал Свабини с приглашением».

Затем следователь вызвал Яхью Бзита, слугу Исаака Пиччотто, и снова спросил его о времени, когда они пошли на вечернее собрание. В присутствии всех он ответил: «Мы пошли через полчаса после иша. Ворота были закрыты, и их пришлось открывать для нас».

Затем следователь вызвал Пиччотто и предъявил ему заявления тех, кто был на вечернем собрании, о его позднем прибытии и его причастности к убийству слуги священника Фомы. Он ответил: «У меня нет другого ответа, кроме того, что я уже сказал вам во время первого допроса в пятницу, 3 мухаррама 1256 года хиджры».

После этого события, из-за отрицания Исаака Пиччотто, следственный комитет отправил сообщение австрийскому консулу следующего содержания:

Послание Его Превосходительству австрийскому консулу в Дамаске, 15 мухаррама 1256 года хиджры

Вчера мы отправили вам меморандум с просьбой прислать Хаджу Исаака Пиччотто для допроса по делу об убийстве слуги священника Фомы Аль-Капуци. Господин Пиччотто прибыл в сопровождении вашего уполномоченного переводчика, Хаджи Юсуфа (Иосифа) Зананири. Допрос Хаджи Исаака Пиччотто состоялся, и ваш переводчик Юсуф Зананири записал ответы от имени Исаака Пиччотто по его просьбе. В начале расследования пришёл с визитом Его Превосходительство консул Франции. Он был свидетелем вопросов и ответов. Затем он начал говорить с Хаджей Исааком по-французски. Внезапно Хаджа Исаак Пиччотто встал, он рассердился и вёл себя глупо, утверждая, что Его Превосходительство консул оскорбил и унизил его в своих разговорах. Он сказал, что «больше не готов отвечать на вопросы; что он не хочет слушать больше никаких вопросов, что он не примет продолжения этого дела иначе как в присутствии и под защитой австрийского консула». Мы сказали ему, что вы сами начали

разговор с Его Превосходительством консулом Франции на французском языке. Вы утверждаете, что он оскорбил и унизил вас, но мы не поняли ничего из того, о чём вы говорили. Даже если правда, что он оскорбил вас, это не имеет никакого отношения к расследованию. Это вопрос между вами и французским консулом. Консул покинул Диван, а Исаак Пиччотто остался, настаивая на своей позиции и отказываясь отвечать на дальнейшие вопросы. Он попросил разрешения вернуться к вам. Мы сказали ему, что расследование с ним должно продолжаться. Однако он не согласился. Он ушёл в ваше консульство до завершения допроса. Поэтому необходимо сообщить вам об этих фактах.

Отчёт о расследовании за субботу, 17 мухаррама 1256 года хиджры

Ответ австрийского консула на сообщение следственного комитета: «Мы возвращаем Исаака Пиччотто с Юсуфом Зананири для завершения расследования убийства слуги священника Фомы».

Глава следственного комитета продолжил рассмотрение дела Пиччотто следующим образом: «Вы пришли в четверг, 15 мухаррама 1256 года хиджры, для допроса. Расследование закончилось, когда вам предъявили вашего слугу, который заявил, что в ночь убийства слуги священника Фомы вы пошли в дом Джорджа Максуда примерно через полчаса после призыва к молитве иша. Ворота были закрыты, и ночной сторож открыл их для вас. На этом этапе расследования вы встали и отказались отвечать на дальнейшие вопросы, уйдя в австрийское консульство. Теперь от вас требуется ответить на заявление вашего слуги. Каков ваш ответ?»

Исаак Пиччотто ответил: «Я не обязан отвечать на признание моего слуги. Но я отвечу на приказ, чтобы объяснить властям, которые являются иностранцами в Сирии и не понимают, какова жизнь в Сирии.

В первом признании слуги он сказал, что мы пошли после призыва к молитве иша примерно через час или час с четвертью. Затем во втором признании он сказал, что мы пошли примерно через полчаса после призыва к молитве иша. Слугу можно извинить за изменение его признания после того, как его посадили в тюрьму и он испугался за свою жизнь. Джордж Максуд заявил в своём признании в четверг, 15 мухаррама, что мы прибыли в его дом в час после заката, и что в это время на вечернем собрании никого не было. Затем пришёл Свабини, и он заявил в своём признании, что мы прибыли в дом Джорджа Максуда между двумя и тремя. Затем Ботрус Джахиль сказал, что он пришёл в два часа, и мы были в доме Максуда. Джордж Максуд подтвердил в присутствии Свабини, что мы пришли в его дом около часа. Позже он послал своего слугу пригласить Михаила Солу, потому что тот опаздывал. Слуга вернулся с извинениями от Михаила Солы

за опоздание, потому что у него гостили Шандам Азар и Муллим Ибрагим Аюб. Максуд снова послал за ним. Ботрус Джахиль сказал, что он прибыл около двух часов.

Сравнивая эти заявления, видна ложь заявления Свабини и его никчёмность. Тем более что Свабини известен своей дурной репутацией в общественных и частных кругах. Что касается заявления Хаджи Максуда, оно было получено через двенадцать дней после инцидента, что приводит к ошибочному суждению о времени. Я прошу повторно вызвать Максуда и Свабини для допроса».

Генерал-губернатор, глава следственного комитета, ответил: «Из вашего заявления следует, что вы отказываетесь даже отвечать на признание вашего слуги под предлогом того, что он дал своё признание под давлением в тюрьме. Напоминаю вам, что арест вашего слуги и его заключение под стражу для допроса не производились до тех пор, пока Мурад аль-Фаттал не дал признания о вас. И что в ночь перед арестом Харари вы проводили вечер с ними. В течение этого времени Мурад вызывал вас, и вы пошли навестить его после ухода от Харари. Вы послали своего слугу обратно в дом Харари, чтобы развеять их опасения и сообщить им от вашего имени, чтобы они не волновались, потому что не о чем волноваться. Ваш слуга был вызван для допроса по этому признанию, и он подтвердил его достоверность. Затем его снова спросили о времени вашего визита к Максуду. Мы изолировали его, чтобы предъявить вам и продолжить расследование без предубеждения. В дополнение к этому мы узнали, что были два известных сирийских купца, которые видели вас, когда вы пошли провести вечер к Максуду. Мы вызвали их обоих вчера и получили их показания в качестве свидетелей, которые мы сейчас зачитаем вам, чтобы вы были осведомлены о двух свидетельских показаниях. Однако относительно вашей просьбы повторно вызвать Максуда и Свабини для их допроса у нас нет возражений. Также мы вызовем двух свидетелей: Ханну Булада и Ибрагима Гхорру, чтобы вы могли услышать их показания, как они записаны в их отчёте».

Следственный комитет вызвал вышеупомянутых свидетелей по просьбе Исаака Пиччотто для повторного допроса. Следователь начал допрос Максуда. Он спросил его в присутствии Свабини:

В: «Укажите точно время прибытия Исаака Пиччотто на вечернее собрание к вам».

О: «У меня не было часов, и я не знаю точного времени, когда прибыл Пиччотто. Английский консул спрашивал меня об этом пятнадцать дней назад, и я сказал ему, что Пиччотто прибыл примерно через две трети часа после призыва к молитве на закате. Я не знал, что время его прибытия будет так важно, поэтому я не пытался узнать точное время. Также случилось, что я встретил Ханну Фрайха в гостинице Асада Паши в среду, 14 мухаррама 1256

года хиджры, и он сказал мне, что есть четыре надёжных свидетеля, которые подтвердят, что они видели Исаака Пиччотто, идущего к вашему дому до призыва к молитве иша, включая Ибрагима Гхорру. После этого я пошёл на рынок, где встретил Юсуфа Айрута. Он сказал мне, что Ханна Фрайх рассказал ему то, о чём я упоминал ранее. Я сказал ему, что уже знаю то, что он говорит. Это указало мне из разговора с Фрайхом и Айрутом, что они хотели поддержать его свидетельство».

Следователь спросил Свабини о его предыдущем заявлении. Он ответил: «Исаак Пиччотто прибыл в дом Хаджи Максуда между половиной третьего и тремя часами. Когда я пошёл в дом Сола, чтобы пригласить его, время было близко к половине четвёртого».

Исаак Пиччотто ответил: «Я ответил на то, что было связано с признанием моего слуги. Но что касается свидетельства Булада и Гхорры, я говорю, что у них есть определённые намерения против евреев в целом, а именно — казнить их. Это хорошо известно и широко распространено, я думаю, как Почётному Хедивату, так и Администрации военной разведки. В пределах возможностей ответственных хранителей (правителей), с их дальновидным взглядом и глубоким мышлением, отличить правдивость или ложность заявлений этих хаджи».

Генерал-губернатор, глава следственного комитета, ответил: «Вы провели вечер инцидента в христианском квартале. Те, кто дал свои свидетельские показания, упомянутые ранее, относительно времени вашего прохода, видели вас. Теперь вы атакуете их показания. Вы говорите, что их намерение — казнить евреев. Что это намерение хорошо известно Почётному Хедивату и Администрации военной разведки. И я говорю вам, что у Почётного Хедивата и Администрации военной разведки нет знаний об этом деле. Вы должны объяснить это нам, чтобы мы могли изучить это. Но вы также должны помнить, что некоторые евреи дали показания против вас. Среди них Мурад аль-Фаттал (слуга Давида Харари), Муаллим Аслан Фархи. Они дали показания по вопросу об убийстве слуги священника Фомы. В дополнение к этому Хаджа Максуд дал свои показания, которые вы отказались признавать. Все эти свидетели — из вашего собственного народа, еврейской веры, а также из христианской веры. Назовите нам имена тех, кто является приемлемыми свидетелями, тех, кого вы хотели бы видеть на свидетельской скамье от вашего имени».

Пиччотто ответил: «Тот факт, что Его Превосходительство следователь, наш господин, хочет получить ответ на моё заявление о возражении, которое относится к обвинению во враждебности к евреям, делает очевидным, что существует враждебность по отношению ко мне. Я думал, что Высокопочтенный Хедиват и Высокопочтенная Администрация военной разведки знали об этой враждебности, а также о её цели. Не имеет значения, истинно моё убеждение или нет. Факт в том, что это то, что я думаю. Что

касается признаний евреев моей собственной религии и признаний христиан, я отвергаю и те, и другие признания. Я уже говорил ранее о свидетельстве Муаллима Аслана, как оно появилось в отчёте о расследовании в четверг, 15 мухаррама 1256 года хиджры. Я уже ответил на заявление, данное через тридцать дней после задержания Мурадом, слугой Давида Харари, что его показания подвержены провалам в памяти и страху перед сильными побоями или пытками. Эти причины заставили его ложно обвинить меня. Как я помню, в своём первом отчёте он заявил, что видел меня с Мурадом Фархи, когда он пошёл в его дом, чтобы предупредить его. Он также заявил, что видел меня на следующий день, в четверг, в три часа утра (арабское время) в доме его хозяина Давида Харари. Он заявил, что с нами были Аслан Фархи, Мурад Фархи, Аарон Исламбули и Яхья Фархи. Это опровергает факты, потому что у меня есть свидетели, которые могут подтвердить расписание всех моих действий со среды до полудня четверга. В дополнение к этому Аслан Фархи встретился с Мурадом, слугой Харари, в Диване Его Превосходительства губернатора и оспорил его ложь в отношении того, что Аслан Фархи был в доме Давида Харари. Эти факты оспаривают и разоблачают ложные заявления слуги. Если бы Аслан Фархи действительно присутствовал в доме Харари в четверг, у него не было бы причин отрицать это. И после этих двух отчётов слуги Мурада против нас прошло ещё десять дней, прежде чем он дал свой последний отчёт, в котором он заявил, что мы были в доме Яхьи Фархи и что мы присутствовали при убийстве слуги священника Фомы. Я думаю, это признание было сделано в результате страха перед побоями и пытками. Если бы он не был заключён в тюрьму, он не изменил бы своих показаний. Что касается показаний христиан, у нас есть доказательство времени нашего прибытия, которое было до часа, примерно во время призыва к молитве иша. Они засвидетельствовали, что видели нас в два часа. Это подтверждает нам их дурное намерение и раскрывает их цель».

Австрийский консул отправил сообщение в следственный комитет относительно Исаака Пиччотто.

Ответ консулу от следственного комитета был следующим:

Мы получили ваше сообщение 16 мухаррама 1256 года хиджры, которое содержало уведомление о возвращении Исаака Пиччотто в консульство в сопровождении Хаджи Юсуфа Зананири, имеющих при себе копию вопросов и ответов. И ваше подтверждение получения нашего сообщения об уходе Исаака Пиччотто до завершения расследования, для которого он был прислан. В вашем сообщении вы заявили, что отправили Исаака Пиччотто к нам для завершения расследования. И что вы понимаете из сообщения, что слуга Хаджи Исаака Пиччотто, Яхья Бизити, был арестован и заключён под стражу без вашего ведома.

Отвечая на это, мы сообщаем вам следующее:

Первое. По вопросу о копии вопросов и ответов, который вы упомянули как прибывший с Исааком Пиччотто и Юсуфом Зананири, мы хотели бы сообщить вам, что мы не отправляли их Вашему Превосходительству. Хаджа Зананири взял их без вашего ведома.

Второе. По вопросу об Исааке Пиччотто: он пришёл после обмена рядом вопросов и ответов с ним. Мы попросили нашего турецкого клерка подготовить сообщение, которое Бахри Бей, член следственного комитета, был уполномочен перевести на арабский язык. Внезапно Исаак Пиччотто создал искусственный акт разногласия с Бахри Беем и сказал ему: «Ты принимаешь решение или паша?» Затем Бахри Бей отказался писать, потому что Пиччотто оскорбил его неподобающим образом. Мы были вынуждены отложить наше сообщение вам, пока напряжение и эмоции, вызванные этим инцидентом, не утихли. Затем мы отправили Пиччотто обратно к вам. Мы не знаем причин скандального поведения Пиччотто — действовал ли он самостоятельно или с вашего разрешения. Мы надеемся получить ответ в этом отношении от вас.

Третье. Что касается ареста слуги Исаака Пиччотто и его заключения под стражу без вашего ведома. Мы хотели бы напомнить вам о содержании вашего сообщения от 18 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры, которое было следующим:

«Мы уполномочиваем вас приводить каждого подозреваемого по делу об убийстве священника Фомы Аль-Капуци и его слуги с этого дня вперёд, включая тех евреев, которые пользуются защитой Австрии и Тосканы». Это было разрешение на арест и заключение под стражу любого подозреваемого по делу из подданных Австрии и Тосканы. Слуга Яхья Бизити является австрийским подданным. Он был арестован из-за показаний, данных Мурадом аль-Фатталом, слугой Давида Харари, который привлёк его в своём признании, что Хаджа Исаак Пиччотто провёл вечер с Харари в ночь перед их арестом, и что Мурад Фархи послал своего слугу позвать Пиччотто в конце вечернего собрания; и что после того, как Пиччотто прибыл в дом Мурада, он послал своего слугу, Яхью Бизити, в дом Харари, чтобы развеять их опасения. Мы попросили привести Бизити к нам, чтобы проверить эти показания. Он согласился во время своего допроса, что это правда. Допрос продолжился, включая время прибытия на вечернее собрание в дом Максуда. Он заявил, что это произошло примерно через полчаса или около того после призыва к молитве иша. Он был оставлен под стражей, чтобы предстать перед своим хозяином Хаджей Исааком Пиччотто. Это причины его задержания. Поскольку он является подданным вашего счастливого государства и у нас было ваше разрешение на это дело, мы говорим, что нет причин информировать вас.

К сведению

Воскресенье, 18 мухаррама 1256 года хиджры.

Его Превосходительство генерал-губернатор отправился в еврейский квартал в сопровождении Али Афанди, командующего бригадой конной артиллерии, с губернатором Сирии Али Агой Тофункгы. Он также взял с собой некоторых из своих младших офицеров, а также Аслана Фархи и Мурада аль-Фаттала, слугу Давида Харари. Последние двое были изолированы друг от друга. По прибытии Его Превосходительства в дом Мейера Фархи он сначала вызвал Муаллима Аслана Фархи и спросил его о месте. Он признался, сказав: «Когда пришёл слуга Мурад и заговорил с Мейером Фархи, мы стояли перед дверью дома. По одному с каждой стороны двери. После этого мы вошли в дом». Его Превосходительство спросил Аслана, где был убит слуга и как его поместили в диване или приёмном зале? Аслан указал на диван, где было совершено убийство. Он объяснил, как слуга священника Фомы был положен ничком на пол, на краю дивана; как он был убит. Он сказал, что он (Аслан) стоял у ног слуги и держал одну из ног слуги, когда они убили его. После того как он завершил свои показания, губернатор приказал вернуть его в место задержания и вызвал слугу Мурада аль-Фаттала. Его показания были точно такими же, как и данные Асланом. Это было то же самое, что и их ранее записанные показания.

Понедельник, 20 мухаррама 1256 года хиджры

После того как генерал-губернатор Шариф-паша завершил расследование, он распорядился отправить следующее сообщение Хажде Исааку Пиччотто. Оно было следующим:

Первое. Вы сказали, что обнаружили в суде преднамеренную враждебность по отношению к вам. Однако вы не объяснили тип этих враждебных действий и не назвали тех, кто занял эту позицию против вас. Поэтому теперь вы должны объяснить это, потому что вопросы, которые я направил вам, содержат суть этого дела.

Второе. Вы говорите, что ответили на признание Аслана Фархи и на его показания против вас, но ваши записанные ответы не опровергают его показания. Поэтому это причина сохранить и представить его показания для использования в соответствующее время.

Третье. Вы сказали, что сообщение слуги Мурада аль-Фаттала было дано через тридцать дней после его задержания в результате его избиения и пыток; что обвинения, которые он выдвинул против вас, ложны. Но правда в том, что он пришёл в суд в начале расследования. Его спросили о характере задачи, которую его хозяин поручил ему — вызове цирюльника. Он дал свои показания добровольно, без каких-либо угроз, тюремного заключения или пыток. Содержание его показаний точно совпало с показаниями

цирюльника. После этого он был освобождён. Его вызвали во второй раз относительно того, куда он пошёл после того, как сообщил цирюльнику. Так случилось, что его хозяин, Рофаэль Фархи, также присутствовал в Диване по какому-то делу, не связанному с этим делом.

Вот тогда он отрицал своё первое признание, за что был высечен. Затем мы узнали, что его хозяин посмотрел на него с презрением, и поэтому он решил отказаться от своих первых показаний. Затем он снова признал правдивость своих первых показаний. Он заметил взгляд угрозы в глазах своего хозяина, который заставил его бояться, что его хозяин может убить его в переулке, если он признается в правде. Он снова был избит по этой причине. С тех пор он не подвергался никаким беспокойствам или вреду. Вы также заявили, что его признание было сделано через тридцать дней после убийства. Причина этой задержки в том, что в начале суда я сосредоточил свои усилия на попытке раскрыть все детали убийства священника Фомы. В то время было необходимо использовать процесс расследования в деле убийства его слуги. После того как я закончил с делом священника Фомы, я приступил к расследованию дела слуги. Когда Мурада аль-Фаттала спросили, что он знает об этом деле, он обвинил вас, как вам уже известно. Вы утверждаете, что существует противоречие между тем, что он сказал о присутствии Аслана в доме Харари в компании других на второй день, через день после убийства священника Фомы, и тем, что Аслан сообщил об этом деле, и что он отрицал, что был на этой встрече. Я вижу, что они оба согласны в деталях убийства слуги в доме Мейера Фархи, в котором вы участвовали вместе с остальными убийцами, потому что вы держали одну ногу слуги, в то время как Аслан держал другую. Противоречие относительно присутствия Аслана на второй день преступления не опровергает их утверждение о том, что вы участвовали в убийстве слуги. Если вы принимаете показания Аслана, вы должны принять их все, а не только то, что подходит вам, опровергая то, что не в ваших интересах.

Четвёртое. Вы возражали против показаний двух свидетелей, называя их заявления ложными и лжесвидетельством. Вы сами установили в вашем признании в пятницу, 3 мухаррама 1256 года хиджры, как вы провели время между полуднем четверга и полуднем пятницы. Из содержания этого признания следует, что вы были в доме Максуда вечером в день убийства священника до призыва к молитве иша, и что Максуд подтвердил ваше заявление в своих показаниях. Вы ухватились за эти показания, говоря, что они более правдивы, чем показания Свабини и вашего слуги. Я вызвал и господина Гхорру, и господина Булада, которые оба заявили, что встретили вас в тот же вечер в переулке Коукас, когда вы направлялись в дом Максуда, около двух часов (через два часа после призыва к молитве на закате). Эти два человека более заслуживают доверия, чем Максуд, по хорошо известным

причинам¹². В соответствии с вашими собственными пожеланиями, я вызвал вышеупомянутое лицо и организовал встречу со Свабини. Он признался, как указано в отчёте, что Фрайх и Айрут заставили его фальсифицировать свои показания. Это противоречие заставило меня аннулировать его два показания, первое и второе. Поскольку из показаний двух заслуживающих доверия лиц стало ясно, что вы пошли в дом Максуда в два часа ночи, из показаний Аслана и Мурада следует, что убийство слуги священника произошло между закатом и иша, и что вы были среди убийц и участвовали с ними в преступлении. Поэтому ваше настаивание на вашем присутствии в доме Максуда не очищает вас от этих обвинений. Вы утверждаете, что прибыли в дом Максуда за час до темноты, и вы сделали вывод из этого утверждения, что показания Гхорры и Булада ложны. Ваша логика в этом ясна, потому что если бы вы приняли их показания, вы бы себя инкриминировали.

Четверг, 23 мухаррама 1256 года хиджры

Следственный комитет вызвал обвиняемого Исаака Пиччотто в офис генерал-губернатора Его Превосходительства Шариф-паши, чтобы сообщить ему содержание меморандума, который был ранее направлен ему в ответ на его поведение и обвинения против него.

Пиччотто ответил на эти обвинения, заявив: «Я абсолютно ничего не знаю о деталях убийства отца Фомы и его слуги. Я вообще ничего не знаю о ложных обвинениях и лжесвидетельствах против меня. Вы попросили меня объяснить источник и характер ложных обвинений против меня, и объяснение находится в руках моего начальства. Я также считаю мой ответ Аслану достаточным. Моё начальство способно судить об истинности или ложности этого обвинения. Они также имеют возможность изучить обвинения Мурада аль-Фаттала, их ценность, потому что эти обвинения были результатом пыток. Что касается противоречий между показаниями Аслана Фархи и Мурада аль-Фаттала относительно отсутствия Аслана в четверг утром, после убийства отца Фомы, несмотря на заявление слуги, Его Превосходительство генерал-губернатор сказал, что "если я принимаю показания Аслана Фархи, я должен принять все показания". Но те, кто заставил Аслана обвинить меня, забыли сопоставить его показания с показаниями слуги Мурада аль-Фаттала, в которых были раскрыты эти ложные заявления и враждебность по отношению ко мне. Моё начальство, которое способно и достаточно проницательно, чтобы разоблачить позорный заговор, устроенный против меня, к которому я вообще не имею

¹² Джордж Максуд ранее перенёс нервный срыв; он не полностью восстановил свои умственные способности. Неизвестно, была ли путаница в его показаниях вызвана провалом в памяти или недобросовестностью.

отношения. Генерал-губернатор также сказал, что желает отменить показания Джорджа Максуда из-за того, что когда он пришёл в субботу давать свои показания, он заявил, что Фрайх и Айрут заставили его солгать в его первых показаниях. После того как Максуд дал показания в присутствии английского консула около двадцати дней назад, он дал их как правду. Что касается заявления Фрайха и Айрута, оно меня не касается. Моё начальство способно различить эти два показания. И если моё присутствие в доме Максуда не опровергает обвинение, выдвинутое против меня, это меня не очень волнует. Потому что правда в том, что в тот вечер я был в доме Максуда через час после наступления темноты, и Бог свидетель этой правды. Что касается остальных обвинений, все они основаны на антагонистическом сговоре против меня, и моё начальство не невежественно в отношении доказательств этого. Невозможно, чтобы австрийское правительство позволило одному из своих подданных (упаси Бог) стать жертвой антагонизма и ложных обвинений. Что касается меня, я вообще ничего не знаю о том, в чём меня обвиняют. Всё это ложь и выдумки. Я верю, что Бог поможет мне раскрыть правду».

Генерал-губернатор ответил: «Я ограничил свои вопросы делом об убийстве слуги отца Фомы и не упоминал дело отца Фомы. Вы должны ответить на убийство слуги. Вы утверждаете, что все, кто обвинил вас, совершили лжесвидетельство. Я отвечаю вам, что одного этого утверждения без какой-либо поддержки недостаточно, чтобы очистить вас от обвинений против вас. Вы должны установить факты, которые доказывают лжесвидетельство. Вы также утверждаете, что обвинение против вас со стороны Аслана Фархи исходит не от него, а от других, тех, кто заставил его совершить это лжесвидетельство. Мы не можем принять это, поскольку оно основано только на ваших утверждениях. Вы должны назвать тех, кто заставил его, чтобы я мог принять соответствующие меры против них». Исаак Пиччотто ответил: «Ваше Превосходительство сказали, что ваши вопросы были ограничены делом об убийстве слуги отца Фомы и что вы не упоминали отца Фому. Я ответил в соответствии с тем, что касается обоих дел. Моя причина в том, что Мурад аль-Фаттал утверждал в своих показаниях, что я также знал об убийстве отца Фомы. Поскольку я не осведомлён об обстоятельствах обоих преступлений, я ответил, что ничего не знаю ни об одном из дел. Ваше Превосходительство также сказали, что моё утверждение о том, что обвинения являются лжесвидетельством, необоснованно и неприемлемо, что я должен подтвердить то, на что я отвечаю. Я отвечаю, что уже предоставил подробную информацию о том, как я провёл время между полуднем среды и полуднем четверга, когда исчез отец Фома. Поскольку я не знаю фактов, что преступление произошло в то время, у меня нет другого человека, который мог бы подтвердить время, когда я пошёл в дом Максуда. Моё начальство, несомненно, будет смотреть

острым и пронизательным взглядом на правдивость показаний Максуда и других свидетелей. Что касается заявления Вашего Превосходительства о том, что я должен назвать тех лиц, которые заставили Аслана дать показания против меня, и что мне недостаточно утверждать, что обвинения ложны, я отвечаю, что обвинения Аслана являются главной заботой моего начальства, поскольку они более способны, чем я, и более квалифицированы, чтобы отличить правдивость от ложности его заявлений».

Генерал-губернатор ответил, сказав: «Когда слуга Давида Харари настаивал на том, что вы знали об убийстве отца Фомы, вы ответили, что ничего не знаете ни о его деле, ни о деле его слуги. Слуга не обвинял вас в убийстве отца Фомы. Я также не спрашивал вас об этом, а ограничил свои вопросы убийством слуги отца Фомы. И поскольку вы ответили, что ничего не знаете об этих двух делах, я имею основание заключить, что вы намеревались всё отрицать. Что касается обвинений, направленных против вас, вы рассказали, как провели время между полуднем среды и полуднем четверга, и утверждали, что ваша история правдива, что вы ничего не знаете о совершённых преступлениях, и, таким образом, у вас нет никого, кто мог бы подтвердить ваши показания, кроме жителей дома. Этот ответ на мои вопросы недостаточен. Он не содержит того, что необходимо для опровержения обвинений против вас, потому что вы не можете установить ваше присутствие в этом доме во время убийства слуги отца Фомы. Также вы не можете опровергнуть показания против вас иначе, как с помощью первых показаний Максуда, в которых он заявил, что у него не было часов и он не знал точного времени. Поэтому его показания слабы. В дополнение к фактам, были другие заслуживающие доверия и надёжные лица, которые опровергают и отрицают заявление Максуда. Вы попросили снова привести Максуда для дальнейшего допроса, и когда мы допросили его, он произнёс то, что было отрицанием его первых показаний. Теперь становится ясно, что ни один из ваших ответов не является обоснованным или основанным на правде. Теперь вы говорите, что ваше начальство лучше вас квалифицировано, чтобы отличить правдивость от ложности этих показаний. Вы осознаёте тот факт, что ваше начальство не присутствовало на допросе; поэтому они не могут отличить правдивость от ложности рассматриваемых показаний. Расследование этого дела сейчас в моих руках. Судьи знают ценность показаний Максуда. Я вижу, что во всех ваших ответах вы ожидаете, что ваше начальство ответит на вопросы, которые обращены к вам. Если у вас есть цель или намерение в этом, пожалуйста, откровенно объясните это нам».

Исаак Пиччотто ответил:

«Ваше Превосходительство сказали, что вы не спрашивали меня об убийстве отца Фомы, и что никто не обвинял меня в этом, и что я хочу оправдаться в обоих преступлениях, хотя слуга Давида Харари впервые

обвинил меня, когда сказал, что он пошёл по приказу своего хозяина по делу, связанному с убийством отца Фомы, и нашёл меня там. И что он нашёл меня там на следующее утро, в четверг, в доме своего хозяина. Первый раз, когда я встретился с Вашим Превосходительством, это было связано с убийством отца Фомы. Тогда я сказал правду, когда сказал, что ничего не знаю об этом деле, и все обвинения против меня просто ложны. Я не присутствовал в тот вечер в доме Мурада Фархи и не ходил в дом Давида Харари на следующее утро. Всё остальное, что было сказано, — ложь; в этом нет ни одного правдивого слова. Ваше Превосходительство также сказали, что я не смог дать достаточных объяснений относительно времени, проведённого между полуднем среды и полуднем четверга, времени исчезновения отца Фомы, хотя я подробно обосновал это в своём отчёте в пятницу, 3 мухаррама 1256 года хиджры. Нет причин повторять это. Что касается заявления Вашего Превосходительства о том, что показания Максуда недействительны, я отвечаю, что это меня не касается, потому что моё начальство, которое будет меня допрашивать, будет очень хорошо знать ценность этих показаний. Ваше Превосходительство сказали, что я передаю все вопросы, обращённые ко мне, моему начальству, несмотря на то, что окончательное решение принадлежит им, несмотря на их отсутствие. Они будут полагаться на собственное суждение об устном отчёте и отчётах их агентов, которые присутствуют. Их суд имеет последнее слово и опеку надо мной».

Генерал-губернатор ответил на эти заявления следующим образом: «Ваши ответы на мои предыдущие вопросы, особенно касающиеся убийства отца Фомы, и ваш ответ в пятницу третьего мухаррама, в котором вы заявляете, что обвинения против вас не являются достаточным доказательством. Вы также сделали замечания и возражения относительно расследования, которое я провёл в воскресенье, 19 мухаррама 1256 года хиджры. Замечания и возражения прилагаются к устному отчёту. Существует достаточно доказательств, чтобы признать вас виновным в преступлении. Я вызвал вас, чтобы вы дали ответы на некоторые из моих замечаний, чтобы вы могли услышать некоторые из оправданий и доказательств, которые, как вы утверждаете, являются доказательством вашей невиновности. После того как вы увидите мой отчёт, я немедленно отправлю его вашему начальству. Вы отказались давать ответы на эти замечания и дали ответы, которые, как вы знаете, не имеют отношения к делу. Я считаю своим долгом попытаться заставить вас понять серьёзность доказательств против вас».

На этом этапе генерал-губернатор передал Пиччотто отчёт о расследовании, которое было проведено на месте преступления, чтобы он мог прочитать его сам. Ответ Пиччотто был: «Ваше Превосходительство говорит, что доказательств достаточно. Не мне судить, достаточно ли они, это прерогатива моего начальства. Что касается показаний, данных Асланом

Фархи и слугой Мурадом аль-Фатталом, они все являются ложью и лжесвидетельством. Я думаю, что их показания не применяются к австрийским подданным. У того, у кого есть власть, есть и воля»¹³.

Пятница, 24 мухаррама 1256 года хиджры

Допрос Мейера Фархи, который не был арестован до вечера пятницы, 24 мухаррама 1256 года хиджры, последовал за перекрёстным допросом Пиччотто.

Генерал-губернатор: «Расскажите нам ясно, что произошло в вашем доме со слугой отца Фомы, Ибрагимом Амарой. Этот вопрос обращён к вам, потому что показаниями Аслана Фархи и Мурада аль-Фаттала, которые были с вами, установлено, что их показания идентичны. Теперь скажите нам правду, чтобы вы могли спасти себя от перспективы избиения».

Мейер Фархи ответил: «Я вообще ничего не знаю об этом деле. Всё, что я знаю, это то, что в пятницу я купил связку жемчуга у Франсиса Фаруна. Он рассказал мне об исчезновении отца Фомы и его слуги. Это всё, что я знаю об этом деле».

Генерал-губернатор ответил: «Каким будет ваш ответ, если мы приведём Аслана Фархи и Мурада аль-Фаттала, слугу Харари, и они будут свидетельствовать против вас в вашем присутствии?» Он ответил: «Я бы сказал, что они сумасшедшие и потеряли способность здравого рассудка, необходимую для мышления».

Затем привели Мурада аль-Фаттала и сообщили ему об отрицании Мейера Фархи. Генерал-губернатор сказал ему: «Мейер Фархи говорит, что ты сумасшедший и лжец. Что ты ответишь ему?»

Мурад аль-Фаттал ответил: «Если бы события не происходили так, как я объяснил, я бы изменил свои показания за сорок дней, которые я провёл в тюрьме. Сумасшедший тот, кто часто меняет свои показания. Это доказательство того, что я не сумасшедший».

Затем Мурад аль-Фаттал начал заново пересказывать детали преступления так, как они развивались, перед Мейером Фархи, пока не дошёл до момента, когда сказал: «Мой хозяин послал меня в дома Мурада Фархи, Аарона Исламбули и в ваш дом. Когда я прибыл в ваш дом, я увидел вас с Асланом Фархи. Он прислонился к правому столбу, а вы — к левому». На этом моменте Мейер Фархи прервал его, сказав: «Где? У двери?» Мурад аль-Фаттал ответил: «Да, сэр».

Мейер Фархи понял, что его вопрос указывает на то, что Мурад аль-Фаттал говорит правду. Мурад аль-Фаттал продолжил своё подробное

¹³ Шум от этого преступления распространился по всему Дамаску до такой степени, что Давид Харари обвинил Джорджа Анджури в том, что христиане возложили вину на евреев, как было указано в отчёте о расследовании по делу отца Фомы.

описание преступления так, как оно произошло. Когда он дошёл до темы крови, он сказал, что взял сосуд, называемый по-еврейски «Буса». После этого кровь была перелита в бутылку. Мейер Фархи прервал его возражением: «Возможно, ты один из тех, кто знает тайны религии. Если ты знаешь все эти дела, то, возможно, от тебя ничего не скрыто».

Затем генерал-губернатор спросил Мейера Фархи: «Кому, кроме тебя, можно доверить такого рода религиозные тайны?» Он ответил: «Этот человек не из тех, кому доверяют такие тайны. Он не мог бы знать об убийстве отца Фомы и его слуги».

После этого привели Аслана Фархи, и он дал свои показания в присутствии Мейера Фархи, который отреагировал так: «Суд и Божественное решение в руках тех, кто обладает Абсолютной Властью. Что касается меня, я ничего не знаю об этих делах».

Генерал-губернатор сказал: «Я вижу, что вы не уважаете заявления слуги Мурада аль-Фаттала. Вы относитесь к ним очень легкомысленно. Если вы не цените его заявления, то ответьте на показания Аслана Фархи, чьи показания идентичны показаниям Мурада аль-Фаттала, которые вы только что слышали». Он ответил: «Я ничего не знаю обо всём этом и совершенно не осведомлён об этом». Генерал-губернатор ответил, сказав: «Предположим, что вы не убивали слугу отца Фомы и ничего не знаете о преступлении. Теперь скажите нам, где вы были во время заката в среду и пятницу». Он ответил: «Это время молитвы. Я был в синагоге».

Затем генерал-губернатор спросил: «Кто был рядом с вами в синагоге?» На это он ответил: «Я не помню».

Генерал-губернатор продолжал свои вопросы, в то время как Мейер Фархи всё время отказывался отвечать. Наконец он сказал: «Если вы назовёте человека как присутствовавшего, а этот человек скажет, что он не присутствовал, каков будет результат?» Генерал-губернатор ответил на это: «Предположим на мгновение, что то, что сказали Аслан Фархи и Мурад аль-Фаттал, ложно и что они лжесвидетельствовали; и всё наше расследование основано на ложных заявлениях, в то время как вы один говорите правду. Самое меньшее, что вы можете сделать, это сказать нам, где вы были в тот час и с кем вы были. Разве это слишком много для вас?»

Однако Мейер Фархи всё ещё твёрдо придерживался своих первых ответов. Генерал-губернатор продолжил, заявив: «Если бы я был на вашем месте, я бы обязательно запомнил человека, который молился со мной в пятницу, даже если бы прошло две или три недели. Даже если бы мне не приходило в голову в то время, что меня спросят об этом позже, как вас. Как так получается, что вы не пытаетесь вспомнить, кто был с вами, чтобы очистить себя от обвинений, которые бросают тень сомнения и подозрения на вашу причастность к этому преступлению? Разве вы не знали, что вас спросят о преступлении? Если то, что вы говорите, правда, несомненно, вы

бы запомнили этих людей. Поскольку вы не помните, значит, обвинение против вас будет считаться правдивым».

Мейер Фархи ответил: «Я сказал, что не помню, хотя Рофаэль Доук и Муса Абу аль-Афие видели меня в синагоге».

Ответ генерал-губернатора на это был: «Если я сейчас вызову этих двух людей и спрошу их, и если они не согласятся с тем, что вы сказали, и если они откровенно заявят, что они не ходили в тот день в синагогу, как вы ответите на это?» Мейер Фархи сказал: «Возможно, они забыли или не обратили внимания на моё присутствие».

Генерал-губернатор продолжил: «С какой стороны синагоги вы были в то время? Вы были с восточной, западной, северной или южной стороны синагоги?» Он ответил: «Я не помню, где я был».

Затем следователь вызвал Рофаэля Доука и спросил его: «Есть ли у вас привычка посещать синагогу каждый вечер?» Рофаэль Доук ответил: «Это зависит от моей работы. Если я поздно ухожу с работы, я не хожу. Также я не хожу, если мне нужно рано прийти в мой магазин, что случается со мной два или три раза в неделю». Генерал-губернатор спросил: «Были ли вы в синагоге вечером исчезновения отца Фомы?» Он ответил: «Из-за смерти в семье Иосиф Лифьядо не выходил из дома в тот день. Поэтому я пошёл в его дом тем вечером, чтобы выразить соболезнования по поводу смерти его дочери. Из-за смерти я помню, что призыв к молитве на закате был, когда я был в Западных кварталах в то время. Когда я прибыл в дом Иосифа, я нашёл Метту Кибреета и другого человека из Рашайи с ним. Мы совершили наши молитвы в его доме, под балконом. Я оставался с ним примерно до времени призыва к молитве иша, затем я вернулся в свой дом, выпил кофе, покурил нагиле и остался дома, чтобы отдохнуть».

После этого следователь вызвал рабби Мусу Абу аль-Афие, который принял ислам и взял себе мусульманское имя Мохаммад Афанди аль-Мусалмани. Следователь спросил его: «Было ли у вас привычкой ходить в синагогу каждый вечер до того, как вы стали мусульманином, или вы молились дома?»

Муса Абу аль-Афие ответил: «Обычно я молился в синагоге, которая называется Ифранжской (французской) синагогой. Иногда я молюсь дома или на постоялом дворе».

Затем генерал-губернатор заявил: «О вас говорили, что вы были в синагоге в тот день, когда исчез отец Фома». Он ответил: «Меня не было в синагоге в тот вечер. Однако я был в доме Давида Харари».

Затем привели Мейера Фархи и спросили, как он ответит на заявления этих свидетелей. Он ответил: «Я не помню людей, которые были в синагоге». Генерал-губернатор ответил вопросом: «Как же тогда вы сказали, что эти два человека были в синагоге, когда они оба засвидетельствовали, что не ходили в синагогу и не видели вас там?» Фархи ответил: «Я думал, что они пошли и

что они видели меня. Вот почему я упомянул их. Возможно, они не пошли. Что мне сказать?» Губернатор ответил: «Вы утверждаете, что ничего не знаете об этом деле и что вас не было дома, когда это произошло; теперь скажите нам, где вы были?»

Мейер Фархи ответил: «Я не помню. Я не могу помнить каждый день».

Мейер Фархи был задержан для расследования. И на следующий день, который был понедельником, 27 мухаррама 1256 года хиджры, генерал-губернатор вызвал его и попросил ответить о его местонахождении вечером исчезновения слуги отца Фомы. Он продолжал настаивать на своей позиции, отрицая всякое знание о преступлении. Однако он не смог сказать, где он был во время совершения преступления. На этом этапе слушания тех, кто отрицал, и тех, кто признался, генерал-губернатор Шариф-паша счёл достаточным для себя выпустить меморандум о привлечении к ответственности Исаака Пиччотто. Расследование продолжилось вызовом других лиц по делу.

Протокол расследования от 28 мухаррама 1256 года хиджры (со среды до ночи четверга).

Следователь начал с того, что спросил Давида Харари:

В: «Где находились часы и ключи священника?»

О: «Я видел, как Муса Салайки брал часы, но я ничего не знаю о ключах».

Следователь задал тот же вопрос цирюльнику Солиману Салуму, и его ответ был: «Те, кто снимал одежду со священника, были Давид Харари и его братья; остальные стояли рядом. Что касается меня, я не подходил близко, пока его не раздели».

Следователь обратился к Давиду Харари следующим образом: «Вы и ваши братья сняли одежду со священника согласно признанию цирюльника Солимана Салума. Следовательно, его часы и ключи должны быть у вас».

Давид Харари ответил: «Семеро мужчин тоже стояли рядом. Часы у Саланики».

Следственный комитет вызвал Мусу Саланики, чтобы спросить его, в присутствии Давида Харари, о часах. Давид Харари обратился к Мусе, сказав: «Я видел часы у него (указывая на Мусу)».

Следователь спросил Мусу: «У тебя есть часы?»

Муса Саланики ответил: «Я ничего не видел и ничего не брал. Я не входил в дом Харари с самого праздника. Я не был с ними, и я понятия не имею о том, что они говорили».

Давид Харари сказал ему: «Разве не ты взял часы и кровь? Разве не ты отдал кровь Мусе Абу аль-Афие, а часы остались у тебя?»

Муса ответил: «Я ничего не видел и ничего не знаю». Затем ему сказали: «Господин Муса, против вас есть собрание признаний, и вы один из тех, кто принимал участие в этой операции. Они дали показания против вас, а вы всё ещё настаиваете на отрицании. Просто приведите нам двух свидетелей, которые скажут нам, где вы были, когда произошёл инцидент».

Муса ответил: «Я был дома, и моя семья свидетельствует о моём местонахождении; и у меня нет других свидетелей».

Следователь сказал: «Этого недостаточно». Муса ответил: «У меня больше никого нет».

Затем следователь направил свой вопрос Давиду Харари: «Ты дал ему часы, или он взял их сам?» Давид ответил: «Когда отца Фому раздели, Муса выступил вперёд и взял часы. Но я не видел ключей у него, и возможно, они могли быть в его руках, но я их не видел». Следователь спросил: «Вы упомянули, что другие семеро стояли во время снятия одежды со священника. Только ли вы один видели, как ваши братья выполняли работу, или другие помогали вам в снятии его одежды?»

Давид ответил: «Мы все, семеро, работали вместе над снятием его одежды. Мы менялись: некоторые из нас стояли рядом, пока другие делали работу, и так далее».

Отчёт о расследовании за четверг, 29 мухаррама 1256 года хиджры

Исаак Харари и его брат Давид были приведены для допроса. Исаака спросили о часах и о том, где они хранились. Он ответил: «Они были у Мусы Саланики».

Следователь сказал: «Как они оказались у Мусы Саланики?» Он ответил: «Он протянул руку за часами и взял их». Затем следователь спросил: «В какое время он взял часы?» Исаак ответил: «После того как мы завершили снятие одежды со священника».

Муса Саланики был снова вызван и спрошен о часах. Он настаивал на своей прежней позиции отрицания, сказав: «Я их не видел». Затем ему сказали: «Это Давид Харари и его брат Исаак Харари. Они оба засвидетельствовали, что ты тот, кто взял часы». Муса ответил: «Они лгут». Следователь сказал: «Они клянутся своей религией, что ты взял их».

6. МЕМОРАНДУМ ОБ ОБВИНЕНИИ ПРОТИВ ИСААКА ПИЧЧОТТО¹⁴

Расследование в отношении Исаака Пиччотто выявило его фактическую причастность к убийству слуги священника Фомы Аль-Капуци, которое произошло в доме Яхьи Мейера Фархи. Семеро других евреев также были признаны виновными в материалах расследования.

Первое. Расследование убийства священника Фомы Аль-Капуци и его слуги Ибрагима Амары началось с изучения объявлений о публичных торгах по имени аль-Хаким Траноба. Это были бумаги, которые священник Фома взял с собой после ухода из своей церкви, чтобы прикрепить их в определённых местах, предназначенных для этой цели. Это было в соответствии с тем, что записано в протоколах расследования от 4 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры. Ранее было выявлено, что владелец цирюльни Солиман Салум прикрепил объявление о торгах, был арестован и доставлен в штаб правительства для допроса. Сразу после ареста цирюльника Хаджа Исаак Пиччотто часто посещал штаб правительства. У него не было никаких логических или официальных дел, которые требовали бы его присутствия. Эти частые визиты неизбежно привлекли внимание всех, включая губернатора. Когда процедура расследования началась с допроса Солимана, цирюльника, на первой сессии (18 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры), он признался, назвав имена семерых мужчин. Он также признался, что Исаак Пиччотто связался с ним и спросил его: «Ты в чём-нибудь признался?» Когда он ответил: «Нет!», Исаак сказал: «Это то, что я от тебя ожидал», и ушёл. Затем Солиман, цирюльник, сказал: «Если бы я знал, что он не собирался вмешиваться в мою защиту, как он сказал, что будет, я бы признался раньше, чем получил свои побои».

Второе. В протоколах расследования от 26 зу-ль-хиджа 1255 года хиджры из допроса Мурада аль-Фаттала, слуги Давида Харари, содержалось следующее: «Утром в четверг, в первый день после убийства священника Фомы, пять человек, включая следующих: Аарон Исламбули, Исаак Пиччотто, Мурад Фархи, Аслан Фархи и Яхья Мейер, собрались вместе в доме Давида Харари. В доме, где был убит священник Фома. Эти пятеро из группы семи, которые были твердо признаны виновными в убийстве слуги священника. Присутствие Исаака Пиччотто в доме Давида Харари было установлено. Он был членом группы.

¹⁴ Этот меморандум был найден в бумагах Мансууртиана. Он был женат на родственнице Ханна аль-Бахри, доверенного лица Ибрагима-паши во время экспедиции Ибрагима в Сирию. Ханна аль-Бахри играл важную роль в разработке политики в большинстве планов Мохаммеда Али-паши по этой экспедиции. Этот меморандум был первоначально адресован австрийскому консулу в Дамаске.

Третье. В вышеупомянутом отчёте говорилось, что показания Мурада аль-Фаттала содержали подробности события, которое произошло, когда его хозяин послал его с предупреждением к Мураде Фархи и Аарону Исламбули, прося их принять необходимые меры, если слуга священника придёт искать своего хозяина. Это было сделано для того, чтобы никто не смог раскрыть тайну убийства священника. Когда Мурад аль-Фаттал пошёл в дом Мурада Фархи, он обнаружил там Исаака Пиччотто. Он передал предупреждение, пока Исаак Пиччотто находился в пределах слышимости.

Четвёртое. В вышеупомянутом отчёте показания Мурада аль-Фаттала утверждают, что пять человек, чьи имена перечислены выше, находились в доме его хозяина в четверг, и что Исаак Пиччотто был с ними. Они разговаривали, стоя перед домом Мейера Фархи, когда слуга священника проходил мимо в поисках своего хозяина. Они сказали ему: «Войди, твой хозяин внутри делает прививки от оспы детям». Когда он вошёл, они схватили его и убили тем же способом, которым убили священника. Его тело было утилизировано таким же образом.

Пятое. Тот же отчёт подробно описывает ответы Мурада аль-Фаттала Хажде Бодену. Он настаивал на том, что Пиччотто был с Мурадом Фархи, что Пиччотто шёл бок о бок с Мурадом, и он (аль-Фаттал) рассказал им обоим о деле слуги священника.

Шестое. Протоколы расследования в пятницу, 3 мухаррама 1256 года хиджры, содержали следующее: Хаджа Исаак Пиччотто был вызван в офис генерал-губернатора для допроса. Когда он отказался признаваться, ему возразил слуга Мурад аль-Фаттал, и он спорил с ним по поводу всех случаев, свидетелем которых он сам был относительно дела Пиччотто. Пиччотто отрицал все обвинения. Затем аль-Фатталу было сказано: «Наша цель не в том, чтобы бросать дикие обвинения туда и сюда, а в том, чтобы сказать правду». Слуга всё ещё настаивал на правдивости своих показаний.

Седьмое. Содержание вышеупомянутого отчёта в тот же день касалось допроса аль-Фаттала о месте утилизации останков тела слуги. Слуга Мурад аль-Фаттал указал это место, а затем сказал: «Как может господин Пиччотто отрицать и пытаться оправдаться, когда он сам был на вечернем собрании вечером в четверг, всего за один день до ареста убийц священника в доме Давида Харари. Он послал за своим дядей, рабби Якубом Абу аль-Афие, который позже был обнаружен как член группы семи, участвовавших в убийстве священника Фомы. Вечером на собрании он сказал им: "Цирюльник сегодня признался и назвал ваши имена. Я думаю, что завтра вас арестуют"». Исаак Пиччотто знал это из-за своих частых посещений штаба правительства, как уже было сказано ранее. В этот момент слуга Мурада Фархи пришёл и попросил Пиччотто зайти в дом его хозяина после того, как он уйдёт в свой дом. Он встал и направился к дому Давида. Было около пяти часов вечера. Группа попросила его сообщить им о причине

вызова Мурада и послать своего слугу, чтобы развеять их опасения. Пиччотто позже послал своего слугу обратно со словами, что не о чем беспокоиться. На следующий день, в пятницу, Аарон Харари пошёл в дом Исаака Пиччотто и прятался два или три дня. Это заставило его брата думать, что он был арестован. Когда Аарон вернулся домой, они спросили его, где он прятался. Он сказал им, что был в доме Исаака Пиччотто. Пока они говорили об этом, они были арестованы, как указано в сегодняшнем отчёте.

Восьмое. Отчёт о расследовании от 8 мухаррама 1256 года хиджры. Мурад аль-Фаттал был допрошен о своей миссии предупредить группу, чтобы заманить слугу священника в дом и убить его. Его показания совпали во всех деталях, включая утверждение о том, что Исаак Пиччотто был с Мурадом Фархи, когда он передавал предупреждение.

Девятое. В отчёте о расследовании от 9 мухаррама 1256 года хиджры говорилось, что слуга Мурада Фархи (Исаак аль-Буллас) был приведён для допроса, и он показал, что пришёл по приказу своего хозяина (Мурада Фархи) попросить Исаака Пиччотто прийти в дом Давида Харари. Это произошло около четырёх часов или немного позже. Исаак Пиччотто пошёл в дом сразу после этого сообщения.

Десятое. В тот же день в отчёте говорится, что слуга Исаака Пиччотто, Яхья Бизити, был приведён на допрос и признался, что его хозяин, Исаак Пиччотто, пошёл в дом Мурада Фархи в четыре часа вечера или немного позже, и что Пиччотто послал его обратно в дом Давида Харари, чтобы развеять опасения группы относительно произошедших событий.

Одиннадцатое. Согласно отчёту от 13 мухаррама 1256 года хиджры, цирюльник Солиман был допрошен о том, что он знает о деле слуги священника. Он показал, что Исаак Пиччотто участвовал в убийстве слуги Ибрагима Амары. Что он знал об этом от слуги Харари, который участвовал в процессе избавления от тела священника (слуга также принимал участие в убийстве слуги священника). Когда признание было завершено, показания обоих мужчин были точно такими же, несмотря на то, что они были изолированы друг от друга в местах своего задержания во время заключения.

Двенадцатое. В отчёте от той же даты стало ясно из признаний цирюльника и слуги из дома Харари, что они оба знали о преступлении из-за своего участия в преступлениях. Слуга Харари был допрошен и признался в своих действиях. Он также признался, что присутствовал при убийстве слуги священника, помогая удерживать его во время убийства. Он заявил, что Мейер Фархи и Мурад Фархи убили слугу своими собственными руками. Также он назвал тех, кто присутствовал, включая Исаака Пиччотто, который, как он сказал, удерживал одну из ног слуги во время убийства. Среди присутствующих был Аслан, сын Рофаэля, который держал другую ногу, как ранее было указано в отчёте о расследовании от 13 мухаррама 1256 года

хиджры. Он также заявил, что убийство произошло до иша в доме Мейера Фархи.

Тринадцатое. Отчёт о расследовании от 14 мухаррама 1256 года хиджры. В этом отчёте говорится, что Аслан, сын Рофаэля Фархи, попросил у Его Превосходительства генерал-губернатора предоставить ему иммунитет от преследования и даровать ему помилование, чтобы он мог признаться во всём без страха. Когда он получил иммунитет от генерал-губернатора, он признался в своей собственной роли, назвав тех, кто участвовал вместе с ним в убийстве слуги священника. Он написал свой отчёт собственноручно. Он полностью совпадал во всех деталях с показаниями, данными Мурадом аль-Фатталом. Он заявил, что Исаак Пиччотто держал одну из ног жертвы, а он держал другую. Он подробно объяснил убийство жертвы, подтвердив, что убийство было совершено между призывом к молитве на закате и призывом к молитве иша, в доме Муаллима Рофаэля, видного деятеля еврейской общины. Все ответы Пиччотто подтверждали его попытку уйти от фактов, которые его изобличали и составляли доказательство его вины.

Четырнадцатое. Консул Австрии в Дамаске господин Мерлато предоставил следственному комитету письменное разрешение на проведение расследования в то время, когда комитет врачей собрался для исследования извлечённых останков священника Фомы из Чёрной (Солёной) реки. Они были утилизированы примерно двумя днями ранее, как подробно описано в предыдущих признаниях и показаниях. Консул полностью согласился с тем, что он видел и слышал, после ознакомления с отчётом комитета врачей, особенно когда ему стало ясно, что куски одежды были частями рясы, которую носил убитый священник. Эти фрагменты точно соответствовали типу материала, который был на пропавшем священнике. Консул также участвовал в церемонии захоронения извлечённых костей отца Фомы в церкви. Он дал письменное разрешение генерал-губернатору, включая их согласие на расследование в отношении любого подозреваемого лица, являющегося подданным Австрии или Тосканы. Им было разрешено арестовывать и задерживать этих подозреваемых подданных для допроса, если потребуется. Кроме того, консул господин Мерлато и его представитель господин Иосиф Зананири выразили благодарность Его Превосходительству генерал-губернатору за его озабоченность и интерес к этому делу. Консул был проинформирован о возможности обнаружения крови в доме Исаака Пиччотто.

На основании этого и имея на руках письменное разрешение, Исаак Пиччотто был вызван для допроса об убийстве слуги священника. Расследование установило, что Пиччотто был одним из участников убийства, и был выдан ордер на его арест для проведения расследования.

Однако Его Превосходительство генерал-губернатор получил уведомление о том, что господин Пиччотто содержится под стражей в доме

консула. Это не было ни надлежащим, ни законным задержанием, поскольку большое количество евреев посещало дом консула, и неизвестно, было ли это для встречи с господином Пиччотто или с помощником консула, который сам был евреем, что мешало комитету проверить, смогут ли они проводить своё расследование без этого вмешательства. Были опасения, что еврейская община пытается добиться вмешательства консула, чтобы отклонить обвинения против евреев и объявить их невиновными, несмотря на очевидный факт их причастности.

Поддержка, которую получил Исаак Пиччотто, заставила его вести себя очень грубо. Он отверг все доступные доказательства своей причастности как ложь. В пятницу он дал понять, что получил сообщение от Его Превосходительства генерала, поддерживающее его позицию по прекращению этого дела против евреев. Его переводчик Иосиф Зананири отправился в еврейский квартал, доставляя эту хорошую новость, и стало известно, что он собрал деньги, чтобы опубликовать и объявить эту хорошую новость. Затем он получил сообщение из Александрии с копией Щедрого и Благородного Указа Его Величества Великого Хедива Мохаммеда Али-паши в ответ на петицию, представленную евреями Александрии.

Когда Исаак Пиччотто получил сообщение хедива, он призвал группу евреев взять его копию и представить её генерал-губернатору Шариф-паше, чтобы он знал, что евреи Дамаска узнали, что они были оправданы по обвинениям, то есть что хедив не поверил в правдивость обвинений против них.

Однако, поскольку евреи Дамаска полностью осознавали, что невозможно опровергнуть или оспорить установленные и задокументированные результаты расследования, они воздержались от передачи копии этого сообщения генерал-губернатору. Но один раввин вызвался доставить сообщение в ответ на «пожелания» австрийского консула господина Мерлато, спросив разрешения у английского консула господина Вуди. Этот раввин в то время лично был свидетелем свободы, которой пользовались арестованные, поскольку их семьи, родственники и даже слуги часто навещали обвиняемых в месте их задержания. Это то, что евреи хотели показать своим движением, которое было направлено на то, чтобы продемонстрировать, что они могут достичь своих целей, преодолевая любые препятствия. Таким образом, неудивительно, что они цеплялись за свои отрицания, о которых они договорились между собой, и, таким образом, игнорировали свои признания и показания, даже когда они были написаны их собственной рукой, потому что они знали, что эти отрицания были в их наилучших интересах, несмотря на тяжкие преступления, в которых они признались. Согласно их религии, и они признали эти преступления, которые сделали их отступниками от своей собственной религии, как было раскрыто в их священных книгах, которые

запрещают им совершать убийства в соответствии с их собственными законами.

«Мы представили наши наблюдения, полагаясь на...»

(Далее текст источника обрывается).

7. ЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ КРОВИ И БОГАТСТВА

Содержание протоколов расследования от 13 мухаррама 1256 года хиджры

Заседание проходило в офисе генерал-губернатора Шариф-паши. Среди присутствующих были члены следственного комитета, господин Боден, помощник французского консула, Хаджа Чубли Аюб, высокопоставленный чиновник египетского правительства, и рабби Яков, главный раввин еврейской общины Дамаска.

Следователь начал с вопроса: «Каково положение нееврейских народов согласно заповедям Талмуда, с точки зрения еврейской религии?»

Рабби Муса Абу аль-Афие ответил: «Положение нееврейских народов приравнивается к положению животных. Следуя примеру нашего господина Авраама, пророка Божьего, когда он и двое слуг отправились принести в жертву Исаака, Авраам сказал им: "Оставайтесь здесь с ослом. Я пойду с отроком". Из этого, что содержится в Талмуде, следует толкование, классифицирующее неевреев как животных. Таким образом, статус нееврейских народов должен классифицироваться соответственно».

Следователь спросил рабби Якова: «А вы, ваше преосвященство рабби Яков, что вы скажете об этом?» Рабби Яков ответил: «Наш господин, отец Авраам, увидел Бога, он сказал своему народу: "Смотрите!" Когда они ничего не увидели, он сказал им: "Оставайтесь с ослом". В Талмуде это толкуется как классификация неевреев как животных».

Рабби Муса Абу аль-Афие, который присутствовал и который перешёл из иудаизма в ислам, взяв себе мусульманское имя Мохаммад Афанди аль-Мусалмани, принёс с собой Талмуд и некоторые другие еврейские книги, чтобы разобрать эти верования с точки зрения их обоснованности в приходе к таким выводам. Эти книги были доступны в офисе генерал-губернатора. Рабби Яков взял книгу, чтобы прочитать вступительные стихи и объяснить их генерал-губернатору. Мохаммад аль-Мусалмани ответил: «Он хочет прочитать то, что они написали в начале каждой из этих книг, потому что в начале книги они излагают то, что говорится о других нееврейских народах, которые не знают или не поклоняются Богу, о народах древних времён. Это то, на что рабби Яков хочет указать и прояснить вам». Аль-Мусалмани добавил: «И чтобы скрыть свои действия или верования, чтобы печатать

свои книги в Европе, они оставляют в своих книгах несколько пустых страниц. Таким образом они могут ввести в заблуждение общественное мнение на Западе».

Затем следователь спросил рабби Якова о пропущенных страницах в их печатных книгах. Рабби Яков ответил: «Вы хотите, чтобы мы включили эту информацию, включая имя Иисуса и то, что с ним случилось? И что следует упомянуть в этой связи?»

Следователь продолжил: «Вы сказали, что "после того, как Всемогущий Бог явил себя народу Израиля в пустыне, они уверовали в Него. И что те, кто не принял еврейскую религию, — законно для евреев-верующих убивать их". Это правда?»

Рабби Яков ответил: «Это правда, потому что когда Всемогущий Бог явил себя народу, они приняли его, уверовав в Него. Любой, кто отрекается от своей веры, должен быть убит».

Рабби задали дальнейший вопрос: «Законно ли убивать тех, кто работает в субботу?» Рабби Яков ответил: «Да! Если он еврей».

Мохаммад аль-Мусалмани ответил на это, сказав: «Итак, законно убивать остальных людей всех народов, если они отказываются работать в субботу, потому что они не более чем скот и не имеют права на отдых. Все неевреи должны работать день и ночь. Это написано в книге Санхедрин (из Талмуда) в конце страницы 58: "Кто не работает в субботу из других народов, должен быть убит без вопросов и ответов. А если нееврей читает Тору, он должен быть убит, потому что Тора — для народа Израиля. Книги других народов должны быть сожжены, даже если они содержат имя Бога. Если человек, не являющийся евреем, напишет имя Бога, даже в Торе... Тора, написанная неевреем, должна быть сожжена"».

Следователь спросил: «Каково положение евреев в отношении богатства народов, которые не являются евреями?»

Мохаммад аль-Мусалмани ответил: «Существует семь заповедей: Первая — не поклоняться звёздам, планетам и созвездиям. Вторая — не прелюбодействовать. Третья — не убивать. Четвёртая — не красть. Пятая — не отрезать плоть живого ягнёнка и не есть её. Шестая — не скрещивать животных разных видов. Любой (не еврей), кто делает что-либо из этого, обнаружит, что его богатство законно для евреев, чтобы взять его».

Следователь спросил рабби Якова: «Что вы скажете об этом?» Рабби Яков ответил: «Когда народ Израиля покинул Египет и увидел, что другие народы не применяют и не соблюдают эти семь заповедей, талмудический закон сделал богатство неевреев богатством евреев».

Следователь спросил: «Поступают ли евреи с другими народами в соответствии с этим законом?» Мохаммад аль-Мусалмани ответил: «Общеизвестно, что другие религии, в частности христианство и ислам, имеют схожие заповеди и соблюдают их. Фактически они идентичны тем,

что в Талмуде. Тот, кто ведёт себя иначе, будет подвергнут такому же обращению, которое применялось к другим неверующим».

Следователь сказал: «Вы упомянули в своих показаниях, что евреи извлекали кровь христиан и использовали её для приготовления хлеба. Согласно вашему верованию, кровь нечиста и запрещена вашей религией, даже если она взята у законно забитых животных. Использовать кровь незаконно. Существует противоречие между тем, что кровь нечиста и запретна, и тем, что она законна, если взята у христианского человека, особенно для приготовления хлеба для святого дня. Есть ли какое-либо логическое или убедительное доказательство, которое объяснит это противоречие?»

Аль-Мусалмани ответил: «В Талмуде сказано, что есть два вида крови, угодных Богу: кровь пасхального жертвоприношения и кровь обрезания». Рабби Яков добавил: «Бог любит два вида крови: жертвенную кровь Пасхи и кровь обрезания».

Чубли Аюб ответил: «Мы не очень хорошо понимаем, как допустимо использовать человеческую кровь?»

Аль-Мусалмани ответил: «Главные раввины знают по данному им кодексу, как и когда допустимо использовать эту кровь».

Генерал-губернатор спросил: «Если еврей скажет что-то, что причинит вред другому еврею или другим евреям и их религии, каков будет его случай?»

Аль-Мусалмани ответил: «Законно убить еврея, если он совершает прелюбодеяние или делает что-то, что нарушает веру или учения религии. Так было в прошлом, но теперь евреи считают его отступником и ничего ему не делают, потому что его отступничество поместило его вне религии. Также если кто-либо из них говорит плохо о евреях, или причиняет вред любому из них, или оскорбляет еврейскую религию, то он обязательно должен быть убит. Это делается даже сегодня, несмотря на их слабое положение, потому что они считают его врагом своей религии. Нет искупительной жертвы за это преступление, кроме смерти. Еврейская религия полагается на эту практику в наши дни. По этой причине я не признавал правду и не мог признаться, пока не объявил о своём принятии ислама».

Затем следователь спросил об этом рабби Якова. Он ответил: «То, что он (аль-Мусалмани) сказал, правда. Евреи будут стремиться убить его напрямую или вызвать его смерть с помощью заговора через правителей».

Следователь спросил: «А если правители или власти обнаружат, что обвиняемый еврей или нееврей не виновен и не помогут вам с его убийством, что тогда они сделают?»

Рабби Яков ответил: «Это то, что велит нам наша религия. Поэтому мы должны приложить все возможные усилия, чтобы убить его, и использовать любые доступные средства для достижения этого».

8. РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ КОНСУЛЬСТВ

Протоколы расследования от 24 мухаррама 1256 года хиджры

В процессе расследования и допроса подозреваемых в следственный комитет поступил меморандум от французского консула в Дамаске, содержащий следующее:

«Муаллим Шехади Лазбуна был одним из евреев, которые пришли в наше консульство, когда дело священника Фомы и его слуги стало достоянием общественности. Он обязался выплатить 50 000 пиастров тому, кто раскроет убийц. Мне стало известно, что это лицо является государственным служащим. Поэтому я надеюсь, что вы пришлёте его ко мне для допроса».

Следственный комитет отправил Шехади Лазбуна к французскому консулу для допроса. Французский консул направил в следственный комитет копию вопросов и ответов, которые использовались во время расследования, проводившегося в его присутствии. Содержание этой копии следующее:

Консул сказал Шехади Лазбуна: «Вы пришли в это консульство с некоторыми членами вашей еврейской общины — среди них были: Мейер Фархи, Мурад и Иосиф Фархи, Аарон Исламбули — и знали о том, что было раскрыто относительно убийства священника и его слуг в доме Давида Харари и в доме Фархи, с их ведома. Мы узнали, что вы всё ещё намерены выплатить свою долю из обещанных 50 000 пиастров. Есть ли у вас какие-либо сомнения или подозрения относительно того, что произошло или что было раскрыто?»

Шехади ответил: «Процедура расследования завершена и достигла своего законного действия. У меня нет сомнений в честности расследования, которое проводилось в присутствии Его Превосходительства генерал-губернатора и Его Превосходительства консула. Обещание действительно, и я выплачу то, что должен».

Консул: «От вас требуется записать ваши ответы без страха и пристрастия. Поскольку у вас нет сомнений в том, что произошло, и это хорошо известные факты, почему вы держитесь за своё обещание, когда стало ясно, что эти преступления были совершены неправомерным и преступным образом? Объясните нам природу этого обещания и не стесняйтесь». Шехади ответил, подтвердив то, что сказал ранее. Затем консул сказал ему: «Ваша правдивость очевидна. Поскольку вы невиновны в обвинениях в убийстве отца Фомы и его слуги, возможно, вы узнали, что говорят в вашей общине по этому делу. Расскажите нам об этом подробно и не беспокойтесь — особенно учитывая, что вы проводили вечер в доме

Давида Харари в ночь перед арестом сыновей Харари. Скажите нам, кто проводил с вами вечер в доме Харари и о чём они говорили?»

Шехади Лазбуна ответил: «Мы пошли к Его Превосходительству губернатору Дамаска, когда это дело получило развитие, и умоляли его о помощи. Он ответил, что не будет вмешиваться в это дело. Мы вернулись в дом Харари, затем снова пошли навестить Его Превосходительство ночью. Вернувшись оттуда, мы провели вечер в доме Давида Харари. Среди присутствующих были Исаак Пиччотто, Якуб Абу аль-Афие и братья Харари. Наше собрание продолжалась до около четырёх часов ночи. В это время Исаака Пиччотто вызвали в дом Мурада. Те из нас, кто присутствовал на вечернем собрании, сказали Исааку Пиччотто: "Пожалуйста, сообщите нам, чтобы развеять наши опасения, если что-то случится по делу". Позже он прислал своего слугу, чтобы сообщить нам, что не о чем беспокоиться. Это всё, что я помню о том, что произошло в ночь перед арестом сыновей Харари».

ПРИМЕЧАНИЕ: Ранее, через несколько дней после убийства отца Фомы, эти люди пошли к французскому консулу и попросили его личной помощи и вмешательства в их пользу перед генерал-губернатором Шариф-пашой. Они хотели, чтобы он дал им дополнительное время для поиска убийцы. Затем они попросили его, чтобы развеять подозрения, витающие над ними, объявить письменно и через официального городского глашатая о назначении награды в пятьдесят тысяч пиастров (50 000) тому, кто обнаружит тело священника и его убийцу. Он принял их пожелания и приказал расклеить объявления в еврейских, христианских и мусульманских кварталах, а также сделать публичные объявления по всему городу Дамаску.

Консул сказал: «От вас не требуется отвечать на то, что неправда из того, что вы слышали из обсуждений во время того вечернего собрания, или кто там присутствовал. Против вас нет обвинения, которое вы должны были бы отрицать или опровергать. Почему вы дали мне пятьсот пиастров в завёрнутом свёртке? Какова была ваша цель от этой взятки?»

Шехади ответил: «Моей единственной причиной для предоставления этой суммы было желание избежать попадания в эту проблему».

Консул сказал: «Кто-нибудь сказал вам это, или вы сами так подумали? Какова была ваша причина бояться попасть в эту проблему?»

Шехади ответил: «Никто не просил меня об этом. У меня есть деньги, и я человек слова. Однако я боюсь отвечать на ваши вопросы по этому делу. Я также боюсь такого большого количества вопросов».

Консул ответил: «Официальным меморандумом Его Превосходительству генерал-губернатору я попросил вас прийти, чтобы допросить вас по этому делу, потому что ваше имя появилось в протоколах расследования в связи с вашим присутствием на вечернем собрании в доме

Харари. По этой причине я спросил вас о деле убийства священника и его слуги, поскольку вы были среди тех, кто обязался выплатить награду, если два убитых человека будут обнаружены. Вы признали, что у вас нет сомнений в честности расследования, и, несмотря на это, вы полны решимости выплатить свою долю этой обещанной награды. Вы рассказали нам, что знаете о вечернем собрании, и сказали, что заплатили пятьсот пиастров, чтобы вас избавили от всех этих вопросов. Теперь, когда официальные сессии допроса закончены, скажите нам, чего вы боялись раскрыть? Было ли это что-то, что вы узнали, посещая вечернее собрание?»

Шехади ответил: «Сэр, я рассказал вам, что произошло на вечернем собрании. В то время я не знал, были ли присутствовавшие убийцами или нет. Никто не сообщал мне об этом, и я ничего больше не знаю. Я в вашем распоряжении. Если вы знаете что-либо, касающееся меня, я готов защищать себя».

Через месяц после отчёта консула в следственный комитет поступило сообщение, содержащее следующее:

«Я ранее уведомлял Ваше Превосходительство о том, что существуют постоянные движения в интересах задержанных евреев с целью вмешательства в дело об убийстве священника и его слуги. Сегодня мы узнали, что Халиль Саиднави, слуга Мохаммада Талли, получил обещание от евреев Дамаска дать ему сумму денег в обмен на предоставление им отчёта, который противоречил бы всем предыдущим отчётам. Также они обещали выплатить суммы в тысячи риалов в обмен на предоставление им защиты консульства».

Дата: 20 сафара 1256 года хиджры.

Подписано: Консул Франции в Дамаске

Французский консул направил отчёт, продолжение своего сообщения, следующего содержания:

«Представляя Вашему Превосходительству дополнение к нашему сообщению № 28 от 20 сафара 1256 года хиджры относительно денег, которые были предложены евреями Халилю Саиднави, чтобы получить от него показания, которые ослабили бы расследование, которое, как они утверждают, было проведено. Этот план был осуществлён с ведома австрийского консула в Дамаске. Я также представляю Вашему Превосходительству то, что произошло по этому вопросу. Лицо, находящееся под защитой французского консульства, получило просьбу от одного из представленных евреев организовать встречу с Шубли Аюбом, который является одним из ваших доверенных государственных чиновников, с целью решения важной проблемы. Они сообщили нам об этом деле, и мы дали им наше разрешение, чтобы узнать, чего хочет еврей, который пришёл с просьбой о четырёх вещах.

Первое. Не включать их религиозные книги в расследование, потому что, как они утверждают, это было бы оскорбительно и вредно для общины.

Второе. Избегать упоминания переводов и толкований, которые Абу аль-Афие получил из еврейской книги, и добиваться их уничтожения.

Третье. Просьба о ходатайстве французского консула перед Вашим Превосходительством об освобождении Муаллима Рафаэля из-под ареста и о поиске способа смягчить приговор для признанных виновными в преступлении со смертной казни на более лёгкое и менее суровое наказание».

Четвёртое. Для выполнения вышеуказанных трёх условий была выделена сумма в пятьсот тысяч пиастров. Сумма в сто пятьдесят тысяч пиастров будет выплачена немедленно после возвращения документа, а остаток в триста пятьдесят тысяч пиастров будет выплачен после выполнения вышеупомянутых условий. Сумма будет передана тому, кого выберет французский консул.

На второй день прибыл мешок с серебряной монетой, и я узнал, что его отправила семья Мейера Фархи, в доме которого был убит слуга священника Фомы. Агент, который нёс это как доверенное лицо, сказал, что он не знает, почему семья Фархи отправила деньги; и всё, что они сказали ему, было: «Отнеси этот мешок, в нём пять тысяч пиастров, и доставь его Шубли Аюбу». Он немедленно принёс мешок и доставил его нам.

Похоже, что эти деньги были тем, что они обещали ему, чтобы помочь Мейеру Фархи. Мы открыли мешок и обнаружили в нём четыре тысячи триста двадцать два пиастра (4 322). Он хранится у нас. Шубли Аюб спросил евреев о сумме денег и о том, кто обязался их выплатить. Ответ на это был таков: некоторые раввины и попечители сборной кассы согласились по этому вопросу, и что они не собирали деньги ни с кого: они были из сундука синагоги. Поэтому нет опасности, что это дело станет известным. Это еврейский представитель, который дал показания, когда представлял свою петицию, как уже было сказано ранее. И Хаджа Боден, помощник австрийского консула, получил предложение от еврейской общины через самого представителя о том, что ему будет предоставлено триста мешков за его личные усилия по смягчению наказания осуждённых, обвиняемых в деле об убийстве священника и его слуги. Представитель сказал: «Эта сумма может быть увеличена, если он (господин Боден) сочтёт её слишком маленькой».

Эти два вопроса показывают активные действия евреев, и я считаю себя обязанным довести их до сведения Вашего Превосходительства.

Дата: 20 сафара 1256 года хиджры.

Подписано: Французский консул в Дамаске

В связи с этим развитием событий следственный комитет вызвал и Мохаммада Талли, и Халиля Саиднави. Мохаммад Талли пришёл один, и его спросили о правдивости дела, содержащегося в отчёте французского консула. Он признался в этом. А поскольку Халиль Саиднави не пришёл, Мохаммад Талли был отпущен с условием, что он придёт завтра утром с Халилем Саиднави. Они пришли в четверг утром, 21 сафара 1256 года хиджры, и были допрошены.

Следователь спросил сначала Халиля Саиднави, и он признался, сказав: «Я арендую винный магазин в еврейском квартале, недалеко от дома Элиаху Нахмеда. Нахмед был в моём магазине в понедельник, 16 сафара 1256 года хиджры. Он сказал мне: "Что это за дело и в чём его причина?" Я сказал: "Какое дело вы имеете в виду?" Он ответил: "Когда тебя задержали в тюрьме, твоя жена сказала: 'Если моего мужа будут бить, я раскрою тайну священника'". Я сказал ему, что моя жена не говорила ничего подобного и не стала бы говорить. Она ничего не знает об этом деле. Затем он сказал мне: "Это дело закрыто. Как ты посмотришь на то, чтобы заработать на этом немного денег, а также получить защиту? Разве это не будет лучше для тебя, чем переезжать в Александрию и стать мишенью для обвинений, чтобы тебя били по лицу или даже убили?"

ПРИМЕЧАНИЕ: Стало общеизвестно, что австрийский консул дал понять в Дамаске, что хедив Египта Мохаммед Али-паша решил сам изучить это дело.

Мы хотели, чтобы ты извлёк выгоду из этого дела, поскольку ты среди нас и в нашем квартале и работаешь с нами, как известно. Кто-то другой вместо тебя подвергся бы допросам и расследованию. Также получено сообщение от паши Мохаммеда Али, запрещающее бить евреев или причинять им вред, в котором говорится, что их дело будет передано австрийскому консулу в Александрии, и что французскому консулу не разрешается заниматься этим или рассматривать это дело. Таким образом, расследованием будут заниматься только официальные лица австрийского правительства. Талли, Мансур Тайян, Муса Садака, Шубли Аюб, Франсис Салина и ты будете вызваны. Талли будут бить до тех пор, пока он не признает то, что ему велят сказать, а именно, что Талли попросил тебя бросить кости в русло Чёрной реки. Затем они будут бить цирюльника, и он скажет, что Талли — тот, кто попросил его избавиться от этих знатных людей, и дело закончится таким образом.

Если ты не веришь мне, я поклянусь твоим Христом и нашей Госпожой Марией. А если ты не поверишь и тогда, я также поклянусь тебе Тагалином. И он поклялся мне, что со мной не случится ничего плохого. Наступил момент молчания, затем он сказал: "Скажи мне". Я ответил: "Что мне тебе сказать?" Он сказал: "Я знаю, что ты всё ещё колеблешься и не уверен. Пойдём со мной, и я покажу тебе документ, который гарантирует тебе

безопасность и защиту, а также паспорт для тебя плюс деньги, которые тебе нужны". Я встал и пошёл с ним в резиденцию австрийского консула. Мне принесли стул, чтобы я сел. Я сидел с консулом, Пиччотто, Элиаху Нахмедом и помощником консула. Исаак Пиччотто играл роль переводчика между мной и помощником консула, который начал разговор, сказав мне: "Скажи мне, что ты собираешься сказать, чтобы заслужить защиту консульства и деньги?" Я сказал ему: "Что вы хотите, чтобы я вам сказал? Вы хотите, чтобы я что-то выдумал для вас?" Он сказал: "Зачем же ты тогда пришёл сюда?" Я сказал ему: "Господин Элиаху Нахмед привёл меня сюда, чтобы я сказал то, что вы хотите. Напишите это для меня, и я запомню". Затем Исаак Пиччотто сказал мне: "Расскажи нам и возьми четыре тысячи гази (сто тысяч пиастров)". И он протянул руку к своему бумажнику в кармане под рубашкой, чтобы показать мне, что он готов дать мне деньги. Я сказал ему: "Это очень большая сумма денег, и ваш бумажник недостаточно велик, чтобы вместить её". Исаак Пиччотто ответил: "Ты получишь деньги либо от меня, либо от кого-то другого, и мы готовы дать тебе деньги сейчас". Я ответил ему: "Я не спешу получать деньги. Мне нужен срок в три дня, чтобы подумать". Они сказали мне: "Мы что, женщины или дети в твоих глазах? Тот, кто хочет говорить через три дня, может говорить сейчас. Если ты всё ещё не уверен или тебе некомфортно, помощник Его Превосходительства готов дать тебе слово чести. Ты и твоя семья всегда можете оставаться с ним. Если ты захочешь поехать в Александрию или Алеппо, он может отправить тебя работать переводчиком».

ПРИМЕЧАНИЕ: Консулом в Алеппо был австрийский еврей по имени Эльян Пиччотто.

«Также, если хочешь, можешь поехать в Бейрут». Я ответил ему: «Отложите дело до завтра, потому что у того, у кого нет хозяина, есть партнёр». Он сказал мне: «Сын мой, хвост счастья скользкий. Не хватай хвост, хватай голову»¹⁵.

После этого они очень сильно меня пытали, и я не помню, что мне говорили. Наконец, я сказал им: «Ночные разговоры плохи, дайте мне время до завтра, чтобы посоветоваться с моим партнёром».

ПРИМЕЧАНИЕ: Саиднави хотел привести другого свидетеля. Они ответили: «Мы дадим тебе срок в шесть дней, но ты должен ответить нам правильно и ясно». На следующий день был вторник. Я встретился с Элиаху Нахмедом в его доме, и он сказал мне: «Кто твой партнёр?» Я сказал ему: «Мохаммад Талли». Он сказал: «Что знает Талли, ты знаешь и сам». Я ответил: «Правда». Он сказал: «Но я говорю тебе, что мы боимся его и нам некомфортно с ним». Я ответил: «Не беспокойтесь о нём. Я ручаюсь за него. Вы также послали за Талли и пообещали ему награду в четыре тысячи гази».

¹⁵ Народная поговорка, означающая «лови удачу быстро, хватай её, пока она не исчезла»

Он ответил: «Да, но мы не могли доверять ему». Я сказал ему: «Не волнуйтесь, я ручаюсь вам, что убежду его сказать вам то, что вы хотите, так что не бойтесь его». Я встал и вышел из его дома и немедленно пошёл в дом Мохаммада Талли и рассказал ему подробно о том, о чём мы говорили. В то же время Нахмед пошёл за деньгами. Когда я закончил говорить, Мохаммад Талли встал и пошёл в дом французского консула и рассказал о нашем разговоре. На следующий день, в среду, французский консул вызвал меня и допросил. Я признался ему во всём, что произошло. Он сказал нам: «Идите и постарайтесь получить от Нахмеда письменный документ о том, что от вас требуется, возьмите деньги, которые они вам дадут, и придите ко мне, и я отведу вас к паше, генерал-губернатору».

Мы вышли из дома французского консула. Мохаммад Талли послал меня к Элиаху Нахмеду, чтобы сообщить ему, что «мне удалось убедить Талли, и что он, Элиаху Нахмед, должен пойти со мной в дом Мохаммада Талли и что он должен принести деньги, чтобы я мог дать Талли деньги в твоём присутствии, а ты возьмёшь у него то, что хочешь». Я пошёл в дом Элиаху Нахмеда и рассказал ему о плане. Он ответил: «Тогда назначь или выбери кого-нибудь, кто представит тебя для получения денег. Он отнесёт деньги в дом австрийского консула, чтобы положить их там в ящик, а ключи оставит у тебя, пока ты не дашь нам доказательство. После того как у нас будет доказательство, ты можешь прийти в дом консула и забрать свои положенные деньги; и защита консула тебе обещана. Не бойтесь, вы оба, потому что мы откажемся от этого дела целиком, если вы преуспеете в своей задаче. На этом этапе австрийский консул получит солдат от паши, и они будут отправлены в место, которое вы укажете как место, где спрятаны останки священника. Никто не упомянет ваши имена».

Я ответил ему: «Я не знаю ни о каком агенте, ни о ящике. Мой карман — это место, где я храню свои деньги. Если вы хотите, чтобы мы работали с вами, дайте нам деньги либо в моём доме, либо в доме Талли. После этого вы забираете любые бумаги, которые вам нужны».

Деньги остались у Нахмеда на условии, что я вернусь в его дом после заката и приведу с собой Талли. Однако я не нашёл Талли в его доме, и когда я вернулся в дом Нахмеда, он встретил меня с тревогой, сказав мне: «Я прошу тебя честью твоей и твоей семьи сказать мне правду. Теперь ты стал членом моей семьи, мы вместе разделили трапезу хлеба и соли. Знаешь ли ты, что губернатор, паша, вызвал Мохаммада Талли на встречу с ним?» Я ответил ему: «Я не знал, что это случилось. Причиной этого могут быть налоговые вопросы. В любом случае, он вернётся в свой дом. Я пойду к нему и узнаю, что случилось, и приведу его к тебе». Я пошёл в дом Мохаммада Талли во время иша. Он был там. Я встретился с ним и сказал ему: «Люди очень беспокоятся, потому что ты ходил к паше. Они хотят, чтобы ты пришёл к ним». Он ответил, сказав: «Встречайся с людьми утром, а не ночью. Если мне

необходимо выполнить их желание увидеть меня сегодня вечером, пусть они придут в мой дом. Пусть они принесут с собой деньги, чтобы мы могли дать им желаемый отчёт».

Я вернулся в дом Элиаху Нахмеда с этим сообщением от Мохаммада Талли о том, что он хотел, чтобы я сказал. Нахмед послал меня обратно, и во второй раз он попросил меня привести Талли с собой в его дом. Когда я вернулся, я обнаружил, что Талли ушёл из своего дома и пошёл в дом Ханны Тавиля. Я последовал за ним туда и сказал ему: «Люди хотят тебя в своём доме». Пока мы были там, обсуждая это, раздался стук в дверь, и Джордж Хамами вошёл, сказав: «В доме Талли двое евреев, и они хотят его». Мы вышли из дома Тавиля и пошли к дому Талли. Мы обнаружили там Элиаху Нахмеда с его слугой. Другой еврей, который был с Нахмедом, был европейцем по имени Исаак Залта. Он и двое или трое других ушли в направлении Серебряных ворот. Мы все вошли в дом Талли, и он начал говорить с ним об этом деле».

Вышеизложенная информация была показаниями Халиля Саиднави следственному комитету. Комитет затем вызвал Талли, попросив его прочесть содержание показаний Саиднави. Когда он закончил читать показания, он согласился, что содержание показаний точно отражает то, что произошло.

Он сказал: «Всё содержание этого отчёта точно. Вчера Его Превосходительство генерал-губернатор спросил меня об этом деле. Я сообщил ему устно о том, что произошло. Затем я сказал ему, что мне обещали, что я получу деньги сегодня вечером. Я пришёл сегодня, чтобы представить вам то, что произошло. Элиаху Нахмед пришёл в мой дом. Джордж Хамами, Мохаммад Харисс и сын Баксимави Мохаммад видели, как он входил в мой дом. И когда Ибн Залта увидел, что я иду из дома Тавиля, он ушёл в направлении Серебряных ворот. Затем мы вошли в дом. После этого, когда мы сели, Элиаху Нахмед сказал мне: "Мы говорили с тобой об этом деле раньше. Но никто из нас не доверял друг другу, пока Халиль не пришёл как посредник, который нас сблизил. Между нами не осталось ничего, кроме того, что запретил Бог. Я вошёл в твой дом, движимый любовью между нами, чтобы ты извлёк выгоду из этого дела, которое больше не является проблемой. Не бойся, потому что Его Превосходительство австрийский консул гарантирует твою полную защиту. Если ты укроешься в его доме, до тебя ничего не доберётся, даже дождь с неба. Мы узнали, что тебе обещали сумму в пятьдесят тысяч и гарантировали защиту. Дали ли они тебе что-нибудь, или всё это было ложно обещано? Они обманули тебя, бросили и ничего тебе не дали. Но мы дадим наличные деньги и ничего не просим у тебя, пока ты не получишь защиту, о которой мы говорили. Также Исаак Пиччотто передаёт тебе привет, надеясь, что ты забудешь все следы ссоры между вами двоими. Он хвалит твою позицию по отношению к нему, потому

что ты не сказал ничего, что могло бы ему навредить. После того как он узнал, что ты ничего не получил, он хочет, чтобы ты извлёк выгоду из этого дела. Если ты не веришь мне или не доверяешь мне, пойдём. Я провожу тебя к помощнику австрийского консула, который поклянется тебе своей честью, а также Пиччотто пообещает тебе верное обязательство — быть честным с тобой и дать тебе всё, что причитается"».

Затем я ответил ему, что хочу помочь им и что он правдив в своих словах и делах; «что мы тоже будем правдивы с вами, если вы покажете нам путь, по которому идёте. Таким образом, я дал обещание Халилю. Я не пойду к помощнику консула. Просто дайте мне копию того, что вы хотите, чтобы я мог написать для вас своей собственной рукой и скрепить своей печатью». Он ответил мне: «У нас нет копии или письменного формата для диктовки. Что мы хотим от тебя, так это чтобы ты сделал это?» Я сказал: «Клянусь Богом, единственное, что я знаю, это то, что стало ясно всем людям, как яркое солнце. Верёвка лжи коротка. Если я начну с выдуманной истории, и она окажется ложной, плохие последствия отразятся на тебе и на мне, потому что расследование и проверка отделят правду от лжи. И, как я понимаю, вы подали жалобы, что у вас есть достаточные доказательства об избавлении от отца Фомы и что у вас есть всё необходимое, чтобы опровергнуть обвинения против вас. Если у вас есть метод, который принесёт пользу мне и вам, или приемлемое логическое объяснение, на которое можно положиться, дайте мне какое-нибудь направление или руководство, которого я могу придерживаться и следовать ему». Он сказал мне: «Что мы хотим от тебя, так это сказать правду, потому что если бы у нас была хоть какая-то правда, мы бы не нуждались в тебе». Я ответил: «Если бы у меня были истинные факты преступления, я бы представил их вам бесплатно, чтобы извлечь из них выгоду». Халиль прервал, сказав: «Он не говорил со мной об этом, но он сказал мне: "Дай мне деньги, и я скажу тебе, где находятся его останки, подкрепив это надёжными доказательствами"». Он сказал мне: «Итак, ты действительно мне не доверяешь, я хочу отвести тебя к консулу». Я сказал: «Я не пойду, а если ты не доверяешь мне, то дай мне пойти спать».

Я повторил свои слова: «Я не могу лгать ни о чём. Если Халиль сказал вам что-то неправдивое, Халиль здесь, перед вами». Халиль ответил: «Ты не говорил этого. Я говорю сегодня и буду говорить завтра: принесите деньги, и я скажу, где находятся останки отца Фомы. Я готов подтвердить это в присутствии генерал-губернатора, паши, как я обещал убедить Мохаммада Талли. Если он убедится, это будет хорошо. Если нет, то я могу только сказать вам: дайте мне деньги». С этим Элиаху Нахмед ушёл. После этого я спросил Халиля: «Как ты можешь говорить, что знаешь местонахождение останков священника, и пытаешься убедить меня в этом?» Он ответил: «Правда, ты тоже знаешь, где были кости священника, откуда мы их извлекли и когда они

пошли с нами. Всё, чего я хотел, это сначала получить от них деньги, а затем признаться в том, что уже известно». Итак, я решил прийти и дать свои показания.

После этого следственный комитет собрался, чтобы рассмотреть дело. Количество обвиняемых по этому делу включало шестнадцать человек. Среди них были: двое, Йосеф Аарон и Йосеф Лифьядо, умерли во время расследования. Четверо других — Муса Абу аль-Афие, Аслан Фархи, Солиман Салум (цирюльник) и Мурад аль-Фаттал — были оправданы и помилованы из-за их сотрудничества в предоставлении ценной информации, которая помогла раскрыть других участников дела.

Из оставшихся десяти генерал-губернатор Шариф-паша вынес свой приговор на основе решения, принятого следственным комитетом, что они должны быть казнены. Десять осуждённых были: Давид Харари, Аарон Харари, Исаак Харари, Мейер Фархи, рабби Муса Бохур Йехуда (Саланики), Мурад Фархи, Аарон Исламбули, Исаак Пиччотто, Якуб Абу аль-Афие и Йосеф Менахем Фархи.

Казнь десяти человек должна была состояться после утверждения генерал-губернатором и публичного объявления. Однако французскому консулу графу Де Ратти-Ментону удалось получить приказ о передаче приговора Ибрагиму-паше, главнокомандующему египетскими армиями, на утверждение. Этой задержки было достаточно, чтобы спасти жизни тех, кто был приговорён к смерти. Потому что за это время два видных еврейских адвоката, присланные европейскими евреями для спасения этих членов еврейской общины, прибыли в Александрию и попросили Мохаммеда Али-пашу издать приказ о новом расследовании. Хедив Мохаммед Али-паша осознавал, что это вызовет огненную ненависть между христианами и евреями. Тем не менее он пообещал им, что издаст приказ о помиловании осуждённых евреев.

Адвокаты указали ему, что слово «помилование» означает признание «преступления». Они попросили его освободить их и разрешить вернуться тем, кто бежал. Он уступил их просьбе.

ПРИМЕЧАНИЕ: Политические и финансовые факторы сыграли значительную роль в убеждении Мохаммеда Али-паши простить этих преступников. Он отчаянно нуждался в деньгах и в дружбе европейских правительств, которые проводили английскую политику с целью удалить сирийский регион из-под его правления. Он также посчитал шестьдесят тысяч мешков золота (300 000 золотых лир) более ценными для правительства, чем казнь десяти евреев. Таким образом, он издал приказ об их помиловании и освобождении. Большинство этих людей и их семей переехали в Египет, где они и остались, спасаясь от гнева христиан и мусульман в Дамаске. В Египте некоторые из них стали очень богатыми и

успешными в экономической и финансовой жизни региона, как, например, Харари, Лифьядо и Абу аль-Афие.}

Как только Шариф-паша получил приказы от хедива, он освободил осуждённых 15 сентября 1840 года, когда занавес над этим преступлением опустился.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Отчёт Абу аль-Афие после его принятия ислама.
2. Документ из бумаг доктора Михаила Машаки.
3. Обзор богатства евреев, участвовавших в убийстве отца Фомы и его слуги.
4. Попытка евреев заявить о своей невиновности.
5. Ответ Чубли Аюба евреям.
6. Евреи разрешают убийство христиан.

1. Отчёт Абу аль-Афие после его принятия ислама

Настоящим я представляю в Ваш уважаемый суд, в соответствии с приказом губернатора, то, что мне известно об убийстве священника Фомы, которое побудило меня стать мусульманином. Будучи верующим в Бога Всевышнего и в нашего пророка Мохаммеда, да пребудет с ним мир, я настоящим даю письменное признание, которое является по правде истинным.

Главный раввин Якуб Интаби говорил с нами до этого инцидента, за десять-пятнадцать дней до события. Он сказал нам, что ему нужна человеческая кровь, чтобы следовать учениям нашей религии. Он сообщил нам, что Давид Харари и его братья должны совершить этот акт долга в одном из их домов и что он получил их торжественную клятву выполнить требуемое при любых обстоятельствах. Я был обязан присутствовать, чтобы отнести кровь к нему. Я сказал, что не могу выносить вид крови. Он ответил: «Ты можешь стоять снаружи, но ты должен прийти с Мусой и Йосефом Лифьядо». Мы согласились на его просьбу, полагая, что семья Харари откажется совершить это деяние в своём доме. Когда наступила среда, 1 марта (по еврейскому календарю), мы вышли из дома по пути в синагогу на молитву. Мы увидели Давида Харари, стоящего поблизости. Он сказал мне: «Ты мне нужен; пойдём со мной в дом». Я ответил: «Что тебе нужно? Позволь мне помолиться, затем я приду к тебе». Затем он сказал: «Пойдём сейчас, и я скажу тебе». Я пошёл с ним. Он продолжал говорить со мной, пока наконец не сказал мне, что священник находится в его доме и что он должен быть убит после наступления темноты.

Я сказал ему: «Это раввин потребовал или он хочет только кровь?» Он ответил: «Вот что должно произойти, не бойся, мы совершим убийство». Когда мы вошли в дом, мы увидели их сидящими в недавно обставленной комнате. Священник Фома был связан. Позже, между закатом и временем иша, мы перешли во вторую комнату, пустую и необставленную. Давид подошёл к нему и убил его. Ему помогали его братья Аарон и Исаак Харари. Вместе они слили его кровь в таз. Когда кровь полностью вытекла из тела, они перелили кровь в белую стеклянную бутылку, затем приказали мне немедленно отнести её рабби Якубу. Я взял бутылку и пошёл в дом рабби Якуба. Я нашёл его ожидающим меня в саду, снаружи дома. Когда он увидел меня, он сразу же вошёл в библиотеку, и мы последовали за ним. Я сказал ему: «Уже очень поздно, пожалуйста, возьми то, что ты просил». Он взял бутылку и положил её за письменный стол, и мы вернулись, каждый в свой дом. Что касается одежды и тела священника, мы оставили их в доме. Они ещё ничего с ними не сделали. Я говорил братьям Харари ранее, что за этим последует очень тщательное расследование и будет много головной боли! Что они должны избегать этого акта. Они ответили: «Не должно быть никаких упоминаний об этом. Никто не должен знать об этом. Не должно быть никаких следов этого. Мы решили сжечь его одежду, пока все следы не исчезнут. Что касается тела, мы разрежем его на куски и бросим в туннели реки. От него тоже не останется никаких следов. У меня есть большое укрытие под лестницей, где мы можем поместить его, пока не избавимся от него по частям. Не бойся. И, пожалуйста, не вноси страх в наши сердца». Что касается вопроса о слуге священника, Ибрагиме Амаре, Бог свидетель, что я абсолютно ничего не знал о его убийстве до самого полудня четверга. Я узнал об этом от Давида, Исаака и Йосефа Харари, когда они разговаривали перед маленьким винным магазином в то время. Исаак говорил с Давидом о том, что происходило, и они перешёптывались друг с другом. После этого каждый из нас ушёл по своим делам. У нас нет близких отношений со «знатными», а те, кто из дома Харари, — «знатные». Поэтому у нас нет с ними большого контакта. Они устраивают вечерние собрания, рассылают приглашения и организуют певческие празднества, на которые мы не ходим и нас не приглашают. Что касается вопроса о крови и о том, что евреи нуждаются в ней для приготовления пресного хлеба для вечера своего праздника, это именно так, как мы уже говорили ранее. Они просили об этом часто, и те, кто был вовлечён, были арестованы и доставлены в суд. У евреев есть книга под названием «Сирф Ходовот». В ней содержится много инцидентов, по которым против евреев возбуждались судебные дела, и они всегда утверждают, что эти дела — не что иное, как ложь и обвинения. В своей книге они представляют подробности дел против евреев по вопросу о крови. Это всё, что я знаю о деле священника. Теперь я ваш слуга, который ищет убежища у Бога Всевышнего и Его Пророка-Посланника, нашего

пророка Мохаммеда, который был для нас путеводителем к истине в мусульманской религии. Я умоляю о доброте и прощении Вашего Превосходительства. Власть — у Того, у Кого власть.

Подписано, Мохаммад аль-Мусалмани

Журнал Патриархата, VII, Том 1, 15 января 1933 г., стр. 113-115, сообщает, что Муса Абу аль-Афие бросил свой головной убор к ногам министра и сказал: «Поскольку еврейская религия такова, я отрекаюсь от неё и приму ислам и стану мусульманином». Его приняли с уважением и дали ему белый тюрбан.

2. Документ из бумаг доктора Михаила Машаки¹⁶

Я был среди приглашённых для проведения исследования останков отца Фомы по поручению французского консула и австрийского консула господина Мерлато. Когда проводилось исследование костей, среди человеческих костей были найдены кости животных. Я отделил то, что было определено как человеческие, и нашёл фрагмент верхней челюсти с прядью волос из бороды. После завершения этого исследования было проведено другое исследование для определения типа найденной одежды; был найден кусок чёрного колпака отца Фомы. Господин Мерлато написал своё засвидетельствованное заявление, что он уверен, что это часть колпака священника. Затем был найден шерстяной кусок от рясы священника. Когда я взглянул на него, я был уверен, что это тоже часть рясы священника. Также я нашёл другой кусок того же материала, с плечевой части, с частью конической формы, используемой священниками как головной убор для защиты от холода. Это сделало меня ещё более уверенным в причине, которую я запомнил, поскольку за несколько месяцев до исчезновения отца Фомы я зашёл в магазин шерстяной одежды и купил то, что нужно было мне и моей семье на зиму. Продавец показал мне толстый кусок шерсти, толщиной с войлок, сказав, что он поступил с шерстяным материалом, который он недавно получил. Поскольку он не хотел его покупать, он подумал о том, чтобы вернуть его. Но он указал мне, что снизит цену, если я захочу его. Я подумал, что он хорош для путешествий в холодную и снежную погоду, поэтому я купил кусок достаточно большой, чтобы сшить из него брюки и куртку для себя. В это время пришёл священник Фома, он спросил меня, что я делаю, и я сказал ему. Затем он сказал: «Этот материал мне хорошо подходит для зимнего сезона». Он взял остаток материала и спросил, есть ли ещё. Продавец сказал, что нет. И поскольку ничего подобного в

¹⁶ Эти документы были найдены в бумагах доктора Михаила Машаки, написанные его собственной рукой, и были скопированы его сыном доктором Ибрагимом Машакой в Дамаске.}

Дамаске не было, он сшил из него зимнюю рясу. Следовательно, два куса шерсти, найденные с костями, должны быть из материала, который мы оба купили и который больше нигде в Дамаске не мог быть найден.

Среди бумаг также был найден следующий документ:

Евреи оставались под стражей в течение нескольких месяцев, пока Монтефиоре, известный израильтянин, не приехал из Англии в Александрию. Он получил от Мохаммеда Али-паши приказ Шариф-паше помиловать осуждённых евреев и объявить их невиновными. Говорят, что это стоило шестьдесят тысяч мешков золота, выплаченных Мохаммеду Али-паше, что эквивалентно 300 000 золотых лир, плюс три тысячи мешков для его администрации. Мы не смогли выяснить правду об этом. Осуждённые убийцы священника и его слуги были освобождены.

3. Обзор богатства евреев, участвовавших в убийстве отца Фомы и его слуги

Имя	Количество мешков¹⁷
Мурад Фархи	5 000
Давид Фархи	500
Исаак Харари	500
Аарон Харари	5 000
Иосиф Харари	300
Иосиф Лифьядо	100
Муса Абу аль-Афие	50
Муса Салаянки	500
Аслан Фархи	50
Иосиф Фархи	2 000
Яхья Мейер Фархи	300
Якуб Абу аль-Афие	100
Аарон Исламбули	2 000
Якуб Интаби (раввин)	Не имеет собственного богатства. Живёт на пожертвования своей общины.

¹⁷ Один мешок равен пяти золотым лирам, или пятистам турецким пиастрам, или 125 золотым франкам. Это показывает, что эти люди были одними из самых богатых в Дамаске в то время.

4. Попытка евреев заявить о своей невинности

Отчёт, представленный Исааком Барухом и Леоном Сиди от своего имени и от имени некоторых членов еврейской общины Измира, 17 апреля 1840 года. Он был опубликован в Измирской газете и содержит следующее:

Мы были очень удивлены, прочитав отчёт нашего главного раввина, нашего духовного лидера, который был опубликован в вашем журнале 28 марта 1840 года, о том, что он своим собственным усердием решил, что «наша религия основана на Торе». Ошибки такого рода являются причиной наших страданий. То, что они сами (наши духовные лидеры) решили, является причиной нашего угнетения. Потому что они мешают нам открыть глаза на правду и увидеть свет. Мы считаем своим долгом сообщить миру о практике нашей религии, которую они заставляют нас делать неохотно. Это правда, например, то, что только что сделал наш раввин. Всё, что мы хотим от каждого человека, который знает Тору, — это оценить намерение нашего раввина Бенхаса Скуры, который опубликовал свой вышеупомянутый отчёт. Действительно, с признанием того, что еврейская религия основана на Торе, как заявил наш главный раввин, но он не показал и не указал нам на добавленные исправления и комментарии в Торе, которые дают адекватное обоснование для следующих действий:

«Первое. Где доказательство того, что незаконно есть говядину, козлятину и баранину, если они не забиты рукой раввина?»

«Второе. Из какого источника проистекает следующее — запрет на вино, если оно сделано или к нему прикоснулся человек, не являющийся евреем?»

«Третье. В какой главе или книге нашего Закона содержится следующее, что запрещает израильтянину ходить в субботу, имея при себе ключ, часы, два носовых платка, иголку или что-либо, что не является необходимым?»

«Четвёртое. В какой главе Торы есть конкретное упоминание, касающееся защиты самых способных и богатых представителей любой профессии от убытков общины, или возложения их на бедных, обеспечения безопасности и свободы талмудических чтецов, а также многих других вещей такого рода, на объяснение которых у нас нет достаточно времени. И если в Моисеевом законе не было и следа разума для такой заповеди, то как тогда наш уважаемый главный раввин мог подтвердить, что все заповеди Моисеева закона основаны на Торе? Не лучше ли ему признать, что Ассоциация усердия публикует ложь и обман богатых? Хотите ли вы знать, что случилось бы с нами, беднейшими из евреев, если бы мы отвергли эти мифы наших раввинов? Если у нас мало денег, они крадут их; если у нас нет денег, они отлучают нас от церкви или передают правителям, чтобы нас пытали как преступников. Давайте обратимся в суд. Мы знаем, что они

организовали комитеты свидетелей, чтобы давать показания против нас; что раввинское право разрешает акты обмана, мошенничества и преследования вплоть до смерти для любого человека, который возражает против действий раввинов, которые они называют "еврейской религией". Мы помним инцидент с этими религиозными актами, которые были задуманы нашим господином раввином Бенхасом. Однажды, в субботу, он встретил еврея, который забыл ключ от своего магазина в кармане. Он пытал его, пока тот не открыл свой кошелек с деньгами, и украл то, что у него было. Есть великое множество несчастных людей, которые были подвергнуты подобному наказанию за этот "тяжкий грех". Мы спросили этих праведников: "Действительно ли это религиозные акты?" "Это Божественный закон?" Неужели эти раввины настолько невежественны, чтобы не видеть, что эти действия противоречат политике наших господ и противоречат достойному пути нашей страны? Как долго раввины смогут продолжать нарушать наши права против воли нашего господина, который хочет равенства для своих подданных без дискриминации по статусу или различию в религии? Мы просим Королевский суд положить конец этой ситуации. Это мифы, предписанные нашими раввинами, которые делают законным убийство людей.

5. Ответ Чубли Аюба евреям¹⁸

Некоторые евреи в Измире выступили и представили отчет для публикации и распространения по всему миру. Вероятно, у этого действия есть две стороны: либо это тревожная правда, сформулированная ими, чтобы рассказать о том, что они узнали о своём раввинском законе, либо это может быть основано на обмане и мошенничестве, как они сами засвидетельствовали против своего раввинского закона. Возможно, что откровенный тон этого отчёта был результатом невежества тех, кто писал отчет в Измире, относительно правды. Эта правда заключается в том, что секреты их религии не содержатся в книгах, а хранятся у раввинов и знатных людей их религии, передаваясь по наследству через традицию. Это одна сторона. С другой стороны, вполне возможно, что отчет основан на обмане и мошенничестве. Потому что, несмотря на то, что они представили из заповедей, они имеют второстепенное значение по сравнению с другими. Эта критика их раввинов уродливее того, что было раскрыто о еврейской религии в Сирии. Возможно, что евреи в Измире сделали то, что было задумано их раввинами, чтобы обмануть и ввести в заблуждение мировое общественное мнение, и указать, что их отчет в журнале является

¹⁸ Чубли Аюб, Хадая аль-Массарра, Исторические документы Королевского Патриархата, Типография Святого Павла, 1937, стр. 73-84. Это также охватывает следующий раздел.

правдивым. Из-за того, что он содержал критику их раввинов, люди могут поверить ему. Их цель в этом — зафиксировать дело об убийстве, которое раскрыло их секрет, и их включение в книгу (Сид Хедрут), которая включает все их характеристики, и сказать, что эти характеристики являются обвинениями. Но ясное свидетельство раввина Мусы Абу аль-Афие разоблачило их.

Мы спросили Исаака Баруха и его друзей, которые представили этот отчёт в Измире для публикации и распространения по всему миру, следующий вопрос: «Если Тора не содержит ни одной из этих уродливых заповедей, и если это точно, то изучили ли вы все раввинские законы и их сохранившиеся документы?» Теперь мы уверены, что невозможно раскрыть эти законы общественности. Никто не может достичь этого знания, кроме тех, кто достиг высшей степени среди раввинов этого закона. Если вы достигли этого уровня, невозможно верить в то, что вы представили в виде критики против них. Потому что если вы достигли раввинского статуса, вы обязаны вести себя как они, иначе вас объявят отступником от вашей религии. Тогда они издали бы законный призыв убить вас любым способом, как было подтверждено в отношении тех, кто причиняет вред еврею или еврейской религии. Но поскольку вы «бедный еврей», как вы указали, возможно, это из-за вашего невежества в отношении секрета законного убийства людей, потому что из вашего раввинского закона было раскрыто, что: «Нееврейские народы не являются людьми в том же смысле, что и евреи. Но они принадлежат к типу животных и должны рассматриваться как таковые». Мы даём вам доказательство фактического существования этого секрета у ваших раввинов и ваших религиозных знатных людей в том, что теперь стало ясно. Поскольку это твёрдое убеждение, оно не может быть опровергнуто ложью и обманом, как убийство священника Фомы и его слуги в Дамаске. Если ваше утверждение, что Тора не разрешает такие действия, действия, не подходящие в качестве религиозных актов, то по какому закону вы убили Иоанна и Захарию раньше? Общеизвестно, что они были пророками. Объясните нам это. В противном случае вы все обманщики, и я заключаю это, сказав: «Мир».

6. Евреи разрешают убийство христиан

Я надеялся ознакомиться с отчётом раввина Бенхаса Сиклора, великого раввина евреев, чтобы иметь возможность обдумать и ответить на содержание в рамках моих ограниченных знаний о еврейской религии и её основных верованиях. Теперь, когда мне удалось взглянуть на отчёт, я чувствую себя обязанным ответить, особенно потому, что никто другой не проявил инициативу сделать это. Это долг каждого осведомлённого человека из-за ужасов, содержащихся в еврейской религии, — ответить,

чтобы люди знали, особенно о зле их верований, чтобы они больше не были скрыты от тех, кто обладает интеллектом, чтобы понять, и тех, кому не были предоставлены средства для поиска этих верований.

Я был в Дамаске во время инцидента с убийством священника и его слуги. Благодаря расследованию причин преступления я узнал то, что будет изложено позже, об их ложных верованиях. Я удивляюсь самой общине и тем, кто вырос, изучая эти обманы и секреты, были ли они среди тех, кто читал Талмуд. Их отчёт, упомянутый ранее, который содержал эти недостойные и смехотворные взгляды, подвержен их собственным порокам и в конечном итоге обманет и окружит своих же создателей. Они показали всему миру некоторые из своих менее вредоносных обманов, оставив великие ужасы скрытыми. Как многочисленны ужасы, совершённые против других народов, которые являются частью Талмуда? Если они не среди тех, кто читал Талмуд, и не знают его источника, они обязаны сообщить нам, каким образом они ответили своему раввину в отношении этих высказываний, которые они представили ему в форме вопроса. Как они могли заявить в конце своего отчёта, что они не читали и никогда не слышали, чтобы их религия разрешала убийство людей? В дополнение к этому, если они читали Талмуд, доказательства, которые мы собираемся привести, раскроют их цель как коварство и обман, упомянутые в отчёте. Однако, если они не были осведомлены об этом, то почему? Согласно евреям, «народы земли» — это люди. Как заявил Руби Алиазар в книге Самима из Талмуда, где говорится о них как о «народах земли» относительно их жертвоприношения в Йом-Киппур, день прощения. Это первый день Нового года, когда евреи постятся двадцать четыре часа, даже если он выпадает на субботу. Его спросили ученики: «Ты сказал "их жертвоприношение", почему ты не сказал "их убийство"?» Он сказал: «Убийство требует благословения, а жертвоприношение не требует благословения». Позже другие раввины приняли его версию и завершили своё высказывание: «Разрешается рассекать народы земли так же, как вы рассекаете рыбу». Если это их концепция, то разрешается казнить тех, кто не читает Талмуд, позволить принести их в жертву и рассечь их. Те, кто представил отчёт, обязаны спросить своего раввина Бенхаса Сиклора, откуда взялся этот закон. И если это должно применяться к тем, кто не читает Талмуд, интересно, какой закон они оставили для остальных народов мира?

Раввин Бенхас Сиклора — тот, кто несёт ответственность за ответ тем, у кого есть отчёт, чтобы убедить их. Я не обязан отвечать им, даже если то, что вот-вот произойдёт, объяснит это. Но я счел необходимым ответить на некоторые пункты их отчёта. Например: «Если у них есть небольшая сумма денег, их раввин украдёт её, а если у них нет денег, их отлучат от церкви или передадут правителям, чтобы их пытали как преступников». Это утверждение не имеет никакого основания ни в их религиозном учении, ни

согласно тем, кто подготовил отчёт. Но основная истина их религиозного учения гласит, что «если человек сотрудничает с правительством против другого еврея или нееврея и причиняет физический вред еврею, то законно убить такого сотрудника». Такой человек рассматривается ими как враг, как упоминается в Талмуде и в толкованиях этого высказывания. Одно из этих толкований, согласно раввину Солиману Раши, который признаётся евреями за свои высказывания и толкования в книге «Камарат Аббурах Зада» на странице 26. Также в книге Хассана Мишбата «Шалха и Арух», страница номер 380 из «Авани», толкуется следующим образом: «Я имею в виду того, кто заставляет своего еврейского друга платить деньги нееврею, или опознаёт его перед губернатором, что приведёт к его разоблачению, заставляя его платить деньги за побои или даже убийство. Даже если его еврейский друг совершил мои грехи, или был ненавидим им, или причинил ему много несправедливости, несмотря на всё это, если он сотрудничал, сотрудник должен быть убит, и у него не будет шанса войти в рай в следующей жизни. А если он не сотрудничал, кроме как в сфере использования слов против своего еврейского брата, чтобы получить какую-то личную выгоду или выиграть деньги, независимо от того, как это произошло, то этот человек оправдал собственное убийство. Каждый, кто слышит его голос, должен попытаться убить его. Тот, кто первым преуспеет в этом акте, получит великую награду. Если ему нужны деньги, чтобы убить его, еврейская община этого города обязана оплатить расходы, каждый в соответствии со своей долей».

Ясно, что их утверждение о том, что их раввины крадут их деньги и передают их правителям для пыток преступников, является ложным и необоснованным. Это было заявлено в их книгах в дополнение к тому, что они знают. Однако мы сами не имеем об этом знаний. Это доказывает один простой факт, а именно: «Как легко для них убить человека».

Второе. Они заявили в своём вышеупомянутом отчёте, что сотни свидетелей готовы подтвердить, что раввинские законы оправдывают обман, мошенничество, дискриминацию и даже смерть каждого человека, который выступает против раввинских законов и их действий, которые они называют еврейской религией, согласно их словам: «Не делайте из этого вывода, что это оправдывает убийство людей, потому что это обвинение недействительно»; но теперь они говорят, что такого нет и что они никогда об этом не слышали!

Сравнение этих двух утверждений в ясном отчёте показывает факты, которые они сами пытаются опровергнуть. Согласно их религии, они верят, что человеческая раса — это только народ Израиля, а все остальные из всех народов — всего лишь животные. В книге «Абура Вудах» на странице 35 мы находим утверждение, что Тора не запрещает евреям жениться на женщинах из других народов. Однако она запрещает еврейским женщинам выходить

замуж за мужчин из других народов. Похоже, что эти учёные мужи мало уважают еврейских женщин. Думают ли они, что только они способны отличить народы-животных от евреев-людей? Это один момент. Другой изложен в книге «Арубин», что еврею не разрешается проживать в доме с человеком из других народов и что еврей должен стремиться выселить такого человека. В ней говорится, что дома других народов подобны стойлам для животных и что это вообще не дома.

Третье. В книге «Барахут», первой части Талмуда, на странице 53, говорится о том, что случилось с одним из их учёных мужей в Египте, который ударил еврея за то, что тот встретился с египтянкой. Еврей пошёл к губернатору с жалобой: «Есть учёные евреи, которые устанавливают законы, противоречащие законам правительства». Губернатор вызвал учёного мужа и спросил его о причине избиения этого человека. Он ответил, что избил его за то, что тот встретился с ослицей. Губернатор попросил его представить свидетелей. И вот! Явился Ходр, мир ему, и дал показания против этого человека. Тогда губернатор спросил его: «Почему ты не убил его?» Он ответил: «Когда мы покинули нашу страну, мы ушли без разрешения убивать». Выйдя из кабинета губернатора, еврей сказал учёному мужу: «Ты солгал мне, да покарает тебя Бог за твою ложь». Учёный муж ответил: «Проклинающий! Это не их имя. Для нас их имена — ослы, а их плоть — плоть осла». Евреи захотели вернуться к губернатору, чтобы пожаловаться на учёного мужа. Тогда учёный муж поднял свою палку, ударил и убил его.

Четвёртое. В статье шестой книги «Биамут» говорится, что Тора гласит: кто сидит у могилы, тот осквернится нечистотой и станет нечистым. Это верно для могил евреев, потому что их имя — Адам, а остальные народы не от Адама, поэтому нечистота не постигает того, кто прикасается к их могилам.

Пятое. Также на странице 25 книги «Рафут» говорится, что учёный муж заявляет: если человек из другого народа обнажён, еврею не разрешается молиться перед ним. Это потому, что разрешается уподоблять их плоть плоти осла. Потому что это непристойное обнажение, как сказано в Торе о сыновьях Ноя, когда они увидели непристойное обнажение своего отца. Эти доказательства проясняют то, что было заявлено теми, кто составил отчёт. Потому что в их глазах только евреи принадлежат к человеческой расе, поскольку люди других народов подобны животным и не являются частью человеческой расы. После этого я могу объяснить доказательства, которые я узнал относительно законного убийства людей из других народов, неевреев. Тот, кто читает Талмуд, различит широкое и просторное поле сокровищ и ужасов, которые евреи используют во имя своей религии.

Статья седьмая, страница 58 книги «Синхареен», гласит: «Каждый идолопоклонник должен быть убит, если он ударит кого-либо из народа

Израиля». Это основано на утверждении: «Когда пророк Моисей увидел египтянина, ссорящегося с израильтянином, он поразил египтянина и убил его».

Это первое. Второе: «Если идолопоклонник захотел бы отдохнуть в субботу, он должен быть убит, потому что Бог говорит: "Они не должны отдыхать ни днём, ни ночью". Если идолопоклонник читает Тору, он должен быть убит, потому что Тора только для народа Израиля». Третье изложено в статье 158 книги «Турбуда даса»: «Хорошему еврейскому врачу не разрешается лечить кого-либо из других народов, даже за плату. Но если еврейский врач не хорош в медицинской практике, он должен учиться, лечя только людей других народов. Ему запрещено лечить любого еврея, пока он остаётся неквалифицированным». Также аналогично говорится на странице 26 книги «Абур Зада».

Четвёртое. В книге раввина Солимана Раши, толкующей Тору, говорится: «Когда народ Израиля решил покинуть Египет, Моисей попросил своего Бога наслать холодную погоду на Египет, чтобы уничтожить всех животных. Бог ответил на его просьбу. Затем народ Израиля попросил разрешения у фараона покинуть Египет, и он дал им своё разрешение. После этого он пожалел и приготовил своих коней, взял свой народ и всех всадников Египта и попытался последовать за ними, чтобы вернуть их обратно». Толкователь удивляется, спрашивая: «Откуда фараон взял этих коней, если холодная погода уже убила всех животных Египта?» Он ответил себе: «Эти кони принадлежат египтянам, которые боятся Бога, которые слышали слова Моисея. Они спрятали своих коней, пока холодные волны не прошли, и их кони не пострадали». Что касается фараона и его людей, мы видели, как они вошли в море, и Бог потопил их и их коней, убив их всех. Согласно словам раввина Шамуна: «Хорошего, добродетельного из других народов ты убьёшь, а хорошему из змей — раздавишь голову».

Вышеизложенное — лишь некоторые из множества их учений. Но этого достаточно, чтобы перейти к некоторой изложенной информации относительно расследования убийства священника Фомы и его слуги, а также того, что сопровождало расследование спора с раввином Якубом Интаби, главным раввином еврейской общины в Сирии, с раввином Мусой Абу аль-Афие и Хаджей Мейером Фархи.

Следователь начал с того, что сказал: «Убийство священника и его слуги не было личным актом с вашей стороны, а совершено в соответствии с религией. Вы совершили свой акт не по требованию заповеди вашей религии. Это соответствует тому, что Мохаммад Афанди аль-Мусалмани (бывший раввин Муса Абу аль-Афие) перевёл из ваших книг, когда объяснил, что "разрешение убивать, согласно Талмуду, применимо к идолопоклонникам и народам прошлого, а не к тем, кто является мусульманами или христианами"». И ему было сказано, что народы

прошлого подлежали убийству, потому что они были идолопоклонниками. Интересно, верите ли вы сейчас в то, что принёс наш господин Иисус и в Благороднейшую Библию, и в то, что принёс наш господин Мохаммед и Благороднейший Коран. Если вы верите в это и признаёте это, то слова Талмуда были бы точны относительно тех народов древнего прошлого. Но если вы не верите этим Пророкам и их Книгам, это означает, что вы относитесь к ним так же, как к остальным народам. Каково ваше мнение? Раввин Муса ответил: «То, что сказано в Талмуде, относится к идолопоклонникам. Что касается христиан и мусульман, они не идолопоклонники, потому что они отреклись от идолопоклонства».

Следователь спросил: «Предположим, что все христиане отказались от идолопоклонства, несмотря на тот факт, что некоторые из них были евреями, а некоторые идолопоклонниками. Вы должны прояснить нам, какая из ваших книг запрещает их убийство, потому что они отказались от идолопоклонства и стали христианами или мусульманами?»

Мейер Фархи ответил: «У меня нет ответа». Раввин Муса сказал: «У меня нет ответа». Затем следователь сказал: «Если у вас нет ответа, это означает, что вы разрешаете убивать всех, не отделяя христиан и мусульман от идолопоклонников».

Мейер сказал: «Этот вопрос к Главному раввину религии». Таким образом, вызвали раввина Якова, Главного раввина, и спросили его об этом, и они зачитали ему то, что было законным. Он ответил: «Я не могу ответить сейчас. Мне нужно обратиться к книгам и источникам». Ему сказали: «Запросите книги, которые вам нужны, и мы принесём их вам». Он сказал: «Я не помню ни одной конкретной книги сейчас. Когда я вернусь в свой дом, я поищу и дам необходимый ответ». Затем раввин Муса Абу аль-Афие спросил: «Если это применимо к идолопоклонникам, то почему вы уничтожаете вино еврея, если к нему прикоснулся христианин или мусульманин? Почему еврею запрещено есть хлеб или любую пищу из дома христианина или мусульманина? Талмуд запретил им это в отношении идолопоклонников. Ясно показано, что Талмуд запретил в отношении идолопоклонников. Это также применимо ко всем народам».

Раввин Яков ответил: «Если бы мы знали, что христианин или мусульманин действительно и искренне знают Бога так же, как мы Его знаем, то есть и пить с ним было бы законно. Однако наше знание о народах, которые перемешаны, заставляет нас запрещать есть и пить с ними». Затем раввину Якову сказали следующее: «Посмотрите на мусульман и христиан, живущих по всей Сирии, они верят в Бога и знают Его так же, как вы. Законно ли есть и пить с ними в соответствии с требованиями вашей религии?»

Раввин Яков ответил: «Их много. Также среди них есть друзья, нусайриты и таямниты. Поэтому мы не можем отделить тех, кто верит в Бога, от тех, кто не верит».

Затем ему сказали соответственно: «В Сирии много учёных мужей, хорошо известных мусульманских шейхов, которые являются истинными верующими ислама и имеют истинную веру в Бога. Они очень далеки в своих верованиях от друзов, нусайритов или таямнитов; стали бы вы есть и пить с ними?» Раввин Яков ответил: «Если бы мы ели с одними и отказывались есть с другими, это вызвало бы ненависть и вражду между нами. По этой причине нам запрещено есть со всеми ними». Тогда ему сказали: «Следовательно, с этой точки зрения вы стремитесь к справедливости (для всех) через вашу вражду ко всем, а не к некоторым».

Эти высказывания требуют от нас большого наблюдения и серьёзного размышления. Ответы этого раввина указывают на то, что они хотят обратить всех в иудаизм. Мы все должны стать такими, как они, чтобы законно участвовать во всех их делах. Также то, что он сказал, что среди других народов есть друзы, нусайриты и таямниты, указывает на то, что еврейский закон разрешает законное убийство тех, кто находится в том же положении, что и идолопоклонники. Потому что они утверждают, что то, что упомянуто в Талмуде, применимо к идолопоклонникам и последователям древних религий и верований. Во время суда над отцом Фомой и его слугой стало ясно, как они (евреи) относятся к этим преступлениям. Они не стали бы отрицать своё оправдание убийства всех христиан или мусульман.

ДОКУМЕНТЫ¹⁹

Дом по изучению, переводу и издательству получил следующие документы, касающиеся убийства отца Фомы. Это были официальные сообщения между французским консулом в Дамаске, французским генеральным консулом в Александрии и французским правительством в Париже во время совершения преступления, его неясности и обстоятельств.

Мы приложили к каждому документу его номер, дату и источник, как они перечислены в сохранившихся записях Министерства иностранных дел Франции.

Дамаск, 21 декабря 1839 г.

*Ратти-Ментон — министру, маршалу герцогу Далматскому,
Председателю Совета, государственному министру иностранных
дел*

*Тема: Отец Фома, францисканский монах, ходатайствует о
пенсии на свои старые годы.*

Отец Фома, ныне почти семидесятилетний, отправился в Сирию почти 30 лет назад, согласно обещанию, которое дал ему кардинал Феш, что имперское правительство позаботится о его судьбе. Определённо, это обещание никогда не было реализовано, и данный монах оказался сведён к самым скудным средствам к существованию.

Согласно сведениям, полученным мной от господина Бодена и совпадающим со сведениями наших отцов-лазаристов, отец Фома всегда был мирным человеком, исполняющим священнические обязанности без фанатизма, и снискал здесь уважение и любовь христиан и мусульман.

Но факт, который, по моему мнению, должен снискать ему благосклонность правительства Короля и всех друзей человечества, — это внедрение оспопрививания, которым население Дамаска обязано ему и которое он распространял с похвальным усердием.

Он тем более надеется на удовлетворение своей просьбы о пенсии, что его преклонный возраст не позволит ему долго пользоваться ею. Я должен добавить, что он почти слеп и что существование в Дамаске прихода, обслуживаемого монахами Святой Земли, лишает его доходов, которые он мог бы иметь как капеллан нации.

¹⁹ В книге документы, данной главы, воспроизводятся на французском языке, с дальнейшим переводом на английский. В данном переводе на русский язык исключено дублирование (прим.пер.)

Источник: Архивы Министерства иностранных дел, Департамент торговли и континентальных дел, Консульство Дамаска, Том I (1839-1844), Доклад № 12, стр. 24-25.

Париж, 10 апреля 1840 г.

Ответ на этот запрос

Тьер, Председатель Совета министров, министр иностранных дел.

Тема: Назначение пособия отцу Фоме

... [часть текста неразборчива или отсутствует] ...

"Запрос, направленный моему предшественнику в пользу этого священнослужителя...

Орден францисканцев, к которому принадлежит отец Фома, не входит в число тех, которым правительство Короля выделяет субсидию на Леванте, поэтому нет никакой возможности удовлетворить запрос...

Что касается компенсаций, которых, по-видимому, требует капуцинский монастырь в Дамаске, они могут быть предоставлены только за счёт этого ордена, который, кстати, получает ежегодную субсидию из средств моего Департамента."

Источник: Те же архивы — то же консульство Дамаска, том 1 (1839-1844), инструкции 4, л. 38.

Примечание: Необходимости в этом ответе не было, потому что отец Фома был убит в этот период.

Александрия, 5 марта 1840 г.

Кошле — министру, маршалу герцогу Далматскому, Председателю Совета министров, министру иностранных дел.

Тема: Убийство отца Фомы

... [часть текста неразборчива или отсутствует] ...

"В Дамаске произошло убийство, которое потрясло город. Исчез францисканский монах, находящийся под защитой Франции. И согласно показаниям одного еврейского цирюльника, который заявил, что его пригласили к одному еврейскому купцу, чтобы перерезать горло этому священнику, предполагается, что он стал жертвой еврейского фанатизма.

Французский консул и генерал-губернатор полностью согласовали действия по аресту тех, кого подозревают в этом преступлении, и дело будет вестись с усердием. Мохаммед Али, по моим представлениям, только что отдал самые строгие приказы, чтобы наказание виновных состоялось".

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Генеральное консульство в Египте и зависимых территориях. Египет, том 9 (1839-1844), Политическое управление, доклад № 170, с. 321.

Александрия, 2 апреля 1840 г.

Кошле — Тьеру, Председателю Совета министров, министру иностранных дел.

Тема: Убийство отца Фомы

"Дело об убийстве отца Фомы, зарезанного в Дамаске евреями... было расследовано графом де Ратти-Ментоном, которому полностью содействовал генерал-губернатор Сирии с большим усердием и энергией.

Я предоставляю этому консулу возможность сообщить вам обо всех обстоятельствах этого убийства, которое получит большой резонанс, если, как утверждают и во что трудно поверить, оно было совершено по религиозному мотиву. Но я не считаю себя вправе не представить на ваше рассмотрение копию заявления, отправленного Мохаммеду Али и сделанного раввином, который принял ислам, из которого следует, что человеческая кровь необходима евреям для празднования их Пасхи и что в Дамаске её не хватает.

Это неожиданное открытие дало основание предположить, что лица, которые давно исчезли без вести, и среди прочих — греческие рабы, купленные евреями во время войны за независимость Греции (Морейской войны), стали жертвами фанатизма последних.

Мохаммед Али приказал провести расследование, чтобы найти следы этих исчезновений, и предписал своему сыну Ибрагим-паше действовать без поспешности, с осторожностью и разборчивостью, чтобы установить истину в деле, которое касается всего мира и вызовет новую и большую враждебность против евреев.

Резонанс, который оно уже получило в Смирне, привёл к некоторым эксцессам и поставил великого раввина Пенкаса де Сегуру в необходимость опровергнуть через публичную ноту предположение о том, что евреи используют христианскую кровь при торжестве своей Пасхи.

Судебные преследования, которые будут проводиться в Дамаске против великого раввина Ракуба из Антеба, обвинённого раввином Мусой Абу Афие в том, что он получил кровь отца Фомы, несомненно, позволят узнать правду".

Приложение: Заявление Мусы Абу Афие.

Источник: Тот же, что и выше, с. 9-10, а для приложения — с. 11-13.

Александрия, 6 апреля 1840 г.

Кошле — Тьеру, Председателю Совета министров, министру иностранных дел.

Тема: Убийство отца Фомы — Евреи Дамаска и Австрия (выдержка)

Господин де Ратти-Ментон сообщает мне о некоторых довольно острых дискуссиях, которые он имел с австрийским консулом в Дамаске, и которые он, без сомнения, доведёт до вашего сведения в связи с процедурой по делу об убийстве отца Фомы. Из этого следует, что австрийский консул, по-видимому, пытается укрыть некоторых виновных, находящихся под его защитой, от правосудия из соображений, которые можно предположить как корыстные.

Я только что узнал, что генеральный консул Австрии в Александрии должен был написать своему правительству в довольно несдержанных выражениях, чтобы пожаловаться на поведение господина Ратти-Ментона. Вероятно, Венский кабинет представит вам по этому поводу соответствующее заявление.

Я прошу вас, господин министр, отложить ваш ответ до тех пор, пока консул Короля в Дамаске не предоставит вам все разъяснения, которые смогут помочь вам сформировать ваше мнение. Я полагаю, что могу заверить вас заранее, что они вас удовлетворят.

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Генеральное консульство в Александрии — Департамент торговли и судебных дел. том 28, с. 511 (№ 179).

Примечание: Тот же документ, те же архивы — Генеральное консульство в Египте и зависимых территориях, том 10 (1840), с. 17-18.

Париж, 28 апреля 1840 г.

От: Министра Тьера

Кому: Кошле

Тема: Убийство отца Фомы и миссия господина Десмулаз по расследованию

"Вы были проинформированы через корреспонденцию короля в Дамаске об обстоятельствах, связанных с исчезновением католического миссионера, находящегося под его защитой, и которого предположительно убили...

... (недостаточность доклада господина Ратти-Ментона).

Однако слухи, широко распространившиеся по Европе и стремящиеся представить его поведение в самых неблагоприятных тонах, обязывают меня пролить свет на месте и как можно скорее на ту неясность, которая окутывает для меня обстоятельства этого прискорбного события.

Отсюда необходимость отправки господина Десмулуаз самым быстрым путём в Дамаск с миссией проверить все факты, как в отношении господина Ратти-Ментона, так и в отношении местных властей, и передать мне результат этого расследования через ваше посредничество..."

Источник: Архивы Министерства иностранных дел, Генеральное консульство в Александрии — Департамент торговли и судебных дел, том 28, л. 438 (№ 63).

Париж, 9 мая 1840 г.

От: Министра

Кому: Кошле

Тема: Убийство отца Фомы и миссия господина Десмулуаз по расследованию

"... (Причина этой миссии: недостаточность докладов консула).

Благодаря этому консульского сотрудника, помимо прочего, убеждает меня, что он сумеет оценить деликатный характер этой конфиденциальной миссии и согласовать возлагаемое на него обязательство использовать все средства информации для выяснения фактов с теми мерами предосторожности, которых требует положение консула Короля..."

Источник: Тот же архив — Александрия, том 28, с . 454 (№ 64).

Константинополь, 21 апреля 1840 г.

От: Представителей евреев Дамаска

Кому: Послу Франции

Тема: Петиция в пользу евреев Дамаска по делу об убийстве отца Фомы

"Господин Посол,

Нижеподписавшиеся, действуя от имени еврейской общины Дамаска, имеют честь изложить Вашему Превосходительству, что из-за исчезновения отца Фомы, капуцина, находящегося под французской защитой, и его слуги в упомянутом городе, на основании лишь подозрений, что упомянутого капуцина видели в еврейском квартале и не видели выходящим, граф де Ратти-Ментон, французский консул в Дамаске, приказал арестовать и доставить в тюрьмы местного правительства нескольких евреев, которые подверглись ужасным пыткам. Один из них, в разгар своих страданий в надежде освободиться от них, показал, что семь уважаемых израильских купцов вызвали его, чтобы перерезать горло упомянутому капуцину. На основании его слов были арестованы упомянутые семь уважаемых лиц, чья честность известна во Франции благодаря ведущим торговым домам, с которыми они имеют деловые отношения в течение

многих лет. И на основании этой клеветы их подвергли ужасным пыткам, так что двое из них сломались, и четверо других последовали за ними.. Остальные, предпочитая смерть ужасным мучениям, объявили себя виновными. Но как только им дали минутку передохнуть, они поклялись, что ничего не знают, и протестовали против своей невиновности.

И поскольку, согласно закону, обвиняемые могут быть допрошены только после того, как заслушают показания свидетелей обвинения и защиты, и никогда не должны подвергаться пыткам, просители считают себя вправе прибегнуть к справедливости Вашего Превосходительства, зная, что оно обладает филантропическими чувствами, и просят его благосклонно вмешаться у господина консула в Дамаске, чтобы потребовать от него действовать гуманно и следовать институтам уголовного судопроизводства, принятым цивилизованными нациями.

Имеем честь...

Подписи: Авраам Аскеназе, Исаак Бекар Моше, Ханна Бекар Исаак."

Константинополь, 25 апреля 1840 г.

От: Графа де Понтуа

Кому: Консулу Ратти-Ментону

"Господин консул,

Считаю своим долгом передать Вам копию прошения, которое только что было направлено мне от имени еврейской общины Дамаска, касающегося судебных преследований, вызванных исчезновением отца Фомы."

"Я заранее убеждён, что ваше поведение в данном случае, далёкое от того, чтобы заслуживать обвинений, которые являются предметом жалоб, было во всех отношениях соответствующим духу справедливости и филантропии, который должен характеризовать действия любого французского агента. Но поскольку я не получил от вас до настоящего времени никакой информации о деталях этого дела и о той роли, которую вы в нём сыграли, и поскольку, с другой стороны, мне, к сожалению, кажется несомненным, что для раскрытия истины действительно применялись отвратительные средства, отвергаемые человечеством и даже отменённые турецким законодательством, я буду вам обязан как можно скорее предоставить мне возможность ответить на поданное мне прошение и решительно опровергнуть содержащиеся в нём утверждения в интересах правительства Короля.

Источник: Архивы Министерства иностранных дел, Посольство, Турция, Политическое управление. том 280, с. 224-225 и 226 (№ 38).

Александрия, 30 апреля 1840 г.

Кошле — Председателю Совета министров, министру иностранных дел.

Тема: Убийство отца Фомы

Краткое содержание введения: Ссылка на доклад от 4 апреля. Получение доклада консула Дамаска, содержащего протоколы допросов по делу отца Фомы, в ожидании допросов его слуги...

"Однако уже пытались посеять сомнения как относительно самого преступления, так и относительно его причин. Пытались даже очернить действия и характер господина Ратти-Ментона.

Этот достойный чиновник, справедливо задетый упрёками, сделанными его гуманности, и подозрениями, которые осмелились возбудить против его деликатности, написал мне письмо от 24 апреля № II, сопровождаемое двумя документами, с просьбой переслать копию в Париж.

Вы, без сомнения, решите, что нет оснований разрешать расследование, запрошенное господином Ратти, и вы признаете, прочитав все письма и документы, несправедливость обвинения, выдвинутого против него.

Я сожалею, однако, что неосторожные друзья евреев или неумелые адвокаты, уже, без сомнения, подкупленные их щедротами, пытаются изменить или исказить факты, ибо они вынуждают тех, кто их прекрасно знает, обнародовать их, подкрепляя всеми доказательствами, которые могут выявить истину и убедить самые робкие совести.

Истина, однажды узнанная и распространённая, может пробудить всю ненависть против евреев и привести к большим эксцессам. Самым благоразумным и мудрым со стороны евреев было бы позволить рассматривать дамасское убийство как действие фанатичного раввина, который подстрекал некоторых из своих единоверцев. Но, пытаясь отрицать преступление и использование крови, они подвергли себя полемике, которая вызовет серьёзное негодование. Уже распространили в Сирии и здесь копию некоторых параграфов Талмуда против христиан.

Что касается меня, я избегал, насколько возможно, высказываться по делу, преследование которого принадлежит исключительно консулу Короля в Дамаске, который полностью независим в осуществлении своих судебных функций.

До сих пор я ограничивался тем, что отправил ему 10 марта приказ Мохаммеда Али, который предписывал Шериф-паше, генерал-губернатору Сирии, активизировать действия, связанные с раскрытием убийства. Отправляя это господину Ратти-Ментону, я добавил:

"Вы проследите только за тем, чтобы преследование и аресты, которые будут иметь место для установления истины, проводились с соблюдением мер предосторожности, которые предусмотрены нашим

законодательством и которые следует соблюдать по отношению к простым обвиняемым. Нужно, чтобы истина раскрылась без необходимости применять меры, которые противоречат нашим нравам и не соответствуют нашей эпохе".

Я также писал специально господину Ратти-Ментону, чтобы он оставил на ответственности одного только австрийского консула его действия, если тот не накажет тех из наших соотечественников, кого процедура называет виновными, добавляя, что они будут подлежать общественному мнению, которое их заклеймит, если их правительство не применит строгости.

Но, намечая для консула Короля в Дамаске линию благоразумного и осторожного поведения, я полагаю, что Ваше Превосходительство, у которого перед глазами материалы дела и который должен получить ещё другие, отклонит утверждения тех, кто эксплуатирует дамасские дела в соответствии со своими интересами и страстями и кто пытается представить поведение консула Короля как незаконное, произвольное и даже продажное, в то время как общественное мнение, к счастью, воздаёт должное его твёрдому, гуманному и честному характеру.

Приложение: Доклад консула Ратти-Ментона.

Доклад консула в Дамаске Ратти-Ментона от 24 апреля 1840 г

Тема: Австрийский консул и его попытки защитить евреев

Господин генеральный консул,

Моё письмо № 10 только что было отправлено, как в мои руки попал документ, о котором я не хочу медлить с сообщением вам. Этот документ прилагается. Это перевод письма, написанного недавно господином Лорином (генеральным консулом Австрии в Александрии) господину Мерлато (консулу Австрии в Дамаске). Я не знаю, были ли до его обращения к вице-королю и, особенно, до его приглашения господину д'Аппони (послу Австрии в Париже) какие-либо консультации с вами по этому делу. Он не говорит об этом, и я заключаю, что господин Лорин был в этом случае тем, кем он и должен был быть после наших предыдущих взаимных отношений в Сицилии.

Господин генеральный консул Австрии, без сомнения, жалуется, согласно сообщению господина Мерлато, на мои произвольные действия в отношении господина Пиччотто и господина Айрута. Последний назван австрийским купцом. И, во-первых, господин Айрут — араб. Он был писарем Ибрагим-паши. Главнокомандующий выгнал его со службы за недостойное поведение. Во-вторых, господин Айрут, как я писал австрийскому консулу, вовсе не является владельцем дома, в котором я проводил обыск. Этот дом принадлежит тестю господина Айрута, Сайдхе (Сайдахе) Райе, который живёт там со всей своей семьёй. Он временно размещал у себя зятя. После

этого визита господин Айрут покинул комнату, которую занимал, и переехал в другое место. Можно ли на основании этого разумно назвать произвольным моё проникновение в дом Райи с явного согласия местных властей, которые обеспечили мне сопровождение своих полицейских агентов?

Что касается господина Пиччотто, мне невозможно не быть немного более подробным. И снова многие инциденты должны быть пропущены, чтобы не быть бесконечными.

В начале этого дела об отце Фоме этот человек однажды вечером находился у господина Бодена, где, помимо местных христиан, присутствовали господин английский консул, господин Эстет, лазарист, и господин Санти, французский подданный и фармацевт дамасского госпиталя. Речь зашла о новостях дня. Господин Санти с такой силой набросился на господина Пиччотто и с таким яростным жаром угрожал прибегнуть к эксцессам против евреев, по отношению к которым, как он утверждал, я проявляю слабость, что я немедленно приказал доставить его в тюрьму консульства, откуда он вышел только на следующий день, из уважения к его семье, единственным кормильцем которой он является, и после того, как он дал мне формальное обещание впредь воздерживаться от любой незаконной деятельности.

10 февраля француз, делегированный мной, должен был с согласия австрийского консула и при содействии его канцлера, который является ионийским евреем, провести несколько обысков в домах австрийских или тосканских протестантов. Господин Пиччотти приходит ко мне просить освободить его дом от любого обыска, потому что, говорил он, это произведёт плохое впечатление в обществе, и его дом не был обыскан.

Пока еврейский цирюльник Солиман оставался у меня, где я надеялся добиться от него признаний, обещая ему помилование, господин Пиччотти снова явился в консульство с канцлером господина Мерлато, и я был настолько мало расположен действовать по отношению к нему произвольно, что по избытку слепого доверия и вопреки судебным обычаям, по его настоятельной просьбе, сделанной в присутствии нескольких свидетелей, я согласился на то, чтобы он имел частную беседу с цирюльником. В тот же день я узнал, что он воспользовался этой беседой, чтобы призвать цирюльника настаивать на своих отрицаниях. И тем не менее я не привлёк его к ответственности как подстрекателя свидетелей.

Я ошибся, признаю это, применив к нему квалификацию убийцы до вынесения судебного решения по этому вопросу. Но то извинение, которое я приношу здесь, я уже принёс господину Мерлато в моём письме. Это выражение было результатом порыва правдивости, вызванного у господина Пиччотто его неуместным выпадом, его угрозами консульству и австрийскому правительству и помпезным выставлением напоказ своей

генеалогии. По поводу генеалогии, я попросил бы вас, господин генеральный консул, сделать здесь отступление от письма господина Лорина.

Я узнаю из достоверного источника, что господин Элиаху Пиччотто, дядя обвиняемого и генеральный консул Австрии в Алеппо, пожаловался главнокомандующему (Ибрагим-паше) на то, что, невзирая на его имя и консульское звание, так легкомысленно поступили с его племянником. Господин Элиаху Пиччотто, который сегодня хочет, чтобы добродетели вышли за рамки своей индивидуальности и распространились на семью, согласился бы также на то, чтобы преступления потеряли свой личностный характер? Что может значить это притязание на включение в чашу весов правосудия веса какого-либо имени? Приводил ли господин Элиаху Пиччотто подобный аргумент перед тосканским судом, который приговорил к каторжным работам в Ливорно за убийство капитана другого его племянника, двоюродного брата того, кого преследуют здесь? И разве брат последнего не был вынужден покинуть Александрию из-за мошенничества и не покинул поспешно Константинополь, где его должны были преследовать за кражу шалей? Чтобы всё было равноправно, следовало бы, чтобы семья Пиччотто, которая хочет, чтобы учитывались добродетели её поражённых гангреной членов, согласилась в конечном счёте нести бремя позора за пороки этих последних. Но я возвращаюсь к письму господина Лорина.

Я перехожу сначала к обвинению в произвольных действиях против евреев в целом, обвинению, которое, согласно условиям этого письма, должно быть предметом специальных переговоров между послом и сувереном. Нужно очень плохо меня знать (а господин Лорин знает меня достаточно), чтобы выдвинуть против меня подобное обвинение. Что он подразумевает под произвольными действиями? Являются ли таковыми обыски в домах, объявленных подозрительными? Каждый день и во всех странах мира подобные обыски проводятся. И, проводясь через посредство установленной власти, они никогда не назывались произвольными. Являются ли таковыми предварительные аресты по доносу свидетелей? Но каждый день также в уголовных делах, как и в вопросах заговора, наши королевские прокуроры во Франции и в других местах специальные судьи производят аресты, которые не приводят к иным окончательным результатам, кроме освобождения за отсутствием состава преступления. Разве это произвол?

Ах, если это слово было использовано с намерением дать понять своим неопределённым и расплывчатым смыслом, что я осуществлял или приказывал осуществлять какие-либо акты насилия. Тогда я не щажу выражений, куда бы они ни были адресованы, и даю формальное опровержение обвинителю.

Если бы я был сторонником насилия, я бы не вмешивался энергичным образом в дела мусульманского и христианского населения. И, возможно, сегодня в Дамаске не осталось бы ни одного еврея. Тысяча свидетелей могут

подтвердить то, что я утверждаю. Они могут сказать, что в течение нескольких дней и ночей консульские кавасы должны были оставаться с патрулем в еврейском квартале, чтобы помешать христианам и туркам совершать акты насилия против простых людей, которых я никогда не путал в обвинении с истинными виновными. И разве дети, арестованные по приказу Шериф-паши в надежде, что родители сделают какие-либо разоблачения, не были возвращены в свои семьи по моей просьбе?

Разве не я добился освобождения господина Шехаде Стамбули, брата одного из убийц, находящихся в бегах, который воспользовался свободой только для того, чтобы пуститься в новые интриги с господином Перецем, обращённым немецким евреем? Разве я не обращался в течение трёх недель бесполезно с несколькими просьбами, как устными, так и письменными, к генерал-губернатору, чтобы побудить его освободить господина Мусу Фархи, отца другого обвиняемого, находящегося в бегах, в аресте которого я не принимал никакого участия?

Скажу больше. Я пытался, если это было возможно, открыть двери тюрьмы для Рафаэля, который был одним из первых, кто изначально понял ход дела, и чей сын, без какого-либо дурного обращения, объявил себя одним из соучастников в убийстве слуги. Разве господин Боден, навестив его в тюрьме и найдя его неподобающе размещённым, не попросил, посоветовавшись со мной, предоставить ему лучшую камеру? Разве все эти действия составляют произвольные действия? О, тогда да, я объявляю себя виновным, и пусть господин Лорин выносит приговор.

Ещё одно слово по этому поводу.

29 февраля, когда виновность обвиняемых была установлена обнаружением останков отца Фомы и сопутствующими обстоятельствами, Шериф-паша велел передать мне через господина Бодена, что обвиняемые осуждены. Но что если я соглашусь, он полагает, что было бы хорошо отложить их казнь до прибытия приказов главнокомандующего. Мой ответ не вызывал сомнений. И если бы я был так жаден до крови себе подобных, эти люди не существовали бы сегодня.

Остаётся рассмотреть вопрос о зависти, которую внушают богатства евреев. Завистлив ли я? Господин Лорин не говорит этого прямо. Но, поскольку во всём его письме упоминается только моё имя, я должен отнести обвинение на свой счёт.

Если бы господин Лорин был честно информирован, он бы знал, что евреи Дамаска отдали бы всё золото, которым они владели, за то, чтобы сделка по убийству отца Фомы была замятой. Они знают, что уже давно на их ответственности лежит исчезновение множества лиц, принадлежащих к другим вероисповеданиям. Вы понимаете, господин генеральный консул, что для них это вопрос жизни и смерти. Если бы процедура, которая сейчас находится на рассмотрении, была прекращена по вмешательству

французского консула, все предыдущие обвинения естественным образом исчезли бы в небытии. Осуждение нескольких лиц их мало заботило. В сущности, чтобы добиться этого осуждения, нужно было пройти через разоблачения некоторых отрывков из их книг и объяснения некоторых из их религиозных обычаев. В этом и был весь вопрос.

Я краснею до белков глаз от того, что вынужден вдаваться в такие мелочные детали. Но я не могу не сказать, и почтенные люди могут это подтвердить, что из-за довольно круглых сумм, которые были предложены лицам, занимающим лишь второстепенное место в преследовании этого дела, я мог бы воспользоваться этим обстоятельством, чтобы удовлетворить свою предполагаемую зависть самым широким образом. Действительно, господин генеральный консул, помимо двух кашемировых шалей и двух бриллиантовых цветов, предложенных господину Бодену, этому служащему было предложено 150 тысяч пиастров, если ему удастся разрушить мою убежденность в факте убийства. Вы понимаете, какой ответ должен был дать этот служащий. Господин Шубли, который предложил мне свою бесплатную помощь для всех писаний, которые мне нужно было бы сделать на арабском языке, пока господин Боден был занят розысками вместе со мной, господин Шубли получил от некоего Элиаху Нахмеда, еврейского ювелира, в присутствии доктора Салины, английского протезе, предложение в тысячу бурс, если он захочет выступить в пользу еврейского вопроса. Эти предложения были начаты дважды, и дважды они были отклонены.

Я повторяю: если бы консульство Короля захотело сделать из этого вопроса денежный вопрос, то и я, и все, кто меня окружает, могли бы широко черпать из этих столь восхваляемых сокровищ евреев.

Но нет. И здесь я взываю к той небольшой совести, которая ещё может остаться у обвинителей. Подобная мысль никому не приходила в голову, и именно для предотвращения искушения коррупцией я с самого начала имел честь просить вас, чтобы Его Высочеству вице-королю были отданы приказы о строгом надзоре за младшими служащими правительства. Также с самого начала, когда видные евреи, и среди них были большинство из тех, кто фигурирует в процессе, когда, говорю я, евреи явились ко мне депутацией, я сказал им помогать мне. Я предупредил их, кроме того, чтобы они из-за неумеренного усердия не превратили этот вопрос в вопрос сект. Цирюльник был только что арестован. Я дал им хорошо понять, что деньги не возобладают против моей энергии и против моей твёрдой воли довести процедуру до её последней стадии. Они не захотели мне верить.

И то, что им не удалось сделать здесь с помощью денег, вероятно, они попытались сделать в другом месте.

Я должен был вдаваться во все эти подробности, господин генеральный консул, потому что я хотел подчеркнуть чудовищность обвинения, которое

господин Лорин пытается возвести на меня. Это обвинение касается двух вполне определённых пунктов:

1. Произвольные действия против австрийских подданных, включая одного якобы такового.

2. Произвольные действия против евреев Дамаска.

Третье обвинение, в зависти и, следовательно, в желании ограбить евреев, не было сформулировано достаточно ясно. Отныне оно может быть установлено только в результате расследования. И именно к этому расследованию я и хочу приступить. Я прошу вас, господин генеральный консул, быть достаточно любезным использовать весь ваш кредит у Его Превосходительства господина министра иностранных дел, чтобы Департамент провёл строгое расследование на месте относительно моего поведения в деле двойного убийства отца Фомы и его слуги. Правительство Короля убедится, если оно в этом нуждается, что 17 лет почётной службы, которые я насчитываю в министерстве, не могли быть запятнаны при этих обстоятельствах и никогда не будут запятнаны.

В ожидании результатов новостей, содержащихся в письме господина Лорина и которые господин Мерлато распространяет в еврейском квартале с такой настойчивостью, что я воздерживаюсь от оценок, и не только иностранные евреи нападают на христиан, но и евреи-райи, ободрённые обещаниями могущественной поддержки, плохо обращаются с алжирцами из-за их французского гражданства. В этом вы убедитесь, прочитав жалобу, прилагаемую, которая была подана мне вчера одним из подданных Короля.

Имею честь...

P.S.: Ваша депеша № 6 только что прибыла ко мне. Я отправляю министру всё, что смог завершить из этого объёмистого протокола. Имею честь приложить к сему продолжение первой части, которую я отправил почтой вчера, так как у меня не было времени переписать настоящий доклад. Если вы считаете, господин генеральный консул, что необходимо, чтобы министр был с ним ознакомлен, я буду вам очень признателен, если вы будете так любезны передать ему копию.

Приложение: Копия перевода письма, написанного на арабском языке из Дамаска в Бейрут лицом, принадлежащим к австрийскому консульству.

«Вчера правительственной почтой из Александрии господин Мерлато получил письмо от господина Лорина, которое содержит следующее:

"Я получил ваше письмо с копией газеты и ознакомился с произвольными действиями, которые имели место в отношении Исаака Пиччотто, а также с проникновением французского консула с солдатами в дом Иосифа Айрута, австрийского купца. Я немедленно отправился к вице-королю. Я сообщил ему обо всём, что произошло, и понял из всего, что сказало

Его Высочество, что оно считает, что всё, что произошло с евреями Дамаска, является результатом зависти к их богатствам, и что я смог из этого заключить, что вице-король хочет сам рассмотреть это дело в Александрии и собирается послать приказ Шериф-паше прекратить пытки евреев. Я написал австрийскому послу в Париже, чтобы он лично явился к королю и официально уведомил его о произвольных действиях французского консула в Дамаске против евреев и особенно против господ Пиччотто и Айрута. Держитесь стойко. Я поддерживаю вас настолько это возможно всей мощью Австрии. Вы очень хорошо сделали, что не поверили этому делу против евреев, ибо их богатство всегда привлекает к ним зависть"».

Когда это письмо прибыло сюда, господин Мерлато разослал эти хорошие новости по всей еврейской округе. Но в сераль ничего подобного ещё не поступало. Говорят, что правительство не получало письма, но новости из окружения французского консула таковы, что вице-король отдал приказ держаться твёрдо в деле евреев. И благоразумные люди среди евреев не надеются опровергнуть то, что было доказано против них и против перевода их книг, сделанного ими для Паши, который доказывает, что кровь всех тех, кто работает в субботу, принадлежит им.

Приложение: Перевод Талмуда, принятый в Сирии. Отрывки, касающиеся христиан.

Глава I.

В церквях христиан не говорится и не делается ничего, кроме того, что противоречит истине. В остальном она не отличается от церкви язычников. Долг еврея — трудиться над разрушением этих церквей.

Евангелие христиан — это не что иное, как доктрина греха, открыто провозглашённая. Долг еврея — сжечь его, даже если там встречается имя Бога.

Глава I, параграф IV.

Долг евреев — трижды в день проклинать христиан и просить Бога уничтожить их всех, особенно их королей и их правительства. Это предписание, соблюдение которого особенно касается главных доктрин. Они также должны возбуждать ненависть против христиан.

Бог повелел еврейскому народу завладевать деньгами христиан всеми возможными способами: путём торговли, хитростью, обманом или даже кражей.

Глава II, параграф IV.

Страны, где правят христиане, менее угодны Богу, чем другие страны.

Если еврей служит начальнику идолопоклонников, он грешит. Но если он служит начальнику христиан, он совершает огромный грех.

Глава IV, параграф II.

Еврей должен быть убеждён, что христианин — дикое животное, и должен обращаться с ним соответственно. Что касается идолопоклонников, еврей не должен делать им ни добра, ни зла. Но он должен приложить все усилия, чтобы уничтожить христиан.

Если израильтянин увидит христианина на краю пропасти, он должен толкнуть его туда, пока христианин не окажется на дне бездны.

Отрывки из этого Талмуда, касающиеся ислама, ещё более враждебны, чем эти — по отношению к христианству. Правительство не захотело разрешить публикацию перевода, чтобы не усиливать возмущение мусульман.

Источники:

- Доклад Кошле от 30 апреля 1840 г., приложение к этому докладу — доклад консула Дамаска Ратти-Ментона от 24 апреля 1840 г. и его приложения.

- Архивы Министерства иностранных дел, Александрия, том 28, Департамент торговли, № 184, л. 439-440.

- Корреспонденция консула Дамаска, № 11, там же, том 28, л. 444-448.

Приложение: Доклад консула Ратти-Ментона.

Приложение: Доклад консула Кошле.

Александрия, 15 мая 1840 г.

Кошле — министру Тьеру.

Тема: Расследование убийства отца Фомы и переписка между генеральными консулами в Александрии по этому вопросу.

Краткое содержание введения: Получение инструкций от 28 апреля. Деликатная миссия, которую следует поручить Десмулуаз. Консул Ратти-Ментон уже выразил желание стать объектом расследования своего поведения. Десмулуаз обладает необходимыми качествами, несмотря на свою молодость. Он уже представил его Мохаммеду Али, который, казалось, был удовлетворён инициативой правительства...

«Несколько дней назад австрийский генеральный консул счёл нужным направить генеральным консулам великих держав прилагаемые письмо и ноту, которые неявно обвиняют поведение консула Короля в Дамаске. Я не счёл возможным оставить их без ответа...

Мне показалось, что агенту иностранной державы не подобает брать на себя защиту убийц священнослужителя, находящегося под французской защитой, и что именно консулу Короля или высшей власти страны следует просить о пересмотре процедуры, если таковой должен иметь место. Ибо только гуманные цели могут оправдать такие шаги...

В этом дамасском деле есть различные обстоятельства, о которых не хочется высказывать своё сокровенное мнение, когда не видел всё своими глазами и не имеешь в руках всех материалов дела. Вот почему я не буду отвергать циркулирующие слухи...

Десмулаз отбудет 20-го числа этого месяца на английском почтовом судне, которое следует отсюда в Бейрут..."

Приложение: Письмо Кошле своему австрийскому коллеге Лорину от 7 мая.

«Я только что получил циркуляр, который вы сочли нужным адресовать генеральным консулам великих держав в Александрии, а также проект ноты, который вы предлагаете им представить на усмотрение вице-короля.

Я, со своей стороны, сожалею, что не могу поддержать сделанное вами предложение. И я изложу вам причины, которые вы, без сомнения, оцените, когда будете лучше информированы об обстоятельствах этого дела.

Отец Фома, священнослужитель французской миссии капуцинов в Сирии, обслуживающий французский хоспис в Дамаске, и его слуга, французский протезе, внезапно исчезли. Граф де Ратти-Ментон, консул Франции в Дамаске, должен был уведомить об этом местные власти, которые провели розыски и обнаружили следы их убийства.

Предполагаемые виновные, будучи евреями Дамаска, были арестованы. Их дело было расследовано местными властями. За этим последовал приговор, казнь которого французский консул счёл нужным приостановить, чтобы продолжить расследование убийства слуги.

Таким образом, речь идёт о деле между французским консульством в Дамаске, выступающим в качестве истца, и местными властями, призванными судить и наказывать. Генеральные консулы Австрии, Англии, Пруссии и России могли бы вмешаться в это дело только из гуманных побуждений, чтобы предотвратить применение суровых мер, которые, к сожалению, ещё не были исключены из мусульманского законодательства. Однако, сударь, я не дожидался чьего-либо указания, чтобы проявить инициативу в этом отношении. И как только меня проинформировали о преступлении, я написал господину Ратти-Ментону:

"Вы проследите за тем, чтобы преследование и аресты, которые будут иметь место для установления истины, проводились с соблюдением мер предосторожности, которые предусмотрены нашим законодательством. Мы должны заботиться о том, чтобы истина раскрылась без необходимости применять меры, которые противоречат нашим нравам и которые более не соответствуют нашей эпохе".

Это была единственная инициатива, которую я мог предпринять в судебном деле, и я предпринял её, как только мне сообщили о преступлении.

Если законодательство страны позволяет осуждённым обжаловать вынесенный против них приговор, или если консул Франции в Дамаске добивается пересмотра процедуры в случае, если у него есть основания подозревать судей в пристрастности, ни вы, ни наши коллеги не имеем права этому препятствовать.

Что касается пересмотра этой процедуры и предоставления осуждённым права выбирать защитников, то Его Высочество вице-король волен сделать в этом отношении то, что предписывает мусульманское законодательство. И ему не нужна помощь господ генеральных консулов великих держав. Ибо речь идёт не о политическом деле, а об убийстве, преследование и суд над которым принадлежат местным властям.

Что касается меня, сударь, то, сделав всё, что предписывало мне чувство гуманности, я стремлюсь сохранить величайшую беспристрастность в том, что связано с этим ужасным убийством, процедура по которому, уже прошедшая перед моими глазами, сегодня передана в Департамент иностранных дел, который оценит все обстоятельства преступления.

Я не считаю, кроме того, что могу взять на себя защиту нескольких убийц францисканского священнослужителя, находившегося под защитой Франции, после всех огромных предложений денег и подарков, сделанных всем сотрудникам французского консульства в Дамаске, чтобы попытаться поколебать убеждения графа де Ратти-Ментона и побудить его отозвать свои жалобы.

Я сожалею больше, чем кто-либо, о той огласке, которая была придана дамасскому делу, и о разоблачениях, к которым оно привело. Не в нашу эпоху будут возлагать ответственность за преступные толкования, которые невежественные и фанатичные раввины, живущие среди народов, возбуждённых своими религиями, могли сделать из Писания, на нацию, которая уже давно пользуется самой широкой эмансипацией и допущена во Франции и Англии к осуществлению гражданских и политических прав.

К сожалению, уже ни от кого не зависит предотвратить полемику, которая возникнет вокруг причин, приведших к убийству. Теперь следует желать, чтобы истина вышла на свет в соответствии с тем, что будет, без сомнения, опубликовано о надлежащей процедуре.

Имею честь возвратить вам циркуляр, адресованный нашим коллегам, и прилагаемую к нему ноту, прося вас представить на их усмотрение ответ, который я счёл нужным вам дать.

Примите, сударь..."

Приложение второе: Нота генеральных консулов: проект письма, предложенный австрийским генеральным консулом господином Лорином.

«С величайшим удовлетворением генеральные консулы Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии и России только что узнали, что в соответствии с приказами, которые, движимые чувствами гуманности и справедливости, Его Высочество вице-король Египта соизволил передать в Дамаск, там немедленно приостановили тягостную процедуру и пытки, применявшиеся первоначально для получения признаний от евреев, обвиняемых в убийстве отца Фомы и его слуги.

«Движимый, без сомнения, просвещёнными взглядами, которые на протяжении веков привели к отмене в Европе преследования евреев, обвиняемых в человеческих жертвоприношениях, Его Высочество вице-король соизволил неоднократно выразить нижеподписавшимся свою заботу о том, чтобы подвергнуть это дело тщательному и беспристрастному расследованию, добавив, что оно благосклонно примет любое предложение, сделанное в интересах гуманности и направленное к этой цели.

Основываясь на этих благосклонных заявлениях, нижеподписавшиеся имеют честь представить на просвещённое суждение Его Высочества мнение, что ничто не может, возможно, лучше обеспечить раскрытие истины и одновременно гарантировать обвиняемых от всякой несправедливости, как если бы Его Высочество соизволил позволить последним, как это практикуется в Европе, самим выбрать или поручить своим единоверцам назначить одного или нескольких адвокатов, уполномоченных присутствовать на допросах, защищать их и уполномоченных требовать всех разъяснений, которые они сочтут необходимыми для нового, надлежащего и полного расследования дела.

Таким образом, вероятно, удалось бы пролить свет на многие факты и обстоятельства, остававшиеся до сих пор в тени, и способные убедить беспристрастных и добросовестных судей, которых Его Высочество соизволит назначить для вынесения решения по этому делу.

Нижеподписавшиеся...

А. Лорин

Заверенная копия. Кошле

Приложение третье: Нота австрийского генерального консула А. Лорина для циркуляции.

«Милостивые государи и дорогие коллеги,

Его Высочество вице-король, повторив мне несколько дней назад предложение, уже сделанное графу Медему, о том, что он благосклонно примет предложения со стороны генеральных консулов великих держав относительно порядка ведения процесса над евреями Дамаска, обвиняемыми

в убийстве отца Фомы и его слуги, я набросал проект коллективной ноты вице-королю, который имею честь приложить к сему.

Я был бы восхищён, если бы вы захотели присоединиться к подобному шагу, и узнать без утайки ваше мнение о нём, а также о поправках, которые вы сочли бы уместным внести на полях.

Будьте любезны после этого передать эти документы вашим коллегам, отмеченным ниже.

Примите...»

Нота была подписана 8 консулами. 8 других консулов отказались от подписи. Те, кто её подписал: генеральный консул Австрии, Дании, Испании, Соединённых Штатов Америки, России, Пруссии, а также оба консула, генеральный и местный, Великобритании. Те, кто отказался от подписи: генеральный консул Франции, Нидерландов, Греции, Неаполя, Тосканы, Сардинии, а также оба консула, генеральный и местный, Бельгии.

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Консульство Александрии, Департамент торговли, том № 189, с. 466-473.

Александрия, 23 мая 1840 г.

Кошле — министру Тьеру.

Тема: Нота австрийского консула Лорина и реакция сардинского консула. Соображения о собственном поведении.

Краткое содержание введения и основных отрывков доклада:

Десмулаз отправился вчера в Дамаск для расследования. Также вчера австрийский консул распространил свою ноту среди консульского корпуса. Из 16 консулов 8 отказались подписать её. Причина была нормальной: дело об убийстве в Дамаске касается только французского консула. Однако генеральный консул Сардинии Черрути резко отреагировал на эту ноту. Он направил Кошле ноту протеста. Он писал, в частности, что отец Фома родился в Сардинском королевстве, хотя по своей должности он был французским протеже. Однако нет сардинского консула в Дамаске. Кошле добавлял:

«Нота австрийского консула, подписанная несколькими консулами, уже была вручена вице-королю. Но он знает, что думать о мотивах этого шага. Он различает убийство и его мотивы. К тому же министр уже должен располагать материалами процесса... Если бы согласились на пересмотр под руководством европейских адвокатов, они аннулировали бы и процедуру, и её мотивы, подкупив судей».

Затем Кошле защищал проведённую процедуру. К тому же евреи Дамаска признались, даже когда их допрашивали отдельно. Подтверждение убийства уже сделано. Потому что:

«Были найдены кости, плоть и шапочка отца Фомы... Есть также свидетельства врачей и даже заявление австрийского консула в Дамаске».

Распространялись несправедливые слухи против Ратти-Ментона. В любом случае, необходимо дождаться отчёта о расследовании, порученном Десмулаз.

Приложение: Письмо сардинского консула и ответ Кошле.

Париж, 27 июня

Ответ министра Тьера Кошле

Краткое содержание введения: Одобрение поведения Кошле, который не присоединился к инициативе своего австрийского коллеги. Министр понимал трудности задачи консула, особенно из-за беспорядков в политической и военной ситуации в Сирии. И министр продолжал следующими строками:

«... в этом деле такого рода роль, предписанная агентам Его Величества Короля, и в которой я опасаясь, что господин Ратти-Ментон не ограничился достаточно полно, заключалась в том, чтобы сообщить о факте местным властям, инициировать поиск виновных и в остальном положиться на территориальное правосудие, которое одно компетентно проводить процедуру и доказывать.

На том этапе, на котором мы находимся сегодня, египетскому правительству предстоит решить, основываясь на своём собственном убеждении, следует ли пересматривать процесс. Но, отказываясь оказывать какое-либо влияние на решение вице-короля при этих обстоятельствах, вы имеете право требовать, чтобы вашему примеру следовали другие агенты других держав, и чтобы правосудию страны был предоставлен свободный ход. Вице-король сам поймёт, что допустить служение европейских адвокатов в мусульманском суде, как, по-видимому, требуют подписавшие ноту, вручённую этому принцу, означало бы внести в умы неопытных судей смятение, пагубное для проявления истины и справедливости приговора.

Поэтому, если дело должно быть пересмотрено, что, кажется, становится необходимым, вы ограничитесь тем, что дадите понять вице-королю, насколько важно, чтобы оно было передано судьям, чьё положение и характер гарантируют беспристрастность, и чтобы были приняты эффективные и свободные от любого иностранного влияния нормы для обеспечения и установления точного соблюдения закона.

«Что касается способа ведения дел, благородные чувства Мохаммеда Али убеждают меня, что вам не придётся возобновлять протесты, которые вы поспешили сделать с самого начала процесса против применения жестоких обращений, которые варварский обычай заставил применять к обвиняемым в Дамаске, и что невинное население отныне будет ограждено от преследований, для которых это прискорбное дело послужило предлогом...»

19 июня министр Тьер уже писал Кошле, одобряя его ответ на ноту его австрийского коллеги Лорина. Он также сообщил ему, что получил документы, отправленные консулом в Дамаске Ратти-Ментоном. Но поскольку эти документы не полностью «рассеяли мрак в его уме», министр ждал, чтобы составить своё мнение, отчёта, запрошенного у следователя Десмулаз.

6 августа 1840 г. Кошле писал министру Тьеру по поводу дела евреев Дамаска и отчёта Десмулаз:

«Господин министр,

Спешу иметь честь передать вам отчёт, который господин Десмулаз направляет вам по всему делу в Дамаске, который я только что получил по правительственной почте».

«Я слишком спешу из-за отхода почтового пакетбота, чтобы добавить пространные замечания к этому отчёту. К тому же у меня нет перед глазами документов, которые были отправлены вам напрямую господином Десмулаз. Поэтому я жду возвращения этого агента, чтобы составить более точное мнение обо всех фактах.

Тем временем я с удовлетворением читаю в отчёте, что информация, которая была вам направлена:

"недостаточна для того, чтобы неявно и явно опровергнуть обвинения, согласно которым французское консульство в Дамаске было изображено как автор отвратительных махинаций, что господин Ратти-Ментон держался в стороне, что он воздерживался от всякого поощрения, что он дважды протестовал своим поспешным уходом, выражая живое отвращение к насилию, которое мусульманский закон ещё не отменил".

Таким образом, вам не нужно отзываться, господин министр, благородные слова, которые вы произнесли в пользу господина Ратти-Ментона в обеих палатах. И я поздравляю себя с тем, что не ошибся в его характере и поведении, когда, так сказать, поручился за того и за другого.

Ему всегда будут, без сомнения, ставить в упрёк то, что он не пытался предотвратить пытки. Возможно, он должен был указать местным властям, как я писал ему 10 марта, способ действия в соответствии с нашими формами и обычаями. Но мог ли французский консул, преследуя преступление, совершённое против одного из его протеже, немедленно изменить мусульманское законодательство? Это должны были сделать прежде всего консулы, объявившие себя защитниками евреев, путём энергичных протестов. Далеко не так, письмо от 21 января господина Мерлато, австрийского консула, которое приложено к отчёту господина Десмулаз, поощряет генерал-губернатора арестовывать евреев — австрийских и тосканских протеже, в то время как, согласно восточной юрисдикции, именно он должен был вести процесс.

Будем надеяться, господин министр, что это прискорбное дело, имевшее такой большой резонанс, побудит все правительства договориться о похвальной цели — реформировать варварское законодательство».

Источник:

Архивы Министерства иностранных дел, Александрия, Департамент торговли, Том 28.

— Письмо Кошле Тьеру от 23 мая, № 192, лист 480-481, Приложение, лист 482-483.

— Ответ министра Тьера от 19 июня, лист 492, и письмо от 27 июня, № 71, лист 495-496.

— Доклад Кошле министру Тьеру от 6 августа, № 202, лист 508, 509.

Константинополь, 27 мая 1840 г.

Посол Понтуа — министру Тьеру.

Тема: Дело отца Фомы в Дамаске и инициатива еврейской общины.

Господин министр,

Резонанс, который получило в Европе дело евреев Дамаска, и сведения, которые мне только что дали газеты о шагах, предпринятых перед правительством короля с целью добиться его вмешательства, побуждают меня пойти навстречу объяснениям, которые Ваше Превосходительство могло бы быть вынуждено запросить у меня в этой связи, и сообщить ему уже сейчас о той роли, которую посольство Его Величества сыграло в этой мрачной и таинственной драме, которая так живо занимает сегодня общественное внимание.

Эта роль была весьма ограниченной. Ибо до сих пор я не получил никакой информации от господина французского консула в Дамаске об этом событии. Он ограничился тем, что вскользь сообщил мне в письме от 23 апреля прошлого года, что всё его время поглощено заботами о ведении процедуры по делу об убийстве двух французских протестантов.

Но, получив от нескольких влиятельных евреев этой страны, действующих от имени еврейской общины Дамаска, прошение, копия которого прилагается (см. стр. 4 этого досье), я поспешил передать его графу де Ратти-Ментону, а также жалобу по тому же вопросу от интернунция (австрийского посла в Константинополе), сопроводив эти два документа письмом, которое также прилагается. Я, естественно, ещё не получил ответа.

Меня только что уведомили, что по настоянию английского генерального консула паша Египта отдал приказ прекратить применение пыток и чтобы дело было заново расследовано надлежащим и законным образом.

Имею честь...

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Турция, Посольство в Константинополе, Политическое управление. Том 280, № 38, л. 222-223.

Примечание: Жалоба австрийского интернунция не находится в этом же томе.

От: Министра

Кому: Кошле

Тема: Визит представителей европейских евреев к Мохаммеду Али по поводу убийства отца Фомы.

«Информация, переданная прессой, указывает, что из-за непрекращающегося давления адвокатов господ Кремьё и Монтефиоре Мохаммед Али издал свои приказы прекратить все преследования евреев, обвиняемых в убийстве отца Фомы и его слуги в Дамаске. Что я хотел бы знать, было ли это решение принято, безотносительно к соображениям гуманности, из-за давления, оказанного на принца Мохаммеда Али, чтобы положить конец неприятным страданиям и трудностям, вызванным этим делом. Было ли это решение принято из милосердия и сострадания? Или в результате пересмотра всего дела и следственных процедур?

Пожалуйста, в свете этого, сообщите мне о причинах и обстоятельствах, которые побудили вице-короля Мохаммеда Али издать свой приказ».

2 декабря 1840 г.

Ответ Кошле министру Гизо, преемнику министра Тьера.

Господин министр,

Вместе с письмом прилагаю переведённую копию исполнительного указа, изданного Мохаммедом Али 28 августа относительно евреев Дамаска, который вы запросили вашим телеграфным сообщением от 29 октября.

Мохаммед Али решил издать этот указ из сострадательных и гуманных побуждений из-за неприятных страданий и трудностей, вызванных этим делом. Тяжёлая болезнь Мохаммеда Али сыграла важную и полезную роль в изменении условий его исполнительного указа. Никакого пересмотра следственных процедур не проводилось. Меня не удивит, если дело будет передано на рассмотрение Императорского двора в Константинополе. Особенно когда Дамаск находится в пределах досягаемости османских турок. Последние новости указывают на то, что османский султан в ответ на требование господина Монтефиоре дал еврейскому народу исполнительный указ, объявляющий, что «преступления, подобные дамасскому преступлению, не должны представляться или

рассматриваться в Османской империи», потому что такого рода расследование открывает возможности для новых скандалов. Нет никаких сомнений в честности следственных процедур.

Я считаю, что в интересах всех евреев не упоминать расследование этого злополучного дела. Время уменьшит интенсивные чувства напряжения и ненависти в результате этого дела. Правительство Его Величества Короля само обязано оправдать поведение и защищать позиции своих чиновников и разрешить прессе публиковать официальные документы, которые дали бы возможность для дискуссии. Однако это не было бы уместным или подходящим.

Преданный вам...

Приложение: Перевод исполнительного указа, адресованного генерал-губернатору Сирии Шериф-паше от 2 раджаб 1256 года хиджры (29 августа 1840 года) относительно евреев Дамаска, убийц отца Фомы и его слуги.

«Господа Монтефиоре и Кремьё явились ко мне от имени еврейской общины Европы, чтобы попросить меня освободить и успокоить тех евреев, которые сегодня находятся в тюрьме или в бегах из-за преследований, вызванных исчезновением в Дамаске отца Фомы и его слуги в месяце зуль-хиджа 1255 года.

Ознакомившись с этими просьбами и мольбами, представленными от имени значительного сообщества, я не счёл возможным отклонить их и приказал следующее:

«Вы освобождаете тех из еврейской нации, кто находится в тюрьме, и успокаиваете тех, кто бежал, приглашая их вернуться. Вы позаботитесь о том, чтобы они продолжали заниматься своим ремеслом и торговлей, и чтобы никто из них не подвергался дурному обращению со стороны кого бы то ни было при занятии своей профессией. И, защищая, как и прежде, их покой и спокойствие, вы не пренебрегаете ничем, чтобы возродить безопасность среди этой нации».

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Александрия, Департамент торговли, том 28.

Для письма министра от 29 октября, № 79, с. 532-533.

Для ответа консула от 2 декабря, № 220, с. 542-543. И для приложения, с. 544.

Дамаск, 12 декабря 1850 г.

Сегюр-Дюперон — министру.

Тема: Снятие надписи на гробнице отца Фомы в церкви отцов-францисканцев.

Вы оказали мне честь, беседуя со мной перед моим отъездом из Парижа, о шаге, предпринятом лордом Норманли перед вами с целью добиться снятия обвинительной для евреев надписи, которая находится на гробнице, воздвигнутой отцу Фоме в капуцинской церкви в Дамаске.

Я имел честь заметить вам, что этот шаг английского правительства мог иметь только одну цель — расширить влияние, которое Англия уже имеет на большое число евреев этого города. Действительно, без этого какой интерес могла бы иметь Великобритания, христианская страна и правительство, в исчезновении надписи такого рода в городе, который мало посещают, и в церкви, которую иностранцы не посещают, настолько она бедна и неизвестна. Я добавил, что то влияние на евреев, которое Англия приобрела бы, если бы мы уступили её желаниям, мы потеряли бы во влиянии на христиан.

Совсем недавний факт только что доказал, насколько сильно то, что связано с эпитафией отца Фомы, впечатляет христианское и еврейское население Дамаска.

Господин Гюстав де Ротшильд, сын господина де Ротшильда из Парижа, путешествует в настоящее время по Сирии. Он взял паспорт под именем господина де Феррьера, чтобы избежать множества домогательств со стороны своих единоверцев. Но его инкогнито было вскоре раскрыто. Прибыв в Дамаск за один или два дня до моего прибытия (мы жили под одной крышей и ели вместе), раввины пришли к нему, евреи окружили его, и он говорил со мной затем о шаге, который его просили предпринять передо мной относительно гробницы отца Фомы.

Мне не составило труда дать ему понять, что ничто не могло бы больше повредить успеху подобных переговоров, чем необдуманная поспешность евреев использовать любую возможность, чтобы публично занимать самых видных из своих европейских единоверцев желанием, которое они испытывают, видеть стёртой с этой гробницы надписи, обвиняющей их в убийстве бедного миссионера.

Но евреи не ограничились словами. Они использовали соблазны другого рода. Они устроили в доме одного из них, французского протестанта, большой вечер в честь господина де Ротшильда и обратились ко мне с самыми настойчивыми просьбами, чтобы я присутствовал там вместе с моей семьёй.

Я сразу же понял, какое влияние такая уступка с моей стороны могла бы произвести при подобных обстоятельствах на умы христиан, и я добился того, что мой отказ был принят, не обидев при этом евреев. У меня есть

основания полагать, что христиане были мне признательны за такое поведение...

Христиане испытывали, как всегда при прибытии какого-либо видного европейского еврея, некоторое беспокойство. Я понял, что капуцины, которые два года назад все покинули Дамаск, сдав свой монастырь армянам-католикам, собираются прислать сюда одного из своих, чтобы наблюдать за гробницей отца Фомы.

С другой стороны, когда господин де Ротшильд захотел приобрести некоторую ткань на фабрике одного христианина, французского протезе, христианин нашёл уловки, чтобы не продавать человеку, который, как ему казалось, приехал в Дамаск только для того, чтобы использовать своё влияние для достижения того, чего так желают евреи.

Я вдаюсь в эти подробности, господин министр, чтобы лучше показать вам, что этот вопрос об эпитафии отца Фомы — не очень простое дело и что наша политика здесь должна заключаться в том, чтобы заставить евреев набраться терпения, одновременно успокаивая христиан. В противном случае мы будем делать дела англичан...

P.S.: Вот перевод итальянской эпитафии отца Фомы. Эта надпись повторяется на надгробном камне на арабском языке:

«Здесь покоятся кости миссионера-капуцина, отца Фомы, убитого евреями 5 февраля 1840 года».

Согласно тому, что я узнаю сегодня, я не сомневаюсь, что шаг, предпринятый перед вами, господин министр, лордом Норманли, является результатом обязательств, взятых перед евреями английским консулом в Дамаске господином Вудом, который только что провёл отпуск продолжительностью более месяца в Англии.

Источник: Архивы Министерства иностранных дел. Консульство Дамаска — Политическая переписка, том 2 (1848-1853), № 1, с. 132-135.

Переписка консула:

1. Письмо Мозеса Монтефиоре Пальмерстону от 28 февраля 1850 г. Там же, с. 92-94. Письмо с прошением о помиловании к английскому министру о вмешательстве перед французским министром иностранных дел в Париже. В письме Монтефиоре упомянул о своём вмешательстве по этому вопросу перед кардиналом Рима.

2. Письмо Мозеса Монтефиоре принцу Луи Наполеону на ту же тему. Там же, с. 95-96. Господин Монтефиоре приложил к своему письму текст надписи на итальянском и арабском языках на могиле во Францисканской церкви в Дамаске.

3. Письмо Пальмерстона лорду Норманли от 8 марта 1850 г. Передача прошения о помиловании, представленного Монтефиоре. Там же, с. 98.